

A painting of a person in a field at sunset. The person is seen from behind, wearing a dark coat and a hat, walking through a field of tall, golden grass. The sky is filled with soft, golden light and large, dark clouds. The overall mood is serene and contemplative.

Юрий Мамлеев
Россия Вечная

Россия Вечная

Юрий Мамлеев
Россия Вечная

2020

ББК 87
УДК 14
М 22

ISBN 978-5-9905747-9-3

Юрий Витальевич Мамлеев

Россия Вечная

М.: – Издательская группа Традиция, 2020. – 232 с.: илл.

Огненно-пронзительная искренняя книга Юрия Витальевича Мамлеева «Россия Вечная» – живой поток, утоляющий жажду взыскующего России. Через волшебный русский язык, через великую русскую литературу начинает Мамлеев познание метафизической сути нашей родины, проводя через этот процесс читателя. Его Русская Доктрина берёт новые духовные высоты, продолжая наследовать русской философии, всегда ищущей и утверждающей русскую идею. Эта работа не оставит никого равнодушным, потому что она заставляла «гореть» самого автора, считавшего книгу «Россия Вечная» венцом своего творчества.

*В оформлении обложки использован фрагмент
картины Григория Мясоедова «Дорога во ржи».*

- © Юрий Мамлеев
- © Тимофей Решетов, предисловие
- © Издательская группа «Традиция»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. «Россия Вечная» и русская философия	7
Ч А С Т Ь I	
ДРЕВО РОССИИ	
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Русская поэзия	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Русская проза	52
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Русская философия	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Православие	73
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Народная стихия (народные религиозные секты)	83
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Невидимое древнее мировоззрение	90
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Россия и Восток	100
Ч А С Т Ь II	
РУССКАЯ ДОКТРИНА	
Русская доктрина	117
Великая Россия	183
Россия духа и земли	197
Послесловие	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Россия Вечная» и русская философия

*У*мя Юрия Витальевича Мамлеева, автора десятков рассказов и романов, переведенных на многие языки мира, широко известно в России и за рубежом. Юрий Мамлеев родился в 1931 году в Москве. В 1960-е годы он был одним из вдохновителей и неформальных лидеров движения «неконформистов», объединявшего философов, писателей, художников, ярких представителей богемы и элиты советского общества. В 1974 году Мамлеев был вынужден эмигрировать из СССР сначала в США, а затем позже – во Францию, где он жил и работал до 1989 года. С эпохой перестройки открылась возможность снова бывать в России, куда Мамлеев с супругой окончательно и возвращаются в начале 1990-х годов. С тех пор в России опубликовано множество его литературных произведений. Юрий Мамлеев также известен как философ благодаря двум основным своим работам – «Судьба бытия» и «Россия Вечная».

Настоящее издание книги «Россия Вечная» – третье по счёту. Впервые она вышла в свет в 2002 году в издательстве «АиФ-Принт». Книга не только сразу привлекла к себе внимание в философской среде, но сделалась также предметом обсуждений и изучения более широкого круга читателей. В 2011 году в издательстве «ЭКСМО» в серии «Библиотека всемирной литературы» работа «Россия Вечная» вышла повторно. И снова – мощный общественный резонанс, книгу читают, она востребована.

В 2012 году за этот труд Юрию Мамлееву присуждена премия Правительства Российской Федерации. И вот теперь эта работа выходит вновь в издательской группе «Традиция».

Три издания за 15 лет для философского труда в XXI век – это по меньшей мере немало. Философия в современном мире отодвинута куда-то на задний план, она стала сегодня уделом узкого круга специалистов. Назвать «философией» жизни наше жадное, потребительское отношение к планете и друг к другу, как-то даже язык не поворачивается. Материализация всех человеческих ценностей опускает нашу общую философию жизни на очень грубый, низкий уровень, где все взаимодействия между людьми сводятся к шуршанию банкнот. Казалось бы, философия денег – какая же эта философия?! Но реальной всеобщей альтернативы у нас пока нет не то, что в планетарном, но даже и в государственном масштабе, и мы вынуждены с прискорбием это констатировать.

Жизненная философия, понятная, обоснованная мировоззренческая парадигма необходима всем людям, даже тем, кто склонен это отрицать. Ибо она даёт ответ на исконные вопросы: какова природа реальности? кто я? зачем мне быть? Такая философия стоит на стыке религии, науки, общественных отношений и определяет цели и задачи жизни всех людей: как каждого отдельного индивида, так и всех, взятых вместе, как некой общности. Иногда она является чем-то примитивным, вроде племенного пантеизма, но может доходить и до утончённых форм нравственности и эстетики, которые следуют более возвышенным образцам братской любви, жертвенности и смирения. В основе всякого общества, социального строя обязательно лежит базовая национальная философия – мы видим это на примерах Вавилона, Египта, Персии, Эллады, Рима... В течение тысячелетней эпохи Византийской империи философия прочно сливается с православным вероучением и изложена в массе трудов «святых отец наших». В то же время на Востоке, в Индии и Китае, философия даёт чёткие ориентиры прежде всего для ищущих Пути, а также и для всех остальных, которым предлагаются «закон» и «панте-

он». Даже в отношении исчезнувших цивилизаций доколумбовой Америки мы можем утверждать, что в их основе лежала самобытная философская система. Практически философия везде неотделима от религии, без Бога любая философия теряет свой смысл за неимением оснований, становится выхолощенной. Это, например, мы наблюдаем сегодня на Западе, где философия зашла в глухой тупик материализма и позитивизма.

Другое дело – русская философия. Надо сказать, что само её существование до сих пор оспаривается в научной среде. Некоторые западные авторы вообще исключают русскую философию «из списка», её как бы и нет вовсе. Их можно понять, ибо русская философия коренным образом отличается от их собственной. Тут случается курьёз: мы их понимаем (разумеется, в рамках философского дискурса), а они нас нет. Может быть, не хотят, может быть не могут, итог один и тот же. Причём все в принципе даже согласны, что западная философия «умерла» довольно быстро вслед за тем, как на Западе «умер Бог». Значит ли это, что в лице западной философии мы имеем дело с трупом? О чём же можно говорить с трупом?

Разумеется, впрочем, что так называемая «западная философия» – не единственная система организации ценностей, чему подтверждением служит массовая приверженность западного же общества к восточным доктринам. Ибо на Востоке осталось то, что фактически полностью утрачено на Западе: преемственность, живая нить посвящения.

Можно было бы назвать философией симбиоз западного эзотеризма с тайными учениями Востока. Но куда она ведёт, что она даёт? Часто за поиском «тайн» кроется лишь стремление индивида осуществить личное могущество. Философия личного могущества всегда упирается в барьер дозволенности, преодолеть который без «санкции свыше» невозможно. Поэтому очевидно, что пока «Бог есть», сохраняется и сама возможность существования «философии»; как только «бога нет», и Человек занимает место бога, становится превыше всего, – какая уж тут может быть фи-

лософия, кроме оголтелого, неприкрытого, наглого вранья? Широко растиражированный по всему миру образ жизни западного человека никакой реальной философии в себе не несёт. Скорее наоборот, он вызывает подчас только зависть и злость со стороны «традиционных» обществ, в которых западные ценности совершенно неприемлемы, в которых религиозная составляющая играет неподдельно важную роль. Так и для русского человека западная модель остаётся лишь элементом личного предпочтения, ибо у него есть всегда еще одна, своя, внутренняя философия причастности к своей великой, тайной родине, России.

Русская философия определённо существует, причём в самом лучшем смысле слова. Вспомним хотя бы таких величайших её представителей, как Федоров, Соловьев, Бердяев, Флоренский, Лосев. Подчас в ней обнаруживаются некоторые противоречия, как например, «западничество» и «славянофильство»; всегда они завершаются синтезом, обе партии приходят к соглашению, что первостепенное значение имеет само бытие России, а выбор вектора – Восток или Запад – зависит во многом от обстоятельств. Русская философия прежде всего требует правды, свободы, справедливости, и именно в этом ключе в основном разрешаются её основные вопросы. Неотъемлемой составляющей русской философии является космизм, этот факт в значительной мере способствует соединению её с наукой.

Русская философия в основе своей глубоко религиозна. Её основные вопросы в основном имеют идеалистический и богословский характер и не разрешимы в контексте «секулярного» дискурса. Тут важно особо отметить её тесную связь с Православием, в котором открывается живая связь с Традицией, направления духовного роста, критерии внутреннего поиска. Корни русской философии уходят, однако, глубже в пучину народного самосознания, народной памяти, где всегда сочетаются обязательная вера в Бога и бесконечная любовь к Матушке России. Образ Китеж-града, Святой Руси весьма характерен именно для русской философии, в нём соединяется память нашего изначаль-

ного единства и чаяния грядущего уже скоро воссоединения; образ этот вневременной, чисто философский.

Новую, неожиданную специфику раскрывают на русской почве различные тайные ордена, мистические учения, народные секты; у них обнаруживается иная, самобытная духовная составляющая. Никакие заговоры, расколы и революции не мешают в итоге всем русским людям пребывать в философском единстве, осознавать собственную тождественность с общей философской идеей, часто не до конца понятой, но явно данной сознанию в быту, в культуре. Такова русская идея, над которой в черед поколений размышляли лучшие умы своего времени, и о чём осталось у нас масса свидетельств. Русская идея имеет глубочайшую историю и традицию.

«Русская философия самобытна прежде всего тем, что в определённом её направлении сама Россия становится в ней «объектом» философии»¹, – пишет Юрий Мамлеев. И в этом отношении труд самого автора весьма показателен. В нём он исследует сами истоки русскости, Россию Вечную, как сверхвселенское поле бытия, космологически явленное на разных уровнях мироздания. Россия как идея, как философская константа, становится центром всего философского поиска.

Нужно отметить, что работа Юрия Мамлеева «Россия Вечная» тесно связана с его предыдущим философским трактатом «Судьба бытия»². Этот трактат является итогом длительного, напряженного философского поиска, основанного на ясном внутреннем ощущении собственной неразрывной связи с Абсолютом. В этой работе автор излагает те основные философские положения, на которых базируется дальнейшее видение русской доктрины. Прежде всего здесь открывается «высшее Я» человека,

¹ Страница 63 настоящего издания.

² Работа «Судьба бытия» в основном написана автором в эмиграции и впервые опубликована в России в журнале «Вопросы философии» в 1993 году. Позже выходила отдельным изданием: «Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма», М.: Эннеагон, 2006.

которое осознаётся как неразрывная связь между данным индивидуальным человеческим существом и самим Творцом. «Судьба бытия» утверждает абсолютное тождество между личным бытием в своем высшем смысле, сформированным вокруг индивидуального Высшего Я, и Абсолютом, источником и вместилищем всякого бытия как такового. Когда иллюзия разрыва между мной (моим Высшим Я) и Богом развеяна, когда собственное тождество с Абсолютом прочно восстановлено, встаёт вопрос, а что же дальше? Есть ли, может ли быть что-то ещё? Так перед взыскующими открывается Бездна небытия, внереальность за пределами Абсолюта. Это бездна того, чего нет, что невозможно себе даже представить, и потому она не укладывается в идею Единого, который мыслится как полнота и содержание всякого бытия. Получается, что есть Всё, и «нет ничего», что в принципе одно и то же, однако существует между ними ясное различие, а стало быть и граница³. Так складываются «Последние отношения».

В работе «Россия Вечная» Юрий Мамлеев раскрывает новые грани Абсолюта. Сама Россия предстаёт здесь как метафизическая реальность, она мыслится как «область», где Абсолют достигает собственного предела. Предел Абсолюта понимается как особое его качественное состояние, по аналогии с пределом мечтаний, пределом знаний, пределом возможного. Здесь, в России, полнота бытия исчерпывает себя, достигает границ, выход за которые невозможен, ибо за ними – Бездна небытия. Именно в России соединяется противоположное – всё, что вообще есть, и то, чего нет и не может быть. В этом кроется её особая роль в мироздании, её высшая суть, её вселенское предназначение.

Доктрина Вечной России являет собой квинтэссенцию русской идеи. Она открывает иное измерение бытия, в котором разворачивается космическое предназначение русской души. Через Россию, в России проходит, происходит невидимая грань,

³ Надо отметить, что ничего подобного нет больше ни в одной известной мировой философской системе.

водораздел, и в то же время осуществляется соединение, сочетание взаимоисключающих данностей. Здесь, на духовной «периферии» Абсолюта, «вдали» от центра высшего единства, в состоянии собственной раздробленности на индивидуальные составляющие, абсолютное бытие смыкается со своей мета-противоположностью, с Бездной внереальности, так Россия обретает своё космологическое воплощение.

Метафизическая сущность России проявляется в России исторической. В наших локальных планетарных условиях разворачивается вселенская драма бытия. Здесь, в нашем дольном человеческом мире, реальность Абсолюта достигает собственного предела, здесь открывается окно, дверь, связь с запредельным, с внереальным. Эта связь отражена и проявляется в тех специфических качествах русского сознания, русской жизни, которые так явственно отличают человека русского от нерусского. Например, лихая бесшабашность, безумная расточительность, истовая жертвенность, непреклонное упорство, всепоглощающая вера. Множество прекрасных примеров святости подарило миру подвижничество святых отцов русской земли. Русские богатыри, исследователи, первопроходцы славятся своей могучей силой и ратным подвигом. Всему этому причиной служит «русский дух», в котором запечатлена высшая сущность России.

«...В этом метафизическом космологизме России отражено все ее парадоксальное положение и по отношению к Богу, и по отношению к миру. Поэтому совершенно ясно, что национальное, русское в России, связанное с особым метафизическим и космологическим началом, выходит за пределы общечеловеческого. Можно даже без преувеличений сказать (учитывая, например, состояние современного человечества), что самое худшее в русских — это то, что они — люди, а самое лучшее — то, что они русские»⁴.

⁴ Страница 153 настоящего издания.

Всё это, впрочем, далеко от концепций банального национализма. Никакого явного человеческого преимущества в своей изначальной метафизической предрасположенности русские не имеют, скорее наоборот, в духовном плане это создает дополнительные сложности, бросает вызов иного космического масштаба. При этом русским присущи качества иного плана, связанные с особым устройством души, с переживанием необъяснимой тоски по запредельному, с близостью сил хаоса, который в России обретает качества сакральности. Всех русских роднит любовь к России, эта любовь необъяснима, иррациональна, сверхличностна и порой превосходит даже любовь к Богу.

«Понятно теперь, почему внезапно, даже у русских людей, возникал страх перед Россией, непомерный страх. Это происходило не только по социальным причинам, а гораздо глубже. Действительно, трудно быть русским (в полном смысле этого слова), ибо трудно человеку вместить то, что вмещает Россия»⁵.

Русские – это не просто этнос или социальная группа, ибо само понятие русскости выходит за рамки планетарной жизни. Быть русскими могут люди разных национальностей, и примером тому – наша страна, в которой сотни различных народов самообъединились в единую Россию, сохраняя при этом свою национальную идентичность и самосознание. Многие «иностранцы» часто открывают в своих душах необъяснимую, непреодолимую тягу, любовь к России, ощущают собственную причастность к её земной судьбе, к её великой тайне. Русская культура и, прежде всего, великий русский язык являются проводниками в глубины русского духа, позволяют всем без исключения вливаться в поток русского бытия.

Такое положение России очевидно вызывает яростное противодействие со стороны сил, беспрекословному владычеству которых она препятствует самим фактом собственно бытия. Юрий Мамлеев иногда называет эти силы «великим

⁵ Страница 167 настоящего издания.

хаосом»⁶ (в противоположность сакральному хаосу). Руссофобская позиция сил великого хаоса таким образом ясна. Но странная загадка заключается в том, что без России наш земной мир, наша планетарная цивилизация просто распадается. Её роль «мирового», который выстраивает порядок там, где царит великий хаос, связует и структурирует иначе несоединимое, никто больше принять на себя не в состоянии. Все попытки изолировать и устранить Россию приводят только к усилению процесса энтропии всего остального мира. Да это и невозможно в принципе.

Сегодня в ряды русских внесён раздор. Раздор этот нам навязан, как, впрочем, это бывало и прежде. Идёт направленная, непрекращающаяся агрессия против русского духа, с целью сломить его, подчинить чужой воле. В этой борьбе все стороны несут тяжкие потери, наступления сменяются капитуляциями, атаки получают отпор. Между тем нет никаких препятствий для того, чтобы между собой все русские снова ощутили себя братьями, связанными единой родиной и единой идеей. Русской идеей, идеей России Вечной. Подобное сплочение единственно и может быть противопоставлено направленной внешней агрессии, способно её обуздать.

Преодолению внутренних противоречий должна служить ясная, объективная философская доктрина, которая способна дать людям основополагающие понятия и ценности, систему связей и способы коммуникации. Уже одна только изоляция разобщающего фактора неизбежно ведёт к упрочению единства в народе, тем более, когда у людей появляется ясная, адекватная цель, общее дело. Причём, что особенно важно, такое единство уже существует, изначально, всегда. Всем русским это известно.

Поэтому в своей работе «Россия Вечная» Юрий Мамлеев обращается далее «к социально-государственным реалиям» и пишет «Таким образом речь опять идёт о НГИ (национально-

⁶ Например, см. «В ПОИСКАХ РОССИИ», «Литературная газета», 27 сентября 1989 г.

государственной идеологии)...»⁷. Идеям Русской доктрины суждено воплощаться в реальности. Для этого необходимо «русский патриотизм», идущий из самых глубин народных масс и являющийся базой для всего остального, сочетать с «общероссийским патриотизмом», социально-ориентированной программой развития Российского государства.

«По существу, Русская доктрина (Русская идея) совместима с любым политическим строем (исключая предательский), имеющим высшую цель не политическую как таковую, а саму Россию»⁸.

Россия – многонациональное, многоконфессиональное государство. И это не мешает ей сохранять своё единство и свою целостность вопреки всем ожиданиям и нападкам своих противников. Равным образом ничто не мешает другим этносам и группам ощутить себя органичной частью России. Причем именно изнутри, когда весь народ уверенно входит в состав России, без всяких войн, без братоубийства. Ибо многим понятно, что Россия сегодня становится последним оплотом в заключительном акте борьбы за планету. Только она имеет потенциал для объединения и примирения всех противоборствующих сторон, для нахождения всеобщего компромисса, для установления планетарного консенсуса. Миротворческая миссия России имеет сейчас (как и прежде) огромное значение для всего мира, и многие страны готовы её в этом поддерживать. Поскольку все люди всех стран на нашей Земле хотят мира, мира для всех, мирного неба над головой для себя и своих детей.

Национальная философская парадигма, основанная на философии русской доктрины, имеет огромный цивилизационный потенциал, поскольку содержит в себе достаточное основание для объединения всех слоев общества в единую народную-государственную силу. «А это – по большому счету – нельзя сделать

⁷ Страница 221 настоящего издания.

⁸ Страница 225 настоящего издания.

без постепенного формирования такой высоко образованной политической элиты, такого правящего класса, формулой веры которого является абсолютная бескомпромиссная преданность России, ее народу, идее Самобытности и Сверхценности России и полная неподкупность в этом отношении»⁹.

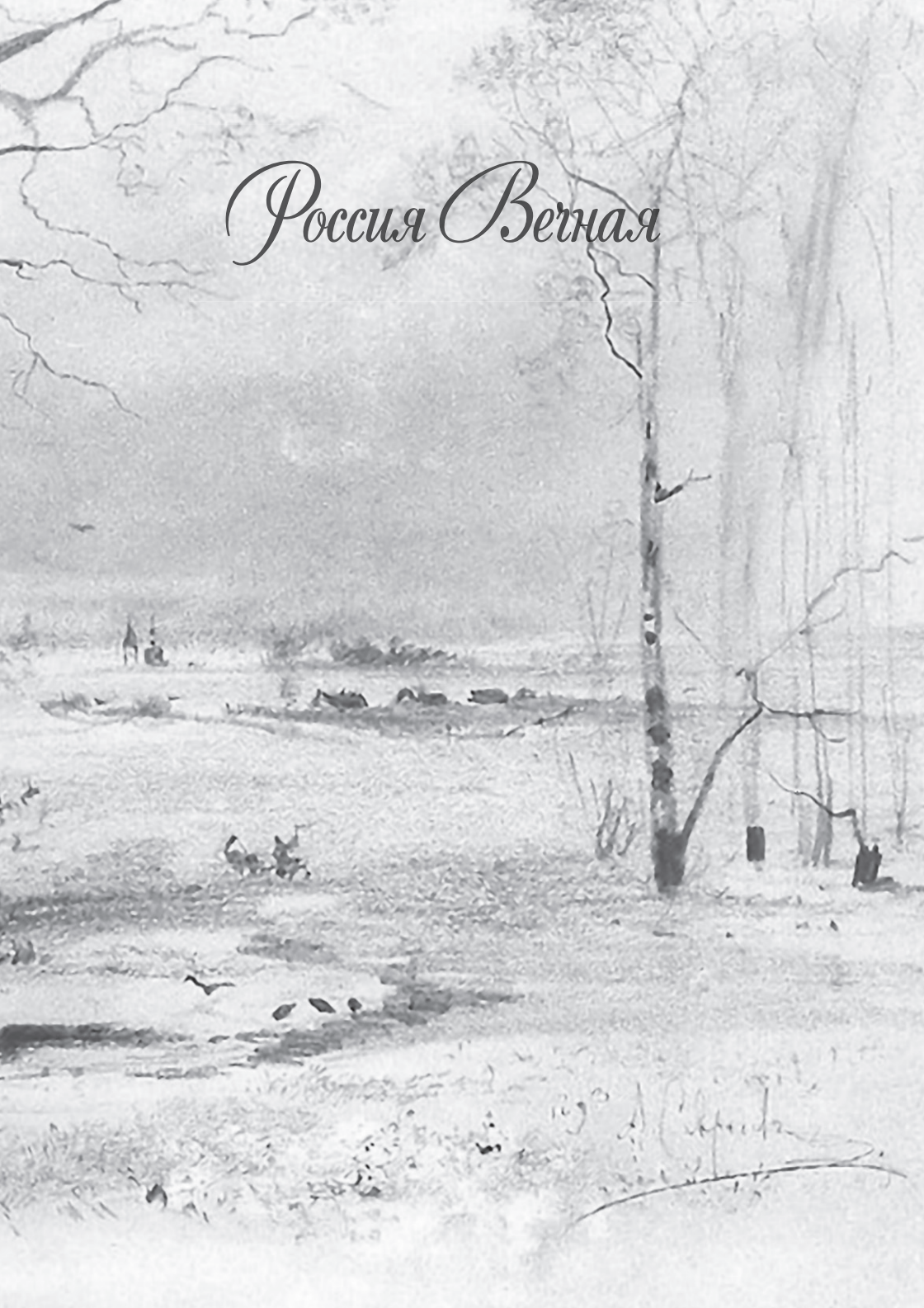
Целью настоящего издания является привлечение всеобщего внимания к вопросу о создании народного общественного движения в поддержку идей доктрины России Вечной. Многим сегодня очевидна та исключительная сила, которая явлена через Россию всему миру, многие ощущают себя частью этой силы и гордятся этим. Все это зиждется на русском духе, которым обладают русские души, и который безразрывно связан с Россией исторической. Существуют все основания для формирования нового типа русского государства, ядром которого станет идея России как высшей ценности. Это полностью соответствует ожиданиям народа, стремлениям патриотически ориентированной элиты, да и самой космологической сути «России Вечной».

ТИМОФЕЙ РЕШЕТОВ

⁹ Страница 217 настоящего издания.

Россия Вечная

Эта книга посвящена исследованию русского национального духа как на его вневременном, вечном уровне, так и в его проявлениях в нашей культуре, искусстве, истории, философии, образе жизни и т.д., а также в его скрытых моментах, таящихся в глубинах Русской Души и нашей жизни. Сначала, в первой части, идет «погружение» или исследование этого, путь русскоискательства, познание России. Во второй части следуют окончательные глобальные выводы, которые приводят к образованию Русской Доктрины, включая ее космологические, метафизические и экзотерические (обращенные к социально историческим реалиям) стороны.

Необходимо отметить, что слово «русский» употребляется здесь не только в смысле собственно русских. Это понятие («русский») употребляется здесь также и в духовном смысле: к русским могут относиться все, кто любят Россию, живут в русской культуре и в русском языке, считая Россию своей Родиной. Более того, известны случаи, когда люди других стран, принадлежащие к совершенно другой культуре и цивилизации, испытывают таинственную и непонятную для них самих любовь к России, неустрашимое влечение к ней и даже посвящают свою жизнь России и ее познанию. О таких говорят: они родились с Русской Душой, они духовно русские.

Юрий Мамлеев

ЧАСТЬ I

ДРЕВО РОССИИ

Глава первая

Русская поэзия

*Н*аше исследование и погружение в бездну русского духа, в свою бездну, начинается с русского искусства, точнее, с литературы и поэзии, ибо именно в них присутствует тайная мощь пророчества, видение всего потока и сути жизни, а также потому, что образ бывает нередко глубже самой мысли или, во всяком случае, не уступает самым глобальным интеллектуальным прозрениям. Недаром в Индии людей высшего искусства приравнивали к браминам. Мы увидим, что и в России наши поэты и писатели фактически создали грандиозную панораму метафизической жизни России, картину ее внутреннего самосознания. Но эта огромная, подлинная сокровищница России до сих пор не раскрыта и не понята полностью, хотя все их произведения — перед нами, перед нашим взором.

Я начну с поэзии, именно с русской патриотической лирики, в которой наиболее отчетливо проявлены важнейшие качества нашего национального духа. Стихи, о подтексте которых я хочу говорить, являются, по существу, хрестоматийными: их знает большинство русских людей, как знают они прозу Гоголя, Достоевского, Толстого. Тем не менее «хрестоматийность» этих стихов отнюдь не отменяет не только их необычную философскую глубину и поэтическую силу, но и их загадочность.

Думаю, что в основе всей русской классической литературы, в ее подоснове (а не только в этих стихах, конечно) лежит глу-

бочайшая эзотерическая философия жизни, одним из важнейших аспектов которой является познание самой России и созерцание ее тайны. Для Русской Души самый кардинальный вопрос — «Что такое Россия?». Поэтому не только в литературе и в искусстве, но и в русской философии Россия фактически стала одной из важнейших тем (в том смысле, в каком в обычных случаях объектом философствования являются Ничто, Бытие и т.д.).

В этом проявляется явная самобытность русской культуры и русского ума. (Другой несомненный аспект — связь с Востоком, особенно с Индией.) Однако этот процесс русского самопознания, русскоискательства только начат в исторической России. Такое искательство не раз — в разной форме — отмечалось глубокими наблюдателями; в частности, Рудольф Штайнер¹ отмечал, например, что русские еще не знают (в полной мере) собственной души, и реализация Русской Души — дело будущего (в историческом смысле, конечно).

Правда, здесь необходимо сделать некоторую поправку, по крайней мере, в форме следующего вопроса: можно ли вообще это «знать», нет ли здесь аспектов, выходящих за пределы всякого знания? Тем не менее проблемы русского самопознания и исторического предназначения России остаются главнейшими проблемами русской духовной истории (наряду с религиозными вопросами). Они с различных точек зрения решались русской мыслью как древней, так и новейшей. Все предлагаемые «ответы», несомненно, представляли собой какие-то грани великой истины о России. И, по крайней мере, существенная часть этой истины выражена с огромной силой в русской классической литературе.

Но метафизика России, лежащая в подтексте ее патристической лирики, имеет, на мой взгляд, бесценное значение. И хотя не все, что создано в этой сфере, я буду рассматривать сейчас, все-таки и в этой «капле» отражены глубочайшие без-

¹ Рудольф Штайнер (1861–1925) — немецкий философ, основоположник антропософии.

дны русского микрокосма. Тем более что в этой «капле» представлены имена величайших русских поэтических гениев: Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина.

Начнем с небольшого шедевра Пушкина «Два чувства дивно близки нам». Это стихотворение, по существу, является поэтической объективизацией космического значения родины: не только России, но и Родины вообще. Пушкин здесь интуитивно угадал или, точнее, переоткрыл древнейшую эзотерическую мудрость: для человека место его рождения важнее всей вселенной, ибо это та точка, то место космоса, которое астрологически и духовно определяет внутреннюю суть родившегося человека. Оно действительно дано человеку «по воле Бога самого», поэтому отказ от родины, духовный отказ от родины является, по сути, актом самоубийства, гораздо более страшным, чем физическое самоубийство, ибо это отказ также от самого себя, от своего главного предназначения, от своей внутренней интимнейшей сути, от своего духовного сердца. Результатом этого отказа может быть только смердяковщина в ее пародийно-космическом смысле, как выражение предательства по отношению к своему собственному сердцу, к своей душе. Дальнейшим прогрессом в этом отношении является тотальное превращение человека в роботообразное существо, пусть и наделенное внешним интеллектом и даже принадлежностью к религии, но еще более жуткое при этом: из-за полного отсутствия человека внутреннего и духовной первоосновы.

Патриотизм Пушкина, его широчайшая, как бы слитая со стихией русских народных легенд и сказок, любовь к России бесконечны, но именно Лермонтову, на мой взгляд, суждено было первому совершить важнейший поворот в русской патриотической лирике, благодаря которому она приняла другое, совершенно неожиданное и метафизико-таинственное направление, которое потом, как непонятая еще до конца песня, зазвучало в лирике Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина, Андрея Белого (в его книге «Пепел»), Волошина, Цветаевой, Клюева и других. Этот радикаль-

ный поворот совершенно ясен при внимательном чтении стихотворения Лермонтова «Родина».

Надо сказать, что гений Лермонтова занимает совершенно особое место в истории русской духовной культуры. Он явился как бы первооснователем фундаментальных течений в русской литературе. Действительно, классическая русская литература ведет начало от «Героя нашего времени», в котором заложены зерна и будущего Достоевского, и будущего Толстого. Я уже не говорю о пророческом даре Лермонтова, сравнимого разве с пророческим даром Блока, Хлебникова и Волошина. Однако в данном случае речь идет о стихотворении «Родина». Уже само начало его провозглашает новый поворот в русской патриотической лирике. Поэт говорит о своей «странной» любви, ибо она не основана на обычных патриотических воззрениях того времени. Его любовь — другая, внутренняя, направленная на какую-то тайную суть России, которую сам поэт еще не знает, но которая вызывает в нем приток почти мистической любви к Родине. Как видно из стихотворения, эта «странная» любовь связана с созерцанием русской природы и русской народной жизни («дрожащие огни печальных деревень»), которая воспринимается поэтом «с отрадой, многим незнакомой». Последние слова о том, что получить эту «отраду» не так-то просто, — ключ к пониманию того, что должен быть мистический внутренний ток, духовный контакт между русской природой и душой человека. Именно тогда и устанавливается это таинственное единство, благодаря которому совершенно очевидным становится, что образы русской природы, деревни и, с другой стороны, внутреннее состояние Русской Души — это фактически одно и то же. Первое — лишь внешнее выражение последнего. И все они вместе: и русская природа, и деревня, и это внутреннее состояние — являются, по существу, выражением иной, глубочайшей, может быть, космической тайны, тайны бытия России.

Уже это одно стихотворение Лермонтова раскрывает, что любовь к России не является для русских только естественным

патриотическим чувством, а в ней, кроме того, заложено нечто большее, чем просто любовь к Родине. Иными словами, Россия — и Родина, и чудо, и запредельная тайна, и поэтому она к себе так притягивает. То, что выражено в этом фундаментальном стихотворении Лермонтова только в зародыше, потом необъятно разлилось в загадочной и мистической лирике Блока и Есенина. Но чтобы понять это, надо иметь соответствующий духовный поток. Вот почему сущность русской патриотической лирики плохо понимается на Западе, ибо она вне западного уровня и ума вообще (как правило, ограниченного, чем и объясняется естественная неспособность западного ума понять Восток, в частности Россию и Индию). Удивительно, что в этом стихотворении Лермонтов использует древний символизм «березы», который уже по-иному зазвучал в лирике Есенина!

Итак, в этом стихотворении впервые любовь к России связана с тайной («Но я люблю, за что, не знаю сам»). Этот момент почти буквально повторяется потом в русской лирике, например у Есенина («Но люблю тебя, родина кроткая! А за что — разгадать не могу»). Видимо, окончательная разгадка этой тайны, если она действительно возможна в пределах исторического бытия, — дело далекого будущего. Однако чувство тайны России отныне стало краеугольным камнем русской поэзии, камнем, на котором может быть построен храм. Собственно, с этим «чувством» тайны связано и знаменитое тютчевское стихотворение («Умом Россию не понять»), которое наряду с отрывком из Есенина взято мной в качестве эпиграфа к избранным стихотворениям о России.

Само по себе это так называемое «чувство», несомненно, отвечает определенной космологической и мистической реальности, лежащей в основе бытия России, ибо чувство тайны, появляющееся у многих людей на протяжении веков, может возникать только тогда, когда эта тайна действительно существует. Александр Блок, может быть самый национальный русский поэт XX века после Есенина, выразил это с необыкновен-

ной, чисто поэтической точностью («И в тайне ты почиешь, Русь»). Иными словами, тайна, тайна России и, следовательно, Русской Души не просто «присутствует», не просто «факт», а сама Россия и Русская Душа лежат в ней как в своем истинном одеянии и сущности. Слова «Россия» и «Русская Душа» неотделимы от тайны. Вся эта метафизическая реальность теснейшим образом связана с другими хорошо известными качествами России, о которых, преодолевая обычную западную слепоту в отношении Востока, писали и наиболее чуткие западные писатели. Из этих качеств особенно важное — так называемая незавершенность, нежелание быть абсолютно законченным. Нигде, пожалуй, это качество не выражено так сильно, как в гениальном романе Гончарова «Обломов», ибо это не просто «Илиада» русской лени, но и намек на то, что излишняя активность, завершенность противоречат русской идее безграничности, выходящей за пределы нашего восприятия.

Эта идея «невместимости» России в мир, причем даже в мир настоящий, а не только в пародийный, «штольцевский», проходит вечной нитью в русской национальной лирике:

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица,
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

А. Блок

Пожалуй, с не меньшей силой все это выражено и в стихотворном сборнике «Пепел» гениального Андрея Белого, этого Джойса русской модернистской прозы. В уникальных по мощи стихах поражает, например, одна строка: «В пространствах таятся пространства», что соответствует идее русской матрешки, а именно: Россия скрывает в себе иную Россию, идея России идет в глубь самой себя. Но как бы фантастически по-иному она ни

раскрывалась в своих уходящих вдаль, убегающих внутрь глубинах, она остается всегда той же неизменной Россией². И, обнажая пространство за пространством, снимая покров Изида, вы видите в конечном итоге то же самое — Россию. Итак, тема России связана с идеей сфинкса, особенно у Блока, но понимаемой глубоко самобытно.

Непроявленность России, таким образом, оставляет поле для тайны, свободу космологического движения, возможность поцелуя, направленного в неизвестное. Иными словами, Россия слишком грандиозна, чтобы быть завершенной. Никакая человеческая идея не может полностью выразить ее³. Эта незавершенность, оставляющая пространство для тайны, вероятно, и вызывает чувство тоски, то знаменитое, знакомое всем русским чувство, которое весьма трудно определить. Но его проявление представлено так хорошо в русской поэзии и литературе, что трудно даже остановиться на каких-либо примерах.

Надо, однако, предположить, что это «чувство» тоски и обездоленности, по крайней мере на своем последнем уровне, вовсе не носит негативный характер, а совсем наоборот, сущность его должна быть понята позитивно... Ибо это «чувство-идея», при всей своей многогранности имеющая отношение к самым разным уровням реальности, дает, например, возможность русским провидеть, предвосхитить всю необъятную загадочность своего бытия, биение своей идеи, скрытой за покрывалом бесконечного русского пространства и русской песни.

В избранных мной стихах это чувство тоски и незавершенности выражено с необыкновенной поэтической силой. Но нигде, пожалуй, оно не высказано так потрясающе, как в стихотворении

² В связи с этим интересно замечание одного западного наблюдателя, Нетцеля: «Для русских характерно чуждое иллюзии чувство реальности, которое, однако, совмещается со стремлением к целям, осуществление которых лежит за пределами всего реального».

³ Эта широта, необъятность идеи России проявляется, конечно, и в ее географической необъятности. Здесь поэтико-мистический патриотизм и державный (Россия как держава) полностью совпадают.

Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать». (Может быть, с такой же силой оно проявлено в русских народных песнях.) Хотя сама русская природа является здесь как бы манифестацией этой мистической лишенности и тоски, вместе с тем именно эта лишенность, обездоленность вызывает не отталкивание, но, наоборот, взрыв, поток непреодолимой любви к Родине, отчего «так легко зарыдать». Таким образом, тоска ведет к позитивному чувству любви, причем не потому, что это только простая земная обездоленность и сиротство, но и метафизическая, оттого и тоска так глубока, и любовь так сильна и непреодолима. У Блока это выражено с сокрушающей, чисто русской откровенностью:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви...

И опять: «Что ты для сердца значишь?» (Блок). Роковой, русский, пока безответный вопрос. Таким образом, русская тоска действительно часто беспредметна, хотя, казалось бы, вызывается какими-то конкретными причинами, например, видом печальных и нежных русских равнин и лесов, но сам этот вид, эта природа — скорее манифестация тайной, необъяснимой, космологической тоски. Поистине, русская природа и Русская Душа — это нечто единое. Отсюда, может быть, и одна из причин древней любви русских к своей земле. Таким образом, мы видим, что любовь русских к своей стране — отнюдь не слепая в духовном смысле любовь к Родине, она имеет глубочайшее метафизико-онтологическое основание.

Эта почти сверхъестественная любовь — и потеря ее означала бы гибель русской нации — составляет один из важнейших аспектов русского самопознания. Но прежде чем перейти к ее растолкованию, насколько это возможно в пределах человеческого разума, стоит сказать несколько слов о значимости русских поэтов, особенно в смысле их влияния на сознание людей. Хотя русская поэзия

первой половины XX века дала примерно 15–17 имен поэтов необычайного, хотя и неодинакового художественного дара, лишь некоторые из них стали властителями умов и оказали глубочайшее духовное влияние на формирование сознания и ценностей у поколений XX века. Среди них, безусловно, два царских места принадлежат А. Блоку и С. Есенину, так же, как в поэзии XIX века — А. Пушкину и М. Лермонтову, в прозе XIX века — Н. Гоголю, Ф. Достоевскому и Л. Толстому. Несомненно, критерием гениальности, помимо самого поэтического таланта в узком смысле этого слова, является сотворение поэтом или писателем собственного мира, космоса, при условии его глубины, самобытности и философской значимости. И здесь Блок поистине уникален, ему нет равных в поэзии XX века, он подлинный Данте русской поэзии, создавший свой ад (мир XX века) и свой рай — Вечную Женственность как аспект Божественного проявления. Но неотъемлемой частью великой поэзии Блока явилась Россия, не ад и не рай поэта, а его тайна, его истинная любовь, которой он посвятил свои лучшие стихи. Философский, поэтический и мистический гений Блока был троекратно усилен, в смысле воздействия на умы, его стихами о России. Такое творчество, естественно, в своей важнейшей части связано с темой Родины, причем эта тема была развита Блоком до невероятной космической глубины. Он завершил этим великие традиции патриотической лирики XIX века.

Значение же Есенина в русской поэзии и в духовном мире при всей общепризнанности его поэтического гения еще далеко не разгадано до конца, и оно настолько огромно и необычно, что не будет преувеличением сказать, что значение Есенина как национального русского поэта не уступает значению Пушкина. Но вместе с тем оно до такой степени уникально, что, собственно, поставить Есенина в какой-то ряд почти невозможно, и о его поэзии речь будет идти ниже.

После Блока и Есенина идут, несомненно, Хлебников, Цветаева и ранний Маяковский не только благодаря своим чисто поэтическим талантам, но и в силу сотворения ими своих собственных

миров и лежащей в их подоснове мифологии; наконец, в силу их воздействия на умы, открытия новых путей в поэзии... Потом идут, по крайней мере, десять-двенадцать более или менее равноценных имен. Почему-то явно недооценен Заболоцкий. И, наконец, следует отметить, что в истории русской поэзии не раз случалось, что поэты не самого высшего уровня вдруг создавали отдельные поэтические циклы такой силы, которая возносила эти стихи в самый центр поэтического неба. Так было, например, с Волошиным, чей цикл о России не имеет, может быть, себе равных в русской поэзии по глубине пророческих видений. Но, прежде чем приступить дальше к погружению в философию русской патриотической лирики, нужно остановиться на феномене С. Есенина.

О Есенине написано так много, но, тем не менее, он не раскрыт даже наполовину. Разумеется, по всем общепринятым в литературной науке критериям, он — великий поэт, но суть, на мой взгляд, заключается в том, что, помимо «обычных» качеств, свойственных гениальному поэту, у Есенина есть еще одно, которое ставит его поэзию вне всяких мировых аналогий и стандартов. И прежде чем «анализировать» поэзию Есенина, попытаемся каким-то образом определить это качество, то есть определить почти неопределимое. Реальность этого качества доказана совершенно фантастическим и вместе с тем глубинно особым воздействием поэзии Есенина. Это особое воздействие совершенно реально для большинства русских читателей. Но важно понять до конца философско-метафизическую основу этого воздействия, тем более что часто довольствовались только эмоциями. Суть искусства заключается (об этом писал еще Толстой) в том, чтобы передать некий жизненный и духовный опыт. Таким образом, искусство на высшем своем уровне — совершенно непрофессиональное дело, ибо может ли быть профессией сама жизнь («профессионально» только средство передачи)? Но то, что передал нам Есенин, на своем высшем уровне входит в сферу уже внелитературную, в ту почти невыразимую тайную сферу, где власти-

телем является, может быть, источник нашего русского бытия или его самый тайный пласт.

Итак, это качество. Я глубоко убежден, что оно связано с тем, что поэзия Есенина вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем Русской Души, с тем уровнем, который коренным образом связывает русских с Россией и с собой. Поэзия Есенина — это контакт с сокрытым миром изначальных качеств Русской Души и русского бытия⁴. Это введение в новый невидимый град Китеж, в град сокровенных пластов русского бытия. Вы, таким образом, входите в сокрытую сокровищницу собственной души, ибо Русская Душа и Россия метафизически одно и то же.

Как этого достигает Есенин конкретно, в плане слов, подтекста, интонации?

Прежде всего, целый мир, вся стихия есенинских образов почти «автоматически» вызывает в Русской Душе то соприкосновение с сокровенно русским, о котором говорилось. Эта работа — не литературный анализ, а исключительно философский, но совершенно очевидно, что образы есенинской поэзии действуют именно в этом направлении. Как известно, символика есенинской поэзии глубочайшим образом связана с народом, с крестьянством, с Древней Русью, с православной символикой, уходящей в глубь веков. Необходимо обратить внимание также на моменты созерцания и медитации в есенинской поэзии. Объектом созерцания и медитации у Есенина часто является русская природа, причем в этом созерцании важен нередкий феномен удаления России, которая, как волшебница, уходит от всякой фиксации... Россия как бы не вмещается в мир, оставаясь при этом глубоко

⁴ Вхождение в этот мир не означает контакт с чем-то только национальным в банальном смысле этого слова, но с чем-то космологическим и духовно глубоким вообще, но это духовно-глубинное является одновременно тождественным национальному так, что между ними практически нет разницы. Это означает, что Есенин, писавший почти исключительно о России, является одновременно и наряду, например, с Блоком мировым поэтом, но таким образом, что это мировое не выражается через национальное, а полностью идентично ему.

родной. Есенинская поэзия, несомненно, воздействует на исконно внутреннюю суть Русской Души, на ее изначальные истоки, с которыми ранее, на другом уровне, наиболее явно соприкасалась народная песня и народная музыка.

В смысле средств воздействия определяющую роль играют не только есенинские звукообразы, но и интонации. Именно благодаря совершенно необыкновенным, чисто русским интонациям даже самая обычная строчка в есенинской поэзии превращается в прорыв русской стихии. Кажется, что это даже не поэзия в ее обычном смысле, а какая-то поэтическая хирургия на сердце, вскрывание его. Есенинская поэзия образует сложнейший комплекс образно-звуковых и интонационных систем, и переводить ее поэтому необычайно трудно, не говоря уже о трудностях метафизического порядка.

Но поэзия эта вместе с тем удивительно жива и конкретна и почти мгновенно вызывает духовную и эмоциональную реакцию. Конечно, она связана с образами и символикой русской природы и деревни (ведь Есенин писал, что он «последний поэт деревни»). Секрет, однако, состоит в том, что вся эта символика русской природы и деревни, которая способствует вхождению в мир сокровенно русского, является выражением определенных изначальных метафизических качеств Русской Души — и именно поэтому она, эта символика, таинственно безошибочно воздействует на любого русского человека, будь он самый закоренелый урбанист и городской житель, воздействует независимо от политических, философских и даже религиозных убеждений людей, от всего вообще, надо только быть русским духовно.

В действительности Есенин был только на одном уровне деревенским поэтом — на более глубоком уровне он был все-русским, национально-космическим поэтом, где национальное и космически-мировое были тождественны. Его образы деревни и русской природы отражают некое сокровенное состояние Русской Души. И разве сама русская природа не является очевидной манифестацией Русской Души? Разве в самой русской природе

не заложены каким-то образом качества Русской Души — широта, беспредельность, нежность, грусть и т.д.?

Каждый, кто знаком с духовной космологией, знает, насколько природа и даже космос связаны с человеческим сознанием, — поэтому нет ничего удивительного в том, что русская земля и природа связаны с русским сознанием и душой самым глубочайшим и взаимным образом. Именно поэтому русский человек так нуждается в русской земле и, кроме того, сама эта земля является зеркалом его души и в то же время дает ему силы.

Поэтому деревенские образы Есенина имеют всемирно-русское значение: деревня как социально-бытовой космос может исчезнуть в постиндустриальную эпоху, но воздействие есенинской деревенской символики не может исчезнуть, ибо она непосредственно связана с реалиями изначальных уровней Русской Души.

Достойными примерами этого являются не только сложные стихотворения раннего Есенина, но и лирические стихи, например, посвященные сестре Есенина Шуре. Весь поток образов в этих маленьких поэмах («сгибшая надежда», «нежная дрожь», «калитка осеннего сада», «тоскующие куры», корова, теребящая «соломенную грусть», «васильковое слово» и т.д.) направлен на внутренний строй Русской Души. Действительно, при медитативном рассмотрении этих образов видно, что они выражают не только конкретную жизнь, но в то же время символизируют определенные состояния внутреннего русского бытия.

И хотя некоторые из этих образов имеют как будто бы чисто психологический подтекст, на самом деле — во многих случаях — их подлинный смысл несравненно более глубок, и поэтому они только внешне звучат как психологические реальности, а в действительности уходят в метафизическую сферу.

Если говорить не только о приведенных стихах, но и о есенинской поэзии в целом, то очевидно, что за ее образами и за ее символикой стоят такие реалии, как «безграничность», «тоска», «бесконечное пространство», «обездоленность», «тайна», «ска-

зочность бытия России», «природа как сторона Русской Души», «нежность», «русская незавершенность, составляющая пространство для тайны и для грядущего», «грусть всего живого»... Все они вместе уходят в «макрокосм» Русской Души и являются отблеском подлинной ее сущности. Даже предметы русского быта в есенинской поэзии, благодаря их связи со всей остальной русскостью, становятся фактически внутренними символами, и потому такими драгоценными. Здесь нет ничего незначительного, все бьет в самые древние тайники сознания.

Особый смысл во всех этих реалиях есенинской поэзии, несомненно, имеют тоска и обездоленность, лишенность, которые, как мы отмечали, носят не только социально-психологический, но главным образом метафизический характер. Эти, казалось бы, абсолютная лишенность и тоска на самом деле могут привести к позитивным результатам. Не останавливаясь на том, что слишком уходит в духовную космогонию, можно сразу отметить, что именно эта лишенность, обездоленность вызывают настоящий взрыв любви к России. Например:

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Такая любовь проходит великим потоком по всей поэзии Есенина. Но о любви к России и о характере этой любви — в дальнейшем.

Сейчас важно отметить, что часто самые негативные и даже разрушительные образы и символы в русской литературе, как правило, скрывают в себе неожиданные светоносные начала. Это ясно видно на примере Достоевского и Есенина. Как тоска и лишенность у Есенина только усиливали любовь к России и к ее земле, так и космическое отчаяние Достоевского вело к познанию Света, к последнему отчаянному порыву к Богу.

Не странно также, что другой фундаментальный образ есенинской поэзии, образ «окаянной Руси», Руси тюрьмы, пьянства, бродяжничества и безумного удальства, часто смотрится как своего рода «обратная сторона» Святой Руси. При всей их противоположности они неотделимы в чем-то. Ибо ведь и святость, и «нездешность» проявляются в мире чаще всего не на фоне мелкого буржуазного благополучия... Любовь к России у Есенина носит совершенно особый характер. (И, соответственно, такая же любовь возникает и у читателей.) Ее сила зависит именно от этого соприкосновения с какой-то глубочайшей сущностью России, о чем говорилось ранее. Хотя Россия и остается как бы неузнанной до конца, загадочной, и распознаются лишь ее проявления, тем не менее, внутреннее соприкосновение с Россией вызывает у поэта прилив «сверхчеловеческой» любви к ней, которая явно выходит за границы естественной любви к родине. (И подобное, конечно, мы видим не только у Есенина, но у него — в высшей степени.) Следовательно, Россию любят, как мы уже подчеркивали, не только потому, что она — Родина, но и по другой причине, именно в силу ее таинственного притяжения к себе, в силу ее метафизических качеств.

Следовательно, так важны со всех точек зрения русское самопознание, русскоискательство, духовное проникновение в Россию, и так важна русская литература, которая служит этому.

Кроме того, в этой беспредельной любви к России ключ к замечательному отрывку из Есенина:

...Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Ибо здесь налицо не просто любовь к своему, к родному началу, но и связь с чем-то, чего нет на этой планете и что придает, следовательно, космологический и метафизический смысл любви к России («Никакая родина другая не вольет мне в грудь мою теплынь»)⁵. Эта любовь настолько велика и необычна, что Есенин даже предпочитает Россию раю:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Словом, любовь к России не может быть заменена, компенсирована ничем вообще: ни предполагаемым будущим благополучием на этой планете, ни даже бытием в иных духовно-космических сферах.

Конечно, такая любовь, которая проявлена и в русской литературе, и в русской истории, не может быть объяснена обычной любовью к Родине. Для того чтобы ее понять, надо понять сам объект любви: Россию, русскую землю, Русскую Душу, ибо все это в общем единое.

В конечном итоге перед лицом есенинской поэзии вы как бы теряете все критерии, вступая в иной пласт поэтической реальности. Пожалуй, только два творца в русской литературе — Есенин и Достоевский — достигли того предела, который сводил с ума (почти в буквальном смысле слова) некоторых читателей. Это, разумеется, не литературный и даже не философский критерий, но, во всяком случае, кри-

⁵ Иными словами, «растворение» во всей планете, духовная ассимиляция, означало бы не только потерю России как Родины, но и потерю чего-то крайне существенно (духовного), что содержится именно в России. Однако полное понимание истинного значения этих стихов, как и других, приведенных ниже («Если крикнет рать святая»), во всем их далеко идущем подтексте, может быть основано не на ограниченном европейском, точнее западном, мышлении, а на восточном (индусском) метапознании.

терий «необычности» воздействия на уже неуправляемые бездны души.

Это сравнение — Есенин и Достоевский — несомненно, нуждается в дальнейшем углублении. На первый взгляд это странное сравнение, но на самом деле наш величайший писатель-урбанист, певец Петербурга, надломов и взлета городских душ, и наш величайший поэт деревни родственны друг другу. Это две стороны одной и той же медали, имя которой — Русская Душа. Как в том, так и в другом случае мы видим предельную, чисто русскую искренность и обнаженность, ведущую в конечном итоге к феномену полного неотчуждения, — неотчуждению не только от читателя, но и, главное, от первоначального источника, от самого источника жизни и бытия.

Правда, такая неотчужденность — свойство русской культуры вообще, но своего предела она достигает именно в творчестве Есенина и Достоевского. Самый великий русский урбанист и самый великий русский деревенщик соединяются в своих глубинах... Но когда речь идет о Есенине, вы переживаете настолько полное погружение в вашу собственную сущность, что оказываетесь на другом, еще неизвестном берегу поэзии...

«Прощай, сказка», — кажется, сказала о Есенине какая-то женщина, которая увидела его мертвым во время похорон. Но сказкой, то есть чудом, является в данном случае Русская Душа.

У Достоевского все бездны, которые он изобразил, и есть откровение этого чуда, то есть Русской Души. Он подошел к ней с иной стороны, чем Есенин. Но ясно, насколько это переплетено, связано воедино.

До некоторой степени обычный анализ бессилен, когда речь идет о поэзии Есенина, ибо он упускает главное. Это уникальный случай в мировой поэзии. Сравнить поэзию Есенина можно не с поэзией других, а с последними предсмертными словами... Хотя это и великая поэзия, но это и нечто большее, как

сама рана больше здоровья, ибо в ране есть и боль, и остаток здоровья, а в здоровье нет боли.

Тайна есенинской поэзии не только в ее образах и в ее интонациях — но и в том, что в ней заложен намек на то, чего нет и не может быть в словах. Стихи Есенина выводят к истокам, где уже язык бессилён и наступает власть великого молчания («я молчанью у звезд учусь»). В этом отношении поэзия Есенина близка Упанишадам, вечному Востоку; неудивительно поэтому, что, насколько я слышал, индусские студенты, изучающие у себя на родине русский язык, так любят Есенина.

Гениальность — обычный гость в русской культуре от Андрея Рублева до Хлебникова, но Есенину каким-то чудом удалось то, что выходит даже за пределы концепции гениальности. Это новое качество можно назвать как угодно, но истоки его — в конкретном соприкосновении с тайной России, ибо именно эта тайна вызвала из небытия есенинскую поэзию...

Поразительно, что в стихах, относящихся к России, даже в случае, если мы имеем дело не с великим поэтом, а просто с поэтом, это ощущение, познание чего-то необыкновенного, волшебного-национального и в то же время реального, пронизывающего все существо и бытие человека, неизменно присутствует. Очевидно, это свойственно русскому человеку вообще, что, кстати, крайне важно. Так, в современном эмигрантском журнале поэт Нина Новосельнова пишет в стихах о Родине:

...Как мечтала я, дерзкая грешница,
Что до таинств твоих доберусь!
До глубинных, былинных, языческих,
До твоих изначальных слов.
Все равно их из сердца не вычеркнуть,
Все равно они в тысяче снов.

Эти «изначальные слова» тоже определяют органическое единство русского человека и его Родины. И опять:

Будут новые дни, обычаи,
Но твое золотое дно
До конца разгадать и вычерпать
Никому еще не дано.

Таким образом, мы можем утверждать на основании опыта поэтов и писателей, их интуиции, но, главное, на основании опыта практически всех русских людей, что Россия предстает как сфинкс, разгадать которого еще никому не дано. Действительно, если перейти в самые высокие этажи бытия, то, пожалуй, необходимо сейчас напомнить, что ни одно духовное движение, ни одна духовная реальность, которые существовали в России на протяжении ее истории (от еще непознанного так называемого язычества до славянофильского мессианства, например), не исчерпали Россию до конца. В этом я абсолютно убежден. Философско-эзотерическая символика русской матрешки как нельзя лучше выражает эту ситуацию: как в русских пространствах таятся иные пространства (Андрей Белый), так и матрешка выражает бесконечность русскоискательства, но каждая открываемая матрешка еще не есть конечная суть России. Этот ряд может быть продолжен, искательство направлено внутрь, но при всем углублении вы все-таки неизменно встречаете Россию.

При этом важно, что каждая фундаментальная духовная реальность в России, несмотря на то что она не исчерпывает сущность России до конца, все-таки имеет явное отношение к сути России, и поэтому любая из них не может быть отброшена, и все они вместе, образуя космос русских планет, должны сохраняться, ибо на них лежит отблеск русского солнца, русского центра, несмотря на их порой внешнюю противоречивость. Ничто из фундаментально созданного не должно разрушаться...

Стихи Волошина о России убедительно показывают, каким образом благодаря своей любви и боли за Россию создается поэзия, которая, естественно, занимает одно из высших мест в русской ли-

тературе. Причем стихи эти глубинно-пророческие, вскрывающие многие болевые точки существования России.

В поэзии Волошина мы видим не только святую Русь, но и ее «обратную» сторону, то есть окаянную Русь, великую, темную, пьяную. Эта окаянная Русь — частый гость у Есенина, Блока, Андрея Белого. Но окаянство этого темного лика России вовсе не онтологический, мертвый, безысходный тупик, в котором находится сейчас внешне живая, активная, но похожая на деформирующийся духовный труп западная цивилизация. Это окаянство часто ведет к покаянию и, следовательно, к просветлению, к надежде. Оно, это окаянство, связано с жизнью, с тайной ее тьмы и со светоносной реакцией на эту тьму, которая воздвигает реальный свет, а не обычный самообман.

Совершенно особой фундаментальной категорией в русской литературе является бытие, не только бытие вообще, но и русское бытие, которое как раз нас и интересует. Правда, оно глубже всего выражено в прозе: у поэзии меньше средств для этого. Проза Толстого, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Лескова, Горького («Городок Окуров»), Андрея Платонова, Ремизова, Пришвина и некоторых других образует этот универсум русского бытия, вселенную национального экзистенциализма, но его исследование уже выходит, конечно, за рамки этой работы.

Помню, как-то после лекции в начале 80-х годов я сказал два-три слова о России моим слушателям, и вдруг меня поразило высказывание одного из них, англичанина. Он сказал приблизительно следующее: «Самое удивительное в русских то, что они задают, притом с такой страстью и с таким интересом, вопрос самим себе: что такое Россия? У нас никто не задает себе вопрос, что такое Англия? Это звучало бы полным абсурдом. Все знают, что Англия — просто страна с парламентом».

Через всю русскую патриотическую лирику проходит восприятие России как страны фантастической, как страны чудес,

как страны невидимого града Китежа⁶. Ключев пишет: «И страна моя, белая Индия, преисполнена тайн и чудес». У Есенина мы читаем:

Уж не сказ ли в прутняке
Жисть твоя и былъ,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль.

Есенин знал народную культуру в такой степени, в какой сейчас ее не знает никто. Удивительным образом он сочетал в себе видение России, в котором фантастическое и реальное соединились воедино. Это было возможно потому, что в действительности же эта «фантастическая» Россия отнюдь не была фантастической. Она содержалась как некое внутреннее зерно в любом самом обычном русском проявлении.

Надо было только уметь это видеть, видеть даже в «шепоте» ковыля. Тем более это можно видеть в Русской Душе. Как писал современный русский поэт Валентин Провоторов:

Русь, ты где? Потаенным эхом
С колоколен пустых гудет:
Ныне я слита с человеком
И незрима для тех, кто скот.

Способность воспроизводить целые миры известна из индуистской метафизики и космологии. До тех пор, пока жив подлинно русский человек, живет на этой земле и Россия.

⁶ Русская классика, при всем ее мировом уровне, включает в себя в лице национальных русских гениев, таких, например, как А. Блок, С. Есенин, Андрей Платонов, еще и надмировой, русский уровень, уровень распознавания тайны самой России, и потому к их обычному универсальному гению прибавляется еще таинственный гений Русской Души, что и делает русских писателей, особенно это видно у Достоевского и Есенина, как бы писателями вдвойне: писателями мира сего и писателями России, России, которая не вмещается в этот мир.

Непосредственно с этим видением России связано знаменитое тютчевское стихотворение «Умом Россию не понять»; кроме того, оно математически точно выражает идею величия России, так как то, что можно понять умом, недостойно истинного величия.

Поскольку именно ум, в высшем смысле этого слова, образует общий принцип этого мира и человека в нем, то приведенный стих означает, что Россия, как она понимается на потаенно высшем уровне Русской Души, выходит за пределы мира как такового. Сама концепция вселенной есть ограничение, прежде всего, ограничение бесконечности России и русской идеи, выходящей за рамки этого мира и на своем высшеэзотерическом уровне — за пределы миров вообще. Поэтому русскоискательство приобретает не только космологический характер, но и характер, который выходит за пределы космологии⁷.

Это означает также, что в каждой индивидуальной Русской Душе хранится некое сокровище — отражение всей России или, собственно говоря, сама Россия, ибо действительно Россия — внутри нас. Эта «Россия внутри нас» создает основы для духовного, психологического и социального единства русских людей. Правда, в действительности этого единства не так-то просто достичь. Волошин в своих удивительных стихах писал:

Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь!
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь!

Тем самым он фиксирует многоплановость, «разрозненность» нашего бытия. В нем разные пласты, разные уровни

⁷ Все это может быть понято лишь в контексте всей метафизической доктрины России в целом, о которой речь будет ниже.

русского проявления: от языческого до мессианского или славянофильского — образуют многосферность России. Однако противоречия этих пластов, этих сфер — лишь мнимые, ибо на уровне вечности они сведены к единому центру — России.

Поэтому, несмотря на весь разрыв, существует глубокое внутреннее мистическое единство между всеми русскими людьми, независимо от их воззрений и других различий. Правда, в некоторые трагические периоды оно, казалось, рушилось или уходило куда-то в самую глубину, а на поверхности были трагические междоусобицы еще в Древней Руси, гражданские войны, ставившие под вопрос само существование России. Однако в другие эпохи оно торжествовало и побеждало...⁸

Это единство скрытым образом проявлялось даже в 1917–1920 годах, когда и белые, и красные были одинаково соединены нитью любви к есенинской поэзии, то есть нитью любви к России, продолжая на трагикомической сцене истории убивать друг друга. Именно поэтому Волошин с такой болью и любовью в душе писал: «Молюсь за тех и за других».

Таким образом, глубинное единство существовало даже тогда, когда в социальном плане были кровь и трагедия.

Тем не менее если оставить в стороне трагические страницы нашей истории, а взять просто русскую жизнь, то можно часто наблюдать трепет этого тайного невероятного единства, несмотря на весь сор повседневной жизни. Несомненно, русских людей объединяет это существование России в каждом из них. Оно и создает бездонное мистическое единство, ибо в каждом русском человеке другой видит свою собственную сущность и тайную душу. Если это проявляется даже моментами, это уже неизгладимо на всю жизнь.

Следовательно, эта «Россия внутри нас» создает основу для глубокой духовной любви между всеми русскими людьми

⁸ Поэтому было бы крайне желательно, чтобы это внутреннее мистическое единство было доведено до уровня постоянной социальной и психологической реальности.

ми. Эти любовь и единство — одна из дорог к нашему национальному спасению. И недаром даже в своих лирических стихах Есенин писал:

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один⁹

И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

То, что он не был одинок в этой любви, и составляет одну из форм единства в русском море¹⁰.

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Итак, здесь России «окаянной» вовсе не противопоставляется Святая Россия, а в самой грешной России видится некая притягательность, зерно, благодаря которому даже в греховных проявлениях России содержится что-то особое, какой-то скрытый выход или уровень, делающий любые формы ее бытия тайно драгоценными... Конечно, это стихотворение может пониматься и в том смысле, что ничто внешне негативное не в состоянии осквернить или изменить высшую суть России (но при этом, более простом понимании «окаянная» Россия уже как бы оправдана из-за высшей России).

Другая интерпретация: «окаянная» Россия является просто негативной, черной тенью высшей России, неизбежной платой за нее.

Таким образом, рассматривая лишь часть русской литературы, мы можем заключить, что русская литература учит русских

⁹ Курсив мой. — Ю.М.

¹⁰ Абсолютно иной, но весьма важный аспект любви к России выражает известное стихотворение Блока «Грешить бесстыдно, непробудно», в котором описывается «окаянная» Россия, где грешат, «счет потеряв ночам и дням». Но поэт заканчивает:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

быть русскими, что она фактически имеет для нас священный характер, ибо в ней отражены важнейшие, глубинные, тайные, имеющие огромное значение для будущего планы нашего бытия.

Эта сакральность (для национальной жизни) русской литературы имеет фундаментальное значение, тем более наша литература некими внутренними нитями связана с душой Древней Руси...

Всепроницающая интуиция, подкреплённая глубокими исследованиями, позволяет видеть некую многозначительную отстранённость внутреннего бытия Древней Руси, как от Византии, так и от Запада. Разумеется, поздно вышедшая на сцену истории Древняя Русь должна была что-то заимствовать, преломляя по-своему «чужое» и превращая его в свое. И, оставаясь внутри себя самобытной, она ожидала (и ожидает в лице России) своего высшего мистического часа.

Изначально она жила только своим. Отсюда эта внутренняя отстранённость Древней Руси и России вообще от всякого исторически ограниченного бытия (и от Византии, и от латинского мира), что бы с ней ни происходило, какие бы одежды она ни надевала, какие бы силы ею ни правили, внутри она оставалась сама собой¹¹.

¹¹ Кстати, Чаадаев благодаря своей философской интуиции подметил некое несоответствие между мировой историей, особенно западной, и нашей, русской. Это заставило его сделать негативный вывод относительно России и русской истории. В этом явно сказались ограниченность его метафизического дара. Кроме того, его, видимо, попросту пугала загадочность русского бытия и неместимость России в мир. Он не понимал того, что на каком-то уровне это «несоответствие», «неместимость» говорят о величайшем метафизическом предназначении России, о том, что на своем высшем уровне русская идея вообще выходит за пределы этого мира и тем более истории как таковой.

С другой стороны, Пушкин и славянофилы, указывая Чаадаеву на величие русской истории и ее «вместимость» в мировую, были совершенно правы. Потому что, на известном уровне, это действительно так. Чаадаев был слеп в этом отношении. Но, главное, спор шел о совершенно разных уровнях. На определенном уровне идея России выходит за пределы истории человечества, с ее ограниченностью, и Россия действительно как бы «выпадает» из истории (что и подметил Чаадаев, но сделал из этого неверные, негативные выводы, не поняв характера этого «выпадения»). Но на другом уровне Россия вполне вписывается в историю этого человечества. Более того, мессианские идеи, например, вера, что Россия с ее глубинно-великим православием как бы завершает (или завершит) историю христианской Европы, — вполне понятна и укладывается в этот уровень. Эти два уровня («неместимость» и «всечеловечность») не отрицают друг друга, а совмещаются (по принципу дополнительности). Как уже неоднократно подчеркивалось, внешне противоречивые уровни сущности России на самом деле сосуществуют.

В своей колдовской глубине, в своей загадочности, в своей последней невыразимой экзистенции она, Россия, принадлежит только себе. Ее отстраненность — знак ее высшего предназначения. Россия не захотела стать продолжением греко-латинской цивилизации, ее сущность находится даже по ту сторону синтеза Востока и Запада (хотя ее связь с Востоком глубже), ибо все подобное составляет лишь более или менее относительные уровни ее исторического бытия. Ее отстраненность и в то же время всечеловечность (христианское мессианство, восточный аспект России, синтез Востока и Запада, евразийство, «шестая цивилизация») таинственным образом соединяются в ней. Но отстраненность в конечном итоге дает возможность будущего пути для нее, не связанного с ограниченностью этого мира, даже в его высших возможностях.

... «И в тайне ты почиешь, Русь», — и современная русская литература, и Древняя Русь, и Московская Русь связаны одной священной нитью¹². И бесчисленные алмазы московских цариц, томившихся под их тяжестью, — лишь символы русского будущего, этой ноши, еще не реализовавшей себя.

При патриотическом мировоззрении — самобытность, глубина и величие собственной национальной культуры и национального самосознания не являются поводом для подавления других народов. Но право на собственный путь, глубинную самобытность и духовный суверенитет — неотъемлемые права народов.

¹² Желательно отметить, хотя это и не относится к теме данной работы, коренное отличие между патриотическим мировоззрением, неотделимым от русской культуры, и мировоззрением националистическим. Эти два мировоззрения отличаются друг от друга вовсе не степенью любви к Родине, а ее характером и направленностью. Патриотическое мировоззрение, до какой бы степени оно ни было самобытно и глубоко, абсолютно совместимо с любовью и уважением к другим народам. Суть националистического мировоззрения — отнюдь не в любви к Родине, а в первую очередь в желании доминировать над другими народами. России глубоко чужд национализм; уважение к другим народам и даже жертвенность — вот черты русской нации. Вспомним, например, какой чисто духовный, лишенный политических амбиций характер носила любовь к России у знаменитого славянофила Хомякова, любовь, основанная на православном миропонимании (стихотворение «России»).

Националисты преднамеренно искажают духовное развитие народов в угоду дикому и отвратительному стремлению доминировать над другими нациями и извлекать из этого огромную материальную выгоду.

Но эта невыраженная, ожидающая своего звездного часа сущность России, тем не менее, уже наяву. Она трепещет и в русской народной музыке, и в поэзии, и в священном звучании русской речи, и в фольклоре, связывающем и Русскую Душу, и русскую землю, и дух предков воедино...

Обратим внимание также на феномен повседневного русского бытия, которое на самом деле никаким повседневным не является, ибо в нем (что ясно из метафизического анализа русской прозы, например, гениального Платонова¹³) содержится некий странный повседневный элемент, и даже «ирреальный».

Эта неординарность русской жизни часто заключена в самых обычных ее фактах, но Запад не может понять их внутренний смысл; мы же к ним привыкли. Тем не менее только мы можем их по-настоящему истолковать и понять. Таким образом, даже самое простое русское бытие заключает в себе метафизику.

Мы пока особенно не нуждались в «книжной» метафизике, ибо сама русская жизнь — пример живой метафизики, воплощенной, тем не менее, в бурную жизнь, в зримую форму. На Западе мысль в основном развивалась горизонтально, на Востоке — вертикально, к Небу, но в России, хотя она имеет и первое, и второе качество, она идет не известными никому извилистыми великорусскими переулочками, где уже непонятно, где вертикаль, а где горизонталь. Ключевский, кажется, заметил только

¹³ Не говоря уже о XIX веке, XX век, если брать его в целом, дал России великих прозаиков, произведения которых имеют фундаментальное и вечное значение, выходящее за пределы литературы в узком понимании этого слова или всякой «злободневности». Некоторые из них — властители умов, преобразившие сознание людей. Но, по крайней мере, каждый из них сотворил глубокий духовный космос, многоплановый уникальный мир, в подтексте их творчества лежала самобытная философия жизни. Таковы в XX веке — Андрей Платонов, Андрей Белый (первооткрыватель модернистской прозы нашей эпохи), Михаил Булгаков, Набоков, Горький.

внешнее сходство этих переулочков с психологией великороссов. На самом деле символика сходства проходит на гораздо более глубоком уровне, чем чисто психологический.

Кроме того, русское бытие заключает в себе одно интересно-глубинное «противоречие»: хотя в самых простейших формах оно заключает в себе некоторую метафизику, тем не менее, русские часто ставили перед собой еще и отдаленные, почти «фантастические» цели, которые совершенно возвышались над обыденной жизнью. Может быть, это связано уже с другой стороной Русской Души: со склонностью задавать самой себе как будто бы «неразрешимые» (на человеческом уровне) вопросы...

Нам не простят, если мы будем сами собой, — приблизительно так сказал Достоевский.

Но за право быть самим собой не просят ни у кого прощения — это право дано самим Творцом. И отступление от него равносильно самоубийству. Вероятно, именно этого от нас и хотят...

Проникновенное стихотворение Волошина «Россия. 1915 год» представляет собой некий пророчески-таинственный узел русскости:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

«Сильна ты (Россия. — Ю.М.) нездешней мерой» — то есть Россия остается Россией только тогда, когда в ней заключена некая сверхценность и высший смысл, но все, чем она живет духовно, как бы высоко оно ни было, не утоляет ее уста. Ее духовное

пространство, как и физическое, бесконечно, и любая узкочеловеческая идея исчезает в ней, как дым...

Естественно, что Волошин заканчивает это исключительное стихотворение настоящей молитвой, гностическим трепетом, тоской, уходящей в пространства таинственного знания: «Понять твое бытие...»

Россия здесь и цель, и осуществленная реальность одновременно: в ее видимом бытии есть, кажется, вся ее тайна, не нуждающаяся в какой-либо исторической реализации, ее надо только видеть, понять, а с другой стороны, в ней видится нечто иное, что не под силу никакой истории, о чем можно говорить только в терминах космологической реализации, в терминах Вечной России.

И наконец, поэт говорит: «Твоей тоске причаститься...» То есть русская тоска не есть нечто безысходное, тупиковое, совершенно напротив, — это зов в великое неизвестное... Все, якобы разрушающее в Русской Душе, имеет свою светоносную сторону, и «сгореть во имя твое» — не значит исчезнуть, но это значит духовно стать полностью русским, слиться с таинственно неисчерпаемой судьбой России. А сгореть должно все мелкочеловеческое во имя воплощения Родины в собственной душе.

И веди же вперед, моя грозная муза,
по великим дорогам необъятной Отчизны моей, —

эти божественно русские слова Заболоцкого да будут в нашей душе, ибо град поэзии, град искусства и русский град нового Китежа есть в каждой нашей душе.

Глава вторая

Русская проза

 До сих пор мы в основном погружались в духовную стихию поэзии (в ее отношении к России), теперь настало время великой русской прозы.

Замечательно точно одну ее важнейшую сторону определил Вальтер Йенс в статье «О России с любовью» (Литературная газета. 1990): «Русская литература осветила такие сферы, которые оказались недоступными западной литературе, а именно: душевные бездны человека, его постоянную готовность соскользнуть в экстаз или грезы... все это чувствуется в любом безобидном или даже поверхностном с виду диалоге у Чехова: ощущение, что в любой миг такой обыденной нашей жизни может произойти что-то ужасное, чудовищное, непоправимое».

Для дальнейшего раскрытия Русской доктрины это очень важно: в русской литературе (а она фактически «тождественна» русской жизни) для героев характерно периодическое соскальзывание в Бездну (даже при «нормальном» течении жизни), в провал, вдруг образующийся при неожиданном изломе бытия, чувство его неустойчивости, ощущение катастрофичности и апокалиптичности земной жизни. С этим связана и другая ее черта — непомерная глубинность, отсутствие поверхностного блеска западной литературы, выход в тайники сознания, способность превращать литературу в форму жизни и смерти, «бить» в самое сердце, когда текст становится постоянным фактом вну-

тренней жизни человека. «Наши писатели точно заключили в себе черты какой-то высшей природы», — еще на заре русской классической прозы писал Гоголь.

Другая уникальная черта русской литературы, важная с нашей точки зрения, — ее связь с русским бытием, даже, казалось, самым простым его проявлением, но взятым во всей его особенности, странности и тайной многозначности. Но к этому я вернусь ниже.

И все же, несмотря на уникальность и обилие гениев, в центре русской литературы стоит, несомненно, Достоевский — непомерная боль наша, поток, океан, крик, вырывающийся из тайников нашей души. О Достоевском так много написано во всем мире — больше, чем о каком-либо русском авторе... но нас, прежде всего, интересуют глубины его связи с Россией. Точнее, как неоднократно писалось, Достоевский — это и есть Россия, во всяком случае, из видимой части русского «айсберга» наиболее значительная часть его.

В центре всех откровений Достоевского о России мы поставим такую мысль: «Истина в России носит фантастический характер». Это «высказывание» действительно фундаментально, оно обнажает тайную основу бытия России, и в конце будет совершенно ясно, почему мы выделили это положение, подтверждаемое всем ходом русской истории и самодвижением русского духа. Достоевский, конечно, не мог предвидеть, например, какова будет русская идея через двести—триста лет (после его смерти), но незадолго до нее он пророчески говорил: «Будущая самостоятельная русская идея у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно, и в страшных муках готовится родить ее». Здесь важно слово «самостоятельная», которое обращено к «автономности» русской идеи, ее независимости от чего-либо, ее уникальности.

Третье фундаментальное положение: «Я думаю, самая главная, самая коренная потребность русского народа — есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем». Если перевести эту «потребность» из разряда «социаль-

но-психологических» в чисто метафизическую сферу, с которой она тоже, несомненно, связана, то выводы, особенно в плане того, что стоит за этой «потребностью», будут поразительны и могут привести нас к «раскрытию» русской метафизической идеи. С этим положением, несомненно, связана также и следующая мысль Достоевского о русском народе: «Жажда правды, но не утоленная», — когда он говорит о таком нашем качестве, как духовное беспокойство, духовная тревога.

Напомним о других наших национальных качествах, которые отмечал Достоевский (особенно удачно писал о них Бердяев), ибо в последующем будет неизбежна метафизическая интерпретация их скрытого смысла. Это прежде всего: парадоксальность и противоречивость Русской Души (ее антиномичность); ее широта, безграничность, необъятность; апокалиптические черты; хаос, «бездность»; всечеловечность и «примирение идей»; отношение к Богу; «второе пришествие будет в России», «метафизическая истерия русского духа» («неподчиненность пределу и норме»), «забвение всякой мерки во всем... дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну»; богоискательство, максимализм, сиротство... Особо следует обратить внимание на «потребность отрицания», на «саморазрушение» и обратную реакцию — самоспасение; наконец, тайное желание подрыва «мировой гармонии», ощущение ее недостаточности, несовершенства именно потому, что это всего лишь «гармония»... И последнее: познание зла у Достоевского, видимо, идет до конца, причем в том ключе, как это может быть именно у гениев, творцов, взявших на себя бремя Целого, а не только путей к спасению. По Бердяеву, это называется «гностические откровения о человеке» (у Достоевского), но, пожалуй, это идет дальше...

Сравните, однако, известную интерпретацию Ставрогина Бердяевым: «Николай Ставрогин — это личность, потерявшая границы, от безмерного утверждения себя потерявшая себя»; «ему мало бытия, он хотел и всего небытия, полуса отрицатель-

ного не менее, чем полюса положительного»; «потеря себя в безграничности». И, в конце концов, зло для Достоевского «тоже путь», «через гибель что-то большее открывается, чем через религиозное благополучие»; у Достоевского — вся Россия с ее светом и тьмой. И внезапно (по Бердяеву) лик Достоевского двоится: бездонная высь... и бездна внизу. И отсюда Бердяев заключает: «Из великих художников мира по силе ума с ним может быть сопоставим лишь Шекспир...», главное, однако, — по Бердяеву — в изображении вечной сущности человека, «скрытой, глубинной, до которой еще никто не добирался». И даже больше: у Достоевского светлое и темное — в «глубине Божественной природы». В конце концов Бердяев утверждает, что творчество Достоевского есть откровение о Русской Душе. Особенно Бердяев подчеркивает апокалиптичность человека у Достоевского, его полярность (Богочеловек и человекобог), ненависть русского человека к рационализму и к псевдоустройству мира (« $2 \times 2 = 4$ есть уже не жизнь, господа, а начало смерти»). Бердяев видит в русском человеке Достоевского все противоречия мира и, что важно, единение души Азии и Европы, и как следствие, русский человек (всечеловек) сложнее и глубиннее человека Запада. А значит, за ним будущее, — добавим мы.

Надо вместе с тем отметить, если говорить о творчестве Достоевского в целом, особенно о его общечеловеческом аспекте (сам ведь Федор Михайлович писал: «Мы обладаем гениями всех наций и сверх того русским гением»), что в своей прозе Достоевский вызывает из глубин такие «темы», некоторые из которых на чисто человеческом уровне неразрешимы, и, чтобы шагнуть дальше (русский максимализм!), надо расстаться с представлениями о себе как об индивидуальном существе и перейти на другой уровень — представленный только в восточной метафизике. Тогда некоторые проблемы отпадут сами собой... Но в сфере «русскости» Достоевский непревзойден, однако его откровения нуждаются в интерпретации их в другом плане, чем чисто антропологический.

И завершающая «особость» Достоевского — в необычайной, неслыханной интенсивности и качестве его любви к России. Здесь с ним может сравниться только Есенин, гениальность которого была, несомненно, связана с принципом именно русской гениальности. А между ними — Блок, но о нем разговор не кончен. Теперь время немного коснуться Н.В. Гоголя и его России. Все тексты здесь хорошо известны, но «текст» становится абсолютно новым, если на него взглянуть с иной, чем обычно, стороны. Два великих, всем известных отрывка из «Мертвых душ» являются классическими и ключевыми для гоголевского отношения к России: «Русь, Русь, вижу тебя...» и «Не так ли и ты, Русь...». Что, однако, может быть в них самым глубоким для нас в смысле исследования и воссоздания русской идеи из тьмы скрыто-сокровенного? Прежде всего, «какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе (к России. — Ю.М.)?» и опять: «какая непостижимая связь таится между нами?». Вспомним, это — тот же мотив, который все время звучал в русской поэзии, но здесь, пожалуй, слово «непостижимая» все больше сближается со «сверхъестественным» («неестественной властью осветились мои очи», когда русское «пространство страшную силой отразилось во глубине моей»). Слово «сверхъестественное», или, точнее, «высшееестественное» по смыслу означает пришедшее из других, высших миров, ибо все, что принадлежит нашему миру, для нас «естественно».

Здесь, на мой взгляд, в этих двух отрывках в целом, интуитивно или даже бессознательно выражена также связь России с силами, которые связаны с ней и охраняют ее. Второй важный момент — замечание о «переживании» тоски. Но подлинное значение принципа «русской тоски», проходящей красной нитью через нашу культуру, будет определено в итоге. И, наконец, знаменитый финал «Мертвых душ» — о «наводящем ужас движении»: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа». Это место часто интерпретировалось только в социально-историческом ключе, между тем как его метафизический смысл совер-

шенно меняет всю картину, и русская метафизическая доктрина должна ответить на вопрос, почему «не дает ответа»...

Гоголь, при всей своей великой интуиции, только ставил такие вопросы (и в этом уже его исключительная заслуга), но ответить на них было трудно даже для него... «Велико незнание России посреди России», — признавался он. Но причина этого не в нашей мнимой духовной «незрелости», а в бесконечной, превосходящей всякое воображение непомерности России.

Обратимся теперь к другому провидцу идеи русской — скромному, мало понятному по образу жизни, но «тихому» Гончарову. Речь, конечно, может идти только о его романе «Обломов». Психоаналитический или социальный анализ этого образа, в силу ничтожности таких подходов, ничего глубинного и тем более русского не дает. Если же говорить о философской интерпретации этого романа, то здесь можно отметить не отрешенность Обломова от мира, а, скорее, «отвращение» не только к обычной мелкой «активности» и обыденности, но и ко всякой оформленности, воплощенности, определенности, фиксации (черта России, которая не раз отмечалась как русскими, в частности Флоровским, так и западными исследователями). Но подоплека такого «отвращения» имеет явные метафизические смыслы, ибо говорит она о том, что Русская Душа отворачивается от всего «фиксированного» во имя того, что скрывается за «туманом» великой неопределенности и хаоса...

Обломов отказывается от «жизни», потому что не видит в ней ничего, что его по-настоящему привлекает, — и отсюда паралич воли, а не наоборот. «Не видит» же он «ничего» (кроме опостылевшей «обыденности»), потому что его «личная» душа не воплощена до полного мистического архетипа Русской Души. В этом его трагедия — ибо, отвращаясь от «обыденности», он не идет дальше. Его неудачная жизнь — это плата за грандиозность Русской Души, точнее, за неполное воплощение.

Завесу над «тайной» немного приподнимает творчество другого великого писателя — Андрея Платонова. Вообще го-

вора, настоящее осмысление Платонова — дело будущего. Но здесь необходимо подчеркнуть следующее: герои Платонова (я имею в виду его лучшие вещи, «Котлован», «Чевенгур» и т.п.) — это анти-Обломовы в том смысле, что они не только вышли из «обыденности», но и активно живут и действуют в достигнутой «неординарности». Произведения Платонова — это мир выпадения из рациональной вселенной, достигнутый как результат высшей «отключенности» его героев и их связи с первобытным, но великим хаосом. Одновременно мы видим там стремление к «последней правде», в ее, однако, самом тайно-архаическом значении. Это явно перерастает смысл социальной утопии¹⁴, здесь говорится о попытке прийти к некоему планетарному раю. Но дело не только в этом. Два момента творчества Платонова имеют (в плане русской метафизики) особое значение: прежде всего его язык и потом концепция бытия. О русском языке как об одном из величайших проявлений русского гения будет речь впереди, но нельзя не отметить здесь некоторые необычные особенности платоновского «языка» (а следовательно, и «духа»): уход в провал, в нарушение логической структуры, но таким образом, что благодаря этому «нарушению» проявляется реальность, неуловимая обычным строем языка. Это некий «обход» рационального, высшая нелепость, благодаря которой выявляется некий постоянно присутствующий в нас второй план русского бытия, текущий не только в потемках и тайниках нашей души, но и ясно выраженный в самой русской жизни. Этот таинственный второй план русского бытия (вторая реальность) проявляется во всей нашей жизни, вплетаясь в ее «повседневность» и внешне уживаясь с неизбежной дозой «рационализма».

Я предлагаю, например, читателю провести глубокую медитацию, размышление хотя бы над таким текстом из Платоно-

¹⁴ Очевидно, что «революция» для Платонова означала попытку создания странного земного рая, где нет ни Бога, ни дьявола, а одно бесконечное человеческое бытие.

ва (имея в виду его язык и внутренний смысл): «...в природе не было прежней тревоги... революция миновала эти места, освободила поля под мирную тоску, а сама ушла неизвестно куда, словно скрылась во внутренней темноте человека». Или: «...с пулей внутри буржуи, как и пролетариат, хотели товарищества, а без пули — любили одно имущество».

Такого рода «предложений», если так можно выразиться, особенно много в гениальном «Котловане». Примечательно выражение «мирная тоска», то есть тоска, когда сняты противоречия и «прежняя тревога» обычной жизни, но, тем не менее, тоска остается, даже когда все хорошо и мирно и все противоречия сняты.

Другая сторона русской тоски и такой необыденной «обыденности» русской жизни (и даже ее второго плана) резко проявлена в некоторых произведениях Горького (вот, кстати, почему творчество Горького любил интуитивист Блок). Горький, в отличие от Платонова, был «традиционный реалист» и очень точный и верный наблюдатель русской, особенно провинциальной жизни. Это тем более ценно, так как в этих произведениях («Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Исповедь», некоторые рассказы из цикла «По Руси» и т. д.) мы фактически видим тот же второй план русской жизни, но только выраженный «на поверхности», «реалистическим», почти «документальным» языком свидетеля.

Эти произведения Горького хорошо известны, но дело в их глубинно-подлинном понимании — в них, конечно, речь идет не только о социальной (или даже психологической) «неустроенности» (это только на поверхности), а об экзистенциальном потоке вопросов и внутренних тенденций в душе людей, причем в провинции, где нет налета «образованности», только затемняющей видение глубинности бытия, в провинции, где все архаически-тайное обнажено и открыто. Именно там этот «второй план» русской жизни и проявляется во всем своем великом течении.

Прелюдией являются вопросы: «Томит меня, а что томит — неизвестно мне... Душу забывать не надо — это точно. Но чего она хочет? (кабы я мог это понимать)». (Горький, «Тоска».) Далее — поток (только надо читать эти вещи внимательно, наблюдая и открывая этот «второй план») идет сквозь описания «обычной жизни».

Исходя также из других наблюдений, создается впечатление, что здесь присутствует не только тоска (без видимой причины), но и определенная «фантастичность» наличного бытия, которая иногда и приводит некоторых иностранцев к заключению о психологической «инопланетности» русских. «Никому ничего не известно. Тьма!.. Сокрушил бы себя самого», — заключает герой Горького. Иногда же создается впечатление (от такой затаенно-вневременной провинциальной русской жизни), что часть людей как бы выпадает из исторически-нормальной поверхности жизни, со всеми ее социальными, политическими и др. догмами, и люди оказываются ни во что не верящими, кроме собственного бытия, и в то же время порой тоскующими, но не всегда. Некий своеобразный утробно-онтологический солипсизм, порой ищущий выхода, порой, наоборот, очень спокойный и удовлетворенный. В русской провинциальной жизни, несомненно, есть свои глубины именно потому, что она в стороне от столиц (существуют и современные группы, разрабатывающие подобную метафизику); в ней есть то, что «недоступно» центру.

Мы наметили некоторые горячие точки русской духовности (в связи с идеей России), выраженные в ее литературе. В этом плане достойны также глубокой медитации роман А. Ремизова «Крестовые сестры», некоторые его рассказы, роман Андрея Белого «Серебряный голубь», отдельные места из «Мелкого беса» Ф. Сологуба... Наконец, духовная подоплека творчества некоторых других писателей будет рассмотрена в связи с другими темами. Закончим же некоторыми наблюдениями А. Блока (Блока-эссеиста и великого мистика). Напри-

мер, о Питере: «Окраины очень грандиозные и русские — по грандиозности и нелепости с ней соединенные». Одна из тайн русской «нелепости» — именно в выпадении из мертвой, рационалистической поверхности жизни современного мира, — выпадении, которое дает возможность русским творить вторую реальность, второй план жизни. Естественно, эта мертвая кора, или поверхность, занесена к нам с Запада. «Европа — остров мертвых» — таково определение А. Блока, и сейчас это звучит совершенно «нормально» и признается лучшими из умов самого Запада. Это подтверждает и нынешний Папа Римский. И тем не менее Блок точно отмечает, что в России только «готовится будущее» (будущее в глобально-космическом смысле), а это значит, что все прошлое невероятное духовное и культурное богатство России — только подготовка к этому будущему. Увы, Блок «торопил» его, надеясь даже на революцию, которая тогда казалась многим неким радикальным поворотом, но быстро почувствовал, что это не то и что человеческая жизнь слишком коротка, чтобы измерять ею историю. Но он, заглянувший в Вечную Россию, писавший, что «нашим пространствам (в том числе и метафизическим. — Ю.М.) еще суждено сыграть великую роль», завершил все-таки дело своей жизни, пусть в чем-то бесповоротно перейдя черту...

И ушел он, как рыцарь легенды суровой,
За Полярной звездой в фантастический лед.
Поприветствовав век восходящий свинцовый,
Оплатив, не торгуясь, предъявленный счет.

В. Провоторов

Полярная звезда — символ Гипербореи, прародины Русских, а счет он действительно оплатил, не торгуясь, — своей ранней смертью и сломом. Россия для него была, как известно, Мать, Жена, Невеста; Блок погружался в ее древнюю Бездну, в ее снежный вихрь: «довелось Ей (России. — Ю.М.) быть твоей

подругою...» и «на высокое самосожжение ты за ней, красавицей, пойдешь». И закончим:

Спи, поэт! Колокола да вороны
Молчаливый холм твой стерегут.
От него во все четыре стороны
Русские дороженьки бегут...

В. Рождественский

Во все стороны, как в русских народных сказаниях, —
но куда?

Глава третья

Русская философия

Несомненно, здесь центральные фигуры (особенно в плане оригинальности и самобытности) — Сковорода, Данилевский, Леонтьев, Бердяев, кроме того, ранние славянофилы (особенно Хомяков). Вообще же русская философия самобытна прежде всего тем, что в определенном ее направлении сама Россия становится в ней «объектом» философии (как, скажем, в немецкой философии — Ничто, Абсолютный Дух и т.д.). Такого (в отношении собственной страны) нигде не было. Другим ее оригинальным плодом, как известно, является религиозная философия начала XX века (фактически полубогословие, полуфилософия, с ее идеалом «богочеловечества»). Остановимся именно на познании России, как оно выражено у наших философов. Надо признать, что значение Бердяева здесь достаточно велико, ибо он обладал, видимо, интуицией и философа, и писателя.

Совершенно очевидно, что до сих пор наше искусство, особенно литература и музыка, было по уровню гораздо выше нашей философии, и именно в нашей литературе, самой философичной в мире, удалось выразить многие аспекты скрыто-потенной живой русской философии и в художественных образах выразить философию России и русской личности (в ее отношении к себе и к Богу). Такой прорыв (ведь русскую культуру XIX века называли чудом света — как и, например, искусство века Перикла в Афинах) в метафизическом плане стал возможен потому, что «образ»

многограннее «понятия» («концепции»), и в образе может быть заложено то, что практически невыразимо обычным (тем более западным) философским языком. В этом великое метафизическое значение искусства — в том случае, если оно находится на высшем уровне. Кстати, одна из величайших заслуг Бердяева состоит именно в философской расшифровке творчества Достоевского. Другая заслуга Бердяева — его развитие русской идеи, что и интересует нас, естественно, прежде всего. Но он признается: «Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной». Такое вырывающееся у многих адептов русскоискательства признание важно потому, что в действительности ничто, что до сих пор существовало духовно в России, не исчерпало ее душу до конца, и потому ее высшая духовность еще должна раскрыться.

Важно и другое точное замечание Бердяева: душа России не покрывается никакими доктринами. Вернее, до сих пор не «покрывалась», но если под «доктринами» понимать нечто, определяемое только рационалистическим умом, то такое в принципе невозможно. Не будем подробно останавливаться на всем известных и очевидных чертах России и русского народа, о которых писал Бердяев (антиномичность, парадоксальность русской истории и души, соединение, казалось бы, несовместимого, общинность, коллективизм, склонность к анархии, пассивность, женственность и государственность, революционный консерватизм, национализм и универсализм, мессианство, тайная свобода, воля и смирение, отсутствие дара «средней культуры», крайности, терпение и бунт, братство и свобода духа, фантастическое духовное опьянение, дионисизм, отталкивание от формы, нигилизм, странничество, скитальчество и в то же время любовь к своей земле, искание Града Божьего и всеобщего спасения, апокалиптичность). Но для дальнейшего изложения особенно важны будут следующие моменты, отмеченные Бердяевым:

1. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада «отрешенность».

2. Устремление Русской Души в бесконечность (по аналогии с пространством России). С этим связано, видимо, и духовное странничество.

3. Перед Русской Душой нет горизонта, поиск «абсолютной правды» и разрешение «проклятых вопросов» — ее судьба.

4. Наконец, религиозно-философский вывод Бердяева: задача России — в раскрытии внутреннего Христа, Бога внутри человеческой души.

На последнем выводе остановимся непосредственно, ибо совершенно очевидно, что эта «задача» совпадает с известной идеей «богочеловечества», выдвинутой русской религиозно-философской мыслью в начале XX века. Для нас, несомненно, важно само стремление русского человека к «обожению», к раскрытию Бога и Царства Божия внутри, хотя реализация этого — уже, естественно, другой вопрос. Здесь, конечно, нельзя не отметить некоторого разрыва между Церковной практикой, с ее «трезвенностью» и осторожным, реалистическим подходом к человеку, и такими стремлениями. Ведь сама реализация «богочеловечества» явно не по силам современному человечеству, ибо очевидно, что «богочеловечество» (и обожение, с ним связанное) — это не просто высоконравственное, очищенное человечество, а такое человечество, внутри сознания которого имеется явно проявленный элемент высшего, божественного самосознания, что фактически превращает «человечество» уже в другую, более высокую категорию существ и меняет всю ситуацию — речь уже может идти, в конце концов, о «новом небе» и «новой земле», о новом космологическом цикле и т.д.

И в самые духовно мощные времена раннего (совсем иного, чем сейчас) христианства обожение рассматривалось как исключительный случай духовного подвига (по благодати), прихода к подлинному сыновству (по отношению к Богу).

Однако не все так безнадежно, как кажется, — даже сама мысль, само «стремление» к богочеловечеству имеет непреходящее значение и практические последствия для души челове-

ка. Даже малейшая «подвижка» в этом отношении может иметь судьбоносные и чрезвычайные последствия для человеческой души. Поэтому в начале этой статьи я выделил Григория Сковороду с его мистическим опытом «внутреннего человека», поиском «самосознания» Христа внутри собственной души (что означает, разумеется, не «метафору», а реальное изменение состояния сознания человека или человечества, иными словами, означает соприкосновение не только с историей жизни Христа и его заветами, но и в какой-то степени с самим самосознанием Христа, или Логоса, с Центром Его бытия). Именно это и имели в виду мистики раннего христианства и Средних веков. Поскольку природа у всех Трех Лиц Троицы одна — Божественная, — то метафизически это означает также и «стяжание Святого Духа» — истинной цели христианства.

У Сковороды все это «подано» в виде гораздо более адекватном внутреннему христианскому опыту, чем у философов начала XX века. Картина русской идеи, данная Бердяевым, тем не менее, впечатляет. Ее не сравнить с убогими попытками эпигона средневековой философии Владимира Соловьева дать представление о русской идее.

Теперь вернемся к началу XIX века, к ранним славянофилам. Поскольку наша цель — самодвижение русской идеи, то отметим хотя бы в двух словах хорошо известные положения славянофильства, а именно: 1) идею о том, что национальные русские черты соответствуют во многом христианским началам; 2) о превосходстве православия над другими христианскими течениями — и, следовательно, о России как хранительнице истинного христианства; 3) об историческом возвышении России и славянства.

Первое положение во многом впоследствии критиковалось и казалось многим весьма спорным, хотя, несомненно, важнейшие черты характера народа действительно этому соответствовали, по крайней мере, до начала XX века. Относительно же превосходства православия — это стопроцентно

подтвердилось в истории (от Вечности это было ясно само собой, исходя из сущности православия), так как современное западное христианство находится духовно в настолько деградированном состоянии, что оно не только отошло от нормального традиционного христианства, но в своих некоторых протестантских, особенно англосаксонских, ветвях фактически потеряло право называться религией вообще, опустившись ниже не только любой «языческой религии», но даже материализма как такового, превратившись в подобие политического клуба, сообщества, движения, где все религиозное обесмыслилось и потеряло свое подлинное значение.

Истинная цель таких «движений» — наглое манипулирование, «промывание мозгов» под маской религиозной лексики. В США довольно много людей посещает такие «клубы», но к религии это никакого отношения не имеет, ибо в лучшем случае здесь все сведено к сфере «психики», но не духа. К тому же на Западе большинство людей сейчас просто индифферентны к вопросам истинно религиозным, что по большому счету еще хуже, чем атеизм.

Таким образом, превосходство православия лишний раз подтвердилось в истории несколько неожиданным образом.

Еще одну черту славянофильства следует подчеркнуть особо — это уважение и прославление свободы, в том числе свободы интеллектуальной и духовной. Таким образом, в России, в стране парадоксов, свобода исторически вполне уживалась и связывалась с «консервативным» и «правым» течением, каким обычно считалось славянофильство. Кстати, Хомяков, величайший философ раннего славянофильства, подчеркивал терпимость и «догматическую сдержанность» православия. Своей вершины позднее славянофильство достигает в философии Данилевского, который, кстати, тоже всегда защищал право на интеллектуальную свободу. Это был ученый-естественник, блестящий антидарвинист, подчеркивающий Божественное происхождение сознания в человеке.

Рене Генон¹⁵ в своем фундаментальном исследовании «Власть количества»¹⁶ подробно касался разного рода псевдонаучных гипотез и фальсификаций, идеологическая цель которых — внедрить в социальную жизнь грубый животный материализм и отрезать людей от самой мысли о Первоисточнике их бытия и об их действительном происхождении, убедить массы людей в том, что они всего-навсего «рациональные животные», не могущие претендовать на какую-либо форму бессмертия. Сам Дарвин — он был религиозным человеком — не придерживался такого взгляда, его просто использовали.

Данилевский (главный великий труд — «Россия и Европа») еще задолго до Шпенглера обосновал учение о культурно-историческом типе цивилизации и о человечестве как о сочетании нескольких разных цивилизаций, имеющих свои собственные задачи. Он обосновал невозможность существования некоей единой общечеловеческой цивилизации, показав, что на такую обычно претендует наиболее сильная в данный момент цивилизация, которая обычно пытается подавить другие и присвоить себе право называться «общечеловеческой» за счет других. Все последующее развитие истории только подтвердило эти положения Данилевского. (Кстати, с Церковной точки зрения только Антихристу удастся объединить на время людей.) В своем отношении к славянству и к России Данилевский, надо сказать, был довольно радикален, более радикален, чем даже ранние славянофилы, ибо он полностью — и впервые! — выделил Россию как особую самостоятельную внеевропейскую цивилизацию, предсказав ей великое будущее. Более того, Данилевский писал: «Европа видит поэтому в Руси, в Славянстве, не чуждое только, но и враждебное

¹⁵ Рене Генон (1886–1951) — один из величайших метафизиков XX века, труды которого имеют фундаментальное значение как для понимания истоков кризиса современной цивилизации, так и для истолкования мировых религиозных и духовных традиций. В Индии Рене Генон считается одним из немногих людей Запада, кто действительно постиг необычайную духовную метафизическую глубину Востока.

¹⁶ Guenon Rene. The reign of quantity. England. Penguin Books. 1972.

начало»¹⁷. Причину этому Данилевский видел в принципиальной разнице культурно-исторических типов России и Запада, поэтому он считал, что Запад обречен на ненависть к нам, которая обосновывается им не только геополитически (Россия — сильный, опасный конкурент), но и на «органическом» и духовном уровне: Запад видит в России и православии «чужое», в глубине несовместимое с ним и потому глубоко враждебное. По отношению к русскому народу с его патриархально-крестьянским смирением, кротостью и глубочайшим религиозным чувством (что засвидетельствовано, например, и в литературе: Тургенев, Толстой, Достоевский и др.) Данилевский придерживался традиционно славянофильских взглядов о народе-богоносце, более или менее близком по духу к народу древней Святой Руси, Руси, которая как бы покоится внутри России XIX века и делает Россию истинной хранительницей православия.

Впоследствии «славянофильство» утратило свой славянский пафос (из-за скепсиса в плане духовной близости западного славянства к России), фактически на арену вышла потом «русская идея» (Н. Бердяев, Г. Федотов, И. Ильин), продолжающая, однако, многие положения славянофилов, но уже в отношении России.

Леонтьев, умерший позже Данилевского, предвидел грядущую постхристианскую эпоху, черты которой уже проглядывали в конце XIX века на Западе, хотя чисто формальный налет «религиозности» в то время еще сохранялся там. Он был консерватор-радикал, даже революционер в своем консерватизме. Более того, фактически Леонтьев был до известной степени предшественником Рене Генона. Конечно, Леонтьев не обладал такими эзотерическими знаниями, как Рене Генон, но его интуиция была направлена именно в сторону «генонизма». Необходимо уточнить, что понятие «эзотеризм» употребляется здесь и в дальнейшем в его истинном значении: не как некое «секрет-

¹⁷ Здесь Данилевский выступил как пророк: история XX века — прямое подтверждение этому.

ное» учение, а как такое понимание самой мировой духовной традиции во всех ее вариантах, от ислама до индуизма, например, которое неизбежно доступно только ограниченному числу людей (в отличие от экзотеризма, который трактует то же самое, но обращаясь уже ко всем людям без исключения). Поэтому эзотерический и экзотерический подходы неизбежно присутствуют во всякой религии. Отрицать это — значит отрицать духовное и интеллектуальное различие между людьми, которое является фактом независимо от того, нравится нам это или нет. Новый Завет является, например, чисто эзотерической книгой, хотя может истолковываться экзотерически, применительно к определенному уровню людей. Это не значит, что экзотерическое толкование ложно, оно истинно, но эта истина дана в меру ее «вмещения» в обычное сознание людей. Есть, однако, «вещи», которые, как известно из Нового Завета, мир вместить не может...

Леонтьев близок к Генону скорее в смысле беспощадной критики «современного мира», к которому Леонтьев испытывал отвращение, связанное с пониманием его сути. Это понимание было скорее интуитивным, чем интеллектуальным в высшем смысле этого слова (Рене Генону же удалось тотальное обоснование всей профанации и духовного невежества современной науки, психологии, философии, социальных движений, и, более того, ему удалось точно расшифровать тайный смысл этой контртрадиции, показать, к чему это неизбежно рано или поздно приведет). Естественно, что под «современным миром» и Леонтьев, и Генон имели в виду западную цивилизацию.

Леонтьев надеялся на Россию и Восток, ибо там — и в России, и на Востоке — сохранялась еще живая духовная Традиция и жизнь Духа. Он любил Россию — не «саму по себе» (в этом была его особенность), а только потому, что она была хранительницей Традиции. Здесь, на мой взгляд, он ошибался, ибо особенно в России Дух дышит где хочет, а не только в «организованной» Традиции, и Россия, по существу, неотделима от Духа, какие бы странные формы он ни принимал. Тем не менее черты «гниения»

Леонтьев видел уже в самой «официальной» исторической России и чувствовал приближение катастрофы.

«Соединим ли мы эту китайскую («вечную», «стабильную». — Ю.М.) государственность с индийской религиозностью?» — писал Леонтьев и продолжал: «Заразится ли мы можем, мистическим настроением Индии?»

Его мысли все время обращались на Восток, и он был один из тех мыслителей, писателей России, которые чувствовали присутствие непомерных духовных сокровищ Востока, Индии прежде всего.

Г. Федотов и И. Ильин позднее продолжали развивать русскую идею. (В частности, Г. Федотов подчеркивал различие свободы и воли для русского духа.) Их работы достаточно известны, но принципиальный вклад внесли ранние славянофилы (особенно Хомяков): Данилевский, Леонтьев и Бердяев. Многие были сделаны и другими русскими философами, но в иных направлениях, не вполне относящихся к русской идее, и это уже не наша тема.

Конечно, тайное присутствие русской идеи, хотя бы в ее неожиданно-скрытой форме, чувствовалось практически в любых течениях русской философии, в том числе и в пресловутом «западничестве» (которое на самом деле мало напоминало «Запад»). Знаменательны известные признания такого ярого «западника», как Герцен, который после того, как всерьез (а не сторонкой) пожил на Западе, стал фактически «антизападником». Ему нельзя отказать в реалистическом видении. «В нашей жизни, в самом деле, есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего косного, ничего мещанского», — заключал Герцен. «Мещанство — окончательная форма западной цивилизации» — таков его вывод. И этот же философ-«западник» писал о тайной внутренней силе, которая сберегла русский народ «вне всяких форм и против всяких форм».¹⁸

¹⁸ Эхо. 1986. №14. Париж.

Итак, русская философия и метафизика должна, конечно, продолжить прерванный свой путь, продолжить, вероятно, на новой и необычной основе. Но поиск России, «русскоискательство», я думаю, останется одной из главных ее сфер, ибо это «русскоискательство», несмотря на все свои прорывы и успехи, только начато...

Глава четвертая

Православие

Его значение для России понятно само собой. (Россия, русская идея глубоко связаны с Богом.) Но необходимо отметить следующее. К величайшему сожалению, благодаря вторжению в Россию с Запада материализма и атеизма много российских людей были и остаются сейчас неверующими: 1) по причине не только атеистической пропаганды, но и потому, что коммунизм, идея царства правды и равенства на земле, подменил истинную веру в бессмертие человека и его связь с Богом; 2) по инерции, причем большинство таких неверующих искренне любят Россию.

Задача Церкви и всех верующих убедить их: 1) в катастрофичности неверия и материализма для собственной судьбы неверующих, их последствий для послесмертной судьбы неверующих; 2) в том, что любовь к России, привязанность, познание ее невозможно без веры в Бога, ибо исторически Россия неотделима от этой веры, определившей жизнь наших предков и их послесмертную судьбу. Необходимо, чтобы любой неверующий, хотя бы во имя памяти о тех, кто ему самому дал жизнь по тысячелетней цепочке, попытался это понять и прийти к вере в Бога для собственного блага и по молитвам тех, кто молится за него по ту сторону земной жизни, принял бы и осознал смысл крещения, этой «печати бессмертия».

Нельзя не обратиться к неверующим со следующими вопросами: неужели можно быть настолько равнодушным к собствен-

ной судьбе и к собственной душе, чтобы игнорировать то, что Бог дал людям «даром» во имя их же спасения и бессмертия? Неужели можно оттолкнуть дар спасения просто из-за лени, тупости или из-за каких-то собственных представлений о мире, всегда субъективных, относительных и ограниченных или же пронизанных дьявольским ядом современной контртрадиции и материализма?

Наконец, обращаясь к неверующим, необходимо подчеркнуть духовное превосходство и истинность православия по сравнению с наступающими на него, например, христианскими, точнее, псевдохристианскими сектами и течениями, которые мощно поддерживаются из-за рубежа...

Относительно католичества проблема заключается в общей деградации современного христианства на Западе, который фактически переживает постхристианскую эру (что уже достаточно широко признано на самом Западе). Примечательно, что Рене Генон — по целому ряду признаков — считал, что современное католичество потеряло способность дать верующим «спасение» в подлинном смысле этого слова, сохранив возможность только «*karma mukti*», то есть смягчения участи после смерти. Но дело не только в этом: в принципе, изначально, после разделения Церквей, православие было единственной ветвью христианства, которая обладала христианским наследием во всей его полноте, в частности, благодаря наличию в ней великой исихастской традиции с ее созерцанием, высшим Безмолвием и умным деланием (в России — Нил Сорский и его последователи).

Таким образом, изначально православная Церковь имела явное превосходство над католичеством, не говоря уже о протестантстве (включая баптизм и т.д.), которое деградировало значительно глубже, чем католичество, и большинство протестантских сект и «церквей», особенно американских, представляют собой фактически пародию на религию.

Религия может называться религией только тогда, когда она вводит человека в сферу Духа, если же она остается только в сфере психики, эмоций, влечений или опускается на «буква-

листский» или политический уровень — то она, собственно, теряет право называться религией (смысл которой связывать человека с высшим, Божественным миром, с миром Духа). Гротескный примитивизм, «простота» и политизация американских и других протестантских «идеологий» мало чем отличаются от обычных «мирских идеологий», но в этом религиозном примитивизме и «простоте» заключается ловушка и соблазн для масс¹⁹.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что разделение страны и народа по конфессиональному признаку, особенно если речь идет о «конкурирующих» конфессиях, может в некоторых случаях дорого обойтись этой стране и этому народу (вспомним Югославию, Ирландию, раздел Индии, Ближний Восток и т.д.). Далекое не всегда удается сохранить религиозное «равновесие» — это бывает тогда, когда национальная идея и национальное единство достаточно сильны и препятствуют возникновению религиозной вражды (Германия, Китай, например) или когда торжествует религиозная терпимость, или, наконец, в том случае, когда одна религия как бы дополняет другую (например, синтоизм в качестве национальной религии и буддизм в качестве мировой — в Японии).

Следует отметить еще одну важную и в высшей степени позитивную особенность православной Церкви: национальное (славянское) и вселенское в ней слились воедино, причем без всякого ущерба для «вселенского» (и в то же время эта особенность ставит русский народ в особое положение и облакает особой ответственностью). Эта уникальная историческая черта православия определяет и определяла всегда ее глубоко патриотическую позицию (по отношению к Родине), что подтверждено всей ее историей, даже в тот период, когда православная Церковь находилась в го-

¹⁹ С другой стороны, в их распоряжении довольно продуманная «психотехнология», позволяющая направлять сознание людей не на высшие духовные цели, а на сугубо эгоистические, материальные. За всем этим стоят глобальные идеологические и политические интересы, помимо того, что при этом полностью отрезается в человеке высший план сознания, который и связывает его с Богом, и он неизбежно становится добычей самых низших психических сил, со всеми последствиями для него после смерти.

нении и мученичестве при советском режиме. Ее великие страдания, гибель священнослужителей не привели ее к оппозиции по отношению к собственной стране (как было в случае политического диссидентства в СССР), она не смешивала политический режим с народом и страной — наоборот, она молилась за страну и народ. Сама мысль о национальном предательстве невозможна в православии. Крайне желательно, чтобы эта преданность России стала бы качеством любой другой религиозной общины в нашей стране, тем более претендующей на некоторую «массовость».

А теперь перейдем к качественно иным проблемам. Иногда возникает вопрос: а вдруг любовь к России может заменить в некоторых случаях в душах людей любовь к Богу? Несомненно, такое может быть, как в случае неверующих, так и даже среди верующих, в том плане, что, например, Россию ставят на первое место, а потом уже саму веру, нарушая принцип: «сначала вера, а потом уже отечество».

Безусловно, такая позиция является глубоко ошибочной, и это ясно хотя бы с той точки зрения, что Бога, как абсолютное и вечное начало, невозможно ничем заменить. Любовь ни к кому и ни к чему на свете не должна вытеснять первостепенность и первоначальность Любви к Богу — это элементарная истина любой религии; нарушение этого принципа ведет к тяжелым последствиям.

Но посмотрим на эту ситуацию чуть-чуть с иной точки зрения, а именно: любовь к Богу — это, несомненно, «средство» быть хотя бы в некотором с Ним единстве; Бог — это источник Бытия и сама «основа» Бытия; поэтому «отход» от Бога (ради любой другой цели) фактически означает для человека отказ от собственного высшего Бытия и переход в низшее, отрезанное от Первоисточника существование. В этом случае человек рискует, собственно говоря, даже потерять свою душу, человеческое «я» как таковое. О какой же любви и познании России тогда может идти речь? С потерей Бога и человеческого бытия вы теряете Россию и все связанное с высшечеловеческим, уходя в низшее

примитивное состояние, сравнимое с состоянием низших духов, в то время как, например, святые (и просто верные Богу люди) и после «смерти» помогали России своими молитвами (а следовательно, знали о ней и переживали за нее), что известно из Церковных преданий.

Бог — это основа вашего бытия. Если вы «подрываете» свою связь с Ним, вы рушите и вашу возможность любить «вневременно» то, что достойно любви. Поэтому даже с простой логической позиции, любовь к Первопричине должна быть на первом месте, иначе вы не сможете по-настоящему любить второе, третье и т.д.

Наконец, о следующем.

Православная Церковь в современном мире, как и любая другая Церковь, подвергается многочисленным испытаниям и опасностям, и вопрос заключается в том, выдержит ли она, не сдаст ли позиций, как западные Церкви, перед лицом наступления современного мира, не угаснет ли ее дух? В этом главная опасность для Церкви, ибо современный мир в целом — это не какая-нибудь жалкая секта или полусумасшедшие сатанисты и их группы. Невозможно здесь исследовать тайные и глубочайшие аспекты этой проблемы, но остановимся все-таки на одном, самом распространенном и, так сказать, «общечеловеческом».

Я имею в виду кардинальное изменение вектора человеческого сознания, начавшееся приблизительно в век Просвещения, в сторону не просто «материального» мира и его рационального познания, но и стремления найти и обрести счастье в земном мире и отказаться от представления о земном мире как о месте, которое годится только для подготовки перехода в вечную высшую жизнь. Ведь именно с таким представлением жило предыдущее человечество. Конечно, эта направленность человеческого сознания имела большие космологические последствия: в плане «рационализации» вселенной и, следовательно, в значительной степени — «закрытия» для человека тех высших духовных влияний (и даже просто «щелей» в невидимые миры), которые

были открыты для него ранее. Этот процесс был неизбежен, и, тем не менее, факт остается фактом: он вызвал сначала ослабление веры в христианском человечестве, а потом и массовый отход от нее. Церковь вынуждена была приспособливаться к желанию людей жить и творить в мире, находить в нем счастье, а не отказываться от мира. Этот «процесс» продолжается и сейчас. Баланс между этим желанием и естественным стремлением к высшей жизни, к бессмертию (иными словами, между ценностями земной жизни и ценностями религиозными) не был найден, или в отдельных случаях этот баланс был очень неустойчив и часто «сползал» в сторону мирскую. Между тем такой «баланс» необходимо найти, ибо бесполезно требовать от людей, одержимых жаждой земной жизни, отказываться от ее благ или просто самоограничиваться «в серьезной степени». Но Церковь Святой Троицы не имеет права и бросать людей: должно быть сделано все, что возможно, для осуществления «спасения». «Трезвенность» православной Церкви и духовная жажда русского человека (существующая даже при всех условиях его «разгула») — вот возможная основа для необходимого баланса. С другой стороны, сейчас трудно представить себе (а если и можно представить, то, наверное, только где-то в лоне невидимого миру православия), чтобы христианин искренне думал об этом мире с такой мощной силой его отрицания, как было раньше.

Но все же Церковь, оставаясь в своей Традиции, не может не считаться с современным состоянием человека (в той степени, в которой это не нарушает саму Церковную Традицию). Дело это весьма тонкое, но по поводу жажды счастья и полноты жизни на земле можно сказать словами Упанишад: не ищите счастья в малом, счастье возможно только в большом... Это означает, что земное счастье, по определению и по скоротечности нашей жизни, не только «малое», но и подвержено неизбежным разрушениям, и хотя оно — надо признать — обладает относительной реальностью, но без познания Бога, без познания собственно бессмертия и Царства Божия внутри нас и без осуществле-

ния — в доступной степени — «единства» с духовным вечным началом невозможно счастье. О каком счастье (если оно находит опору только в земной жизни) можно вообще говорить, учитывая смертность человека, краткость его жизни, болезни, смерти близких и т.д.? Без «контакта» с «Духом истины» человек не может быть счастлив. Либо он бессмертен и может быть «богом по благодати», либо он рациональный червяк, всего лишь преходящий аспект природы. И неужели последнее состояние можно назвать «счастьем»? Есть мнение, что тайна зла почти «до конца» может быть постигнута в такой космической ситуации, когда Небо (Дух) будет почти закрыто для человека, а Земля (природа) откроется ему во всем своем почти непреодолимом могуществе и возможностях, несравнимых, кстати, с тем убожеством и теми возможностями, которые дает человеку современная профаническая наука, по определению не имеющая никакого доступа в сферу истинного могущества природы. Возможно, тогда пред нами предстанет не «рациональный червяк», а существо, претендующее даже на «физическое бессмертие» и на иные невозможные для человека в нашем мире необычные «способности», но при этом следует знать, что все эти «возможности» и «способности», вместе взятые, — ничто по сравнению с тем, что ожидает человека в случае реализации его единства с Богом, точно так же, как и «физическое бессмертие», неизбежно разрушаемое при конце данного космического цикла, — ничто по сравнению с истинным, Божественным бессмертием, которое не может быть опровергнуто, потому что оно связано уже не с Космосом, «сансарой», «природой», а с Вечностью и Первоисточником бытия. Это напоминание всем, кто потенциально мог бы прислушаться к обещаниям будущего Антихриста.

В другом плане, со стороны интеллигенции (разрыв между Церковью и интеллигенцией, как известно, — большая проблема в России) нередко раздаются упреки в адрес православной Церкви, обвинения в так называемой «косности», акценте на обрядовости, замкнутости и т.д., а, дескать, во всем мире (и даже

в России) многие люди ждут «новой религии». Нужно определенно ответить, что «религия» не может быть изобретением людей (они, правда, могут неправильно понимать или искажать сущность Откровения), и не только «новая религия», но и любые кардинальные изменения в традиционных религиях (если об этом вообще возможно говорить) относятся к сфере санкций высшего мира, сверхиндивидуального источника, иными словами, непосредственно Бога. Все иное, если речь идет об открытии «новой» именно религии, несомненно, идет от контртрадиции, которая еще опаснее обычного профанизма. Это не значит, что человеку недоступны высочайшие метафизические прозрения, но именно религия как особый способ связи с высшим миром, типичный для периода Кали-юги, «последнего железного века», начинается там, где есть Откровение, помощь свыше. Поэтому и всякие своевольные «изменения» в религии могут привести к духовной катастрофе: религия наиболее «чиста» именно в своем первоначале, в своей «древности» (не искаженной людьми). Следует подчеркнуть абсолютную необходимость сохранения «экзотерической» стороны религии со всеми ее ритуалами и т.д., со всем сохранением ее традиционной стороны, ибо это единственное в современном мире, через что «спасение» может быть доступно каждому человеку. Нельзя отнимать «последнее» у «малых сих», и поэтому не столько православная Церковь должна адаптироваться к современному миру, сколько современный человек должен понять Церковь (и ее учение, и ее таинства). Поэтому довольно характерные претензии к Церкви, например, такого философа, как Л. Карсавин (православие пассивно, не раскрыто, потенциально), — весьма шаткие и спорные, ибо в православии существуют и пути неограниченного самосовершенствования для тех, кто в состоянии идти в этом направлении, вершиной которого является, конечно, исихазм, представляющий чисто эзотерическую сторону православия и из всех христианских ветвей представленный только в православии, что, еще раз хотелось бы повторить, делает православие

центром и вершиной всего христианства, несравнимым как с католичеством и протестантством, так и тем более с такими убогими сектами, как баптизм и тому подобное. Иное дело, что все эти возможности самосовершенствования, существующие в православии в прошлом, должны реализовываться и сейчас (теперь они явно только в потенции), и в будущем — но это уже другой вопрос, другая среда, где таинственный Промысел Божий парадоксально соседствует со свободой воли человека и его усилиями. Это вопрос будущей Церковной истории, крепости Церкви и общей космологической ситуации.

Следует, однако, напомнить об источниках, связанных со временем раннего христианства, когда пульс веры бился наиболее четко: например, Климент Александрийский (в его сочинении «Педагог») так изображал идеал христианской жизни: познание Бога и себя самого, поражение страстей, проявление христианской любви. Таким образом, здесь отмечены не только «аскетизм» (поражение страстей, то есть грехов), являющийся средством, подготовкой, но и два фундаментальных аспекта: Любовь (к Богу и людям) и познание (через умные молитвы, размышление, молчание, созерцание) Бога и себя самого, то есть собственной души как образа и подобия Божьего. Любовь здесь интеллектуально не «слепа», не основана только на религиозном чувстве, она «знает», Кого она любит... Познание «себя самого» здесь, видимо, также основано не только на психологическом знании особенностей собственной души (для ее очищения), но прежде всего на познании ее трансцендентной основы и богоподобия (это уже высший уровень)... Это познание также необходимо, ибо надо знать, кто должен «соединиться» с Богом, так как от этого зависит само «соединение». Можно также высказать мнение, что если возможно определенное «развитие» в плане самосовершенствования и познания Бога, то центральным планом и вершиной этого может быть стяжание Святого Духа и соприкосновение с тайной Святой Троицы, «раскрытие» внутреннего Христа, которое означает не просто «святость», а коренное он-

тологическое изменение человеческого сознания. Все богатство православия как религии любви и единения с Христом и со всей Святой Троицей дает русским людям «печать бессмертия» и надежную и могучую защиту от сил зла (в конечном счете от дьявола). Следует полагаться прямо и непосредственно на Бога, не думая, что-де Бог далек от людей; это является грубейшей и наивнейшей ошибкой, ибо при всей трансцендентности и даже «апофатичности» Бога Он одновременно в другом своем аспекте имманентен, то есть близок людям, которые являются Его образом и подобием, близок людям до такой степени, как не может быть близок никто, независимо от того, сознают люди этот факт или нет. Православие к тому же (в отличие от католичества) обладает свойством догматической сдержанности, и, в принципе, оно дает возможность людям осуществлять свое, данное им самим Богом, право на Свободу в интеллектуальной сфере и в сфере духа. Я подчеркиваю это, ибо проблема интеллектуальной свободы и свободы творчества является центральной для интеллигенции. (И в связи с этой проблемой среди интеллигенции порой возникает своего рода «осторожность» по отношению к Церкви.) Вспомним, однако, знаменитого нашего богослова-славянофила Хомякова, его акцент на проблеме свободы (в отличие от мертвенности принуждения, к чему была, кстати, склонна католическая Церковь), на сочетании свободы с соборностью. Вполне русская идея!

Глава пятая

Народная стихия (народные религиозные секты)

В народных религиозных русских сектах с необозримой иррациональной силой выразились некоторые мистические стороны народной души. Разумеется, исходя из нашей темы, мы намерены рассматривать сектантство не в плане его и так очевидной религиозной несостоятельности²⁰, а как феномен народной культуры и истории. Наиболее интересным здесь является мятущаяся стихия народной души, ее тайные желания и стрем-

²⁰ Не будем касаться также болезненной темы старообрядчества: раскол и его последствия целиком лежат в сфере истории Церкви и достаточно убедительно исследованы. Впрочем, нельзя не подчеркнуть, что Восточная христианская Церковь (православие) на протяжении всей своей истории отличалась наибольшей терпимостью среди других исторических течений христианства. Достаточно упомянуть, что католичество за свою историю совершило немало кровавых нелепостей и кровавых преследований (в том числе православных), что трудно сочетать с определением католичества как религии «любви». Все это подчеркивает, во-первых, огромную разницу между самим Откровением, Первоисточником, и воспринимающим его человеческим сознанием, которое неизбежно в той или иной степени «интерпретирует» Его по-своему (видимость сквозь «мутное стекло»), а главное — приспособливает к среднечеловеческому пониманию. До некоторой степени это совершенно нормально и ведет к образованию экзотерической стороны религии, без которой религия не могла бы существовать и выполнять свою задачу, обращенную к массам. Гораздо серьезней — разрыв между этой необходимой и абсолютно оправданной экзотерической стороной религии и действительным искажением религиозного сознания, которое проявляется не только в форме узкого фанатизма, скрытого идолопоклонства, ненависти к людям других вер, истребления их, жестокости и т.д., но, что еще опаснее, в форме утраты той или иной религией ее подлинного духа и превращения ее или в букву, в форму, или, что особенно фатально, развития в ней процесса «подмены» (если эти «процессы» подмены заходят слишком далеко, данная религия, точнее ее искаженный образ, вполне может стать орудием, мягко говоря, «небожественных» сил, хотя наивные приверженцы ее могут верить обратному). Такой процесс «подмены» уже совершен во многих «церквях» на Западе. Православие остается последней твердыней христианства.

ления, ее страхи и сны и, наконец, причины, почему она противилась и уходила от «официальной государственной Церковности».

Поэтому с этой точки зрения необходимо остановиться именно на народных русских сектах и наиболее «самобытных» из них (хлысты, например), а не на протестантских, рационалистических сектах, занесенных с Запада²¹. В этих «самобытных» сектах до боли видна огненно-мятущаяся народная душа, пытающаяся порой разгадать или ответить себе на такие вопросы, разрешение которых возможно только или в чистом эзотеризме, или вообще невозможно для человеческого разума.

Что же видит она, что преследует ее в безумном потоке подземных и высших видений, в ее схватках с Непостижимым, чего она хочет?

Налицо, по крайней мере, несколько видов таких стремлений.

Отметим, что в них проявлены именно индивидуальные, личные духовные страсти и запросы тех или иных людей или групп, которые действуют «свободно», вне «догм», что важно для понимания глубин народной религиозности. Начнем с того, что уже названия сект о многом говорят: «хлысты», «скопцы», «бегуны», «скрытники», «бессмертники», «нетовцы»... Кстати, часто эти «стремления» противоречивы, что хорошо укладывается как в идею «антиномичности» Русской Души, так и в концепцию «прорывов» среди нераскрытого еще духовного пространства.

Начнем с довольно изощренной черты, проходящей через многие секты, — это мысль о «скрытом Христе», о том, что Богочеловек «скрыт», и с этим неизменно соседствует идея, что тот, кто «обнаружен», точнее, тот, кто проявляет себя, — «самозванец». Все «обнаруженное», «явленное», «высказанное» оказывается фальшивым, а все «истинное» — скрывается, «таится». Здесь, пожалуй, проглядывает не просто мысль о трансценденности Бога

²¹ В христианстве, в форме «обожения» или концепции о том, что Христос имеет по своей природе то, что человек может иметь «по Благодати», или: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

и всего «истинного», но и тот момент, что если «истина» и проявляется в мире, то она неизбежно должна «скрываться»... Мысль мощная, но и опасная, и не без далеко идущих последствий.

Полной противоположностью ей является центральная «хлыстовская» идея о том, что Христос (то есть Бог) есть в каждом человеке, что каждый человек — это потенциальный Христос, необходимо только «открыть» его в себе, в чем и состоит высшая цель секты.

Нечего и говорить о том, что доктрина о «Богe внутри человека» является чисто эзотерической (и в то же время где-то подспудно центральной) практически для всех мировых традиций²², но «достижение» этой самой сложной, высшечеловеческой, кардинальной и, казалось, почти непостижимой, но в то же время реализованной в ряде случаев «цели» (речь прежде всего идет о «практике» реализации Абсолюта на Востоке), связано с древнейшими эзотерическими учениями и практиками окончательного «освобождения» и выхода за пределы любого воплощенного или ограниченного, и в частности, человеческого существования, выхода за пределы Вселенной, на «другой берег»...

Что же касается «хлыстов», то они, естественно, не имели никакого представления о том, что это по сути, а не на словах значит — «Бог внутри человека», не говоря уже о «практике» (если такое слово вообще тут подходит), но у них здесь поразительно сочетание абсолютно сверхчеловеческой цели с нелепыми карикатурными средствами ее достижения. Разумеется, они добивались «экстаза», но этот «экстаз» имел чисто «психические» корни («нижних вод») и в большинстве случаев ничего общего не имел даже с «нормальной» человеческой духовностью вообще.

²² Кстати, при всех сложностях коммунизма как мировоззрения в нем были черты религиозно-сектантского утопизма (построение земного рая). С другой стороны, коммунизм разрушил традиционные формы духовной жизни, в результате чего в сознании многих людей образовалась некая метафизическая пустота, которая нередко понималась как серьезное и неожиданное испытание перед лицом Ничто. Такое испытание имело не только негативные, но и глубоко позитивные последствия, истинная природа которых станет ясной с течением времени.

Удивительно, однако, не это, а то, что люди, в сущности, совершенно «простые», «неграмотные», как говорится, оторванные от всякого эзотеризма (в том числе, например, внутрицерковного, исихастского), с таким бешенством, с такой внутренней истерией, метафизическим отчаянием и самообманом пытались достигнуть высшей цели человеческого бытия, по существу (по крайней мере, на «не-Востоке») скрытой за вуалью обычного религиозного эзотеризма, чтобы не смущать и не вводить в бессмысленный соблазн верующих (и поделом, пример тому — сами «хлысты»). Но, повторяю, нас здесь трогает не очевидная нелепость таких «амбиций» со стороны «хлыстов», а невероятная, разрывающая душу жажда этих людей вырваться за пределы космической тюрьмы, осуществить Абсолютное бессмертие, их бесконечная, хотя бы на чисто психическом уровне, страсть, пусть искаженная, к божественному, к абсолютному началу в себе.

В 1645 году Данила Филиппович (основатель секты) заявил: «Буду я по плоти человек, а по духу Бог». Легко сказать...

«Хлыстов», как и других сектантов, разумеется, гнали, но удивительно, что эта секта оказалась весьма живучей, и в начале XIX века (особенно в форме скопческой секты) завоевала себе сторонников среди высшего общества в Петербурге. За свои заблуждения (с искрами «истины») многие платили каторгой, кровью, жизнью — обычная человеческая история.

Вторую тенденцию (и тоже весьма русскую) лучше всего представляли «бегуны», то есть сектанты, которые считали, что мир настолько погряз во зле во всех его формах, даже религиозных, что от него надо только «бежать» — бежать, спастись от всего: от государства, людей, монастырей, Церквей, купцов, от всего... что есть на земле... Опять-таки, «искры истины» здесь явно присутствуют, но ведь именно в монастырях («настоящих») можно было уйти от мира в подлинном, традиционном смысле слова тем, кто на это действительно был способен, при этом не теряя сострадания к этому миру.

Были и совсем другие «завихрения», например, «шалопуты» (близкие к «хлыстам») — эти проповедовали «шальной путь» к божеству.

Вообще «хлыстовство» давало много психологически потрясающих ответвлений.

Больше всего здесь поражает нескончаемая стихия «прорыва», пусть и не подкреплённая метафизическими знаниями и, следовательно, как бы повисшая в воздухе, над бездной, в океане «нижних вод».

Другую, но тоже мощную тенденцию представлял духовный «нигилизм» — «нетовцы», частично «бегуны» и другие. Центральным здесь, видимо, было отрицание устоявшихся форм духовности. Особенно «государственной духовности» — тотальный бунт, прославленный русский религиозный анархизм... Ненависть ко всему законченному, ко всему, на что можно указать: «вот она, истина». Нет, истина на самом деле далеко-далеко, а если указали, что «это — истина», значит, дальше — остановка, застой, смерть, значит, уже не истина, да еще с топором (тюрьмой) против тех, кто «уклонился» от «истины».

Во всем этом (особенно у «нетовцев») чувствовался какой-то неумный, апофатический прорыв в бесконечную даль, в бездну русского пространства, где «истина» то появляется где-то на горизонте, то опять «исчезает»... И добавьте еще фиксацию на том, что все, куда ни взглянешь, «не то»...

Весьма характерной была малоизвестная секта «бессмертников» (конец XIX — начало XX в.). Это, видимо, была довольно странная секта «солипсистов», хотя и относительно нетрудно представить себе их существование даже в глухой русской провинции, среди кривых улочек и заброшенно-уютных домов, среди «обывателей», многие из которых и сами-то втайне, в глубине души ни во что не верили, кроме как в собственное полусонное бытие. И «отпечаток» этого странного, но таинственного в своей «простоте» миросозерцания явно обнаруживается

и в ауре заброшенных городков, и в русской литературе — в этом великом русском зеркале.

И теперь необходимо перейти к писателю Пимену Карпову с его романом «Пламень» — романом, который удивил Блока, был «сожжен» (запрещен в начале XX в., в 1913 г.), ибо описание действий сектантов там превосходило всякие нормы и представления. Любопытно, что сам Карпов, видимо действительно посвященный в самые дремучие дебри народного сектантства, уверял, что все в точности списывал с «действительности». Действительность была такова, что автора хотели судить за такую «действительность», но помешали война и революция²³; он даже мелькнул в начале 1920-х годов как крестьянский поэт, как пострадавший, и потом надолго исчез, вынырнув уже после смерти Сталина опарашившим всех старичком. Что он, этот адепт самого потаенного народного «мракобесия», делал все эти годы победившего «научного материализма» — неизвестно, по каким ямам, дебрям, лесам и берлогам пропадал, какие скрытые книжки там читал — непонятно. Но было ощущение, что потаенная иная жизнь, в глубине, и светлая, и темная, текла совершенно независимо от того, кто там «наверху» завинчивает гайки...

Его творчество, конечно, не клюевский или есенинский уровень (хотя он считал себя принадлежащим к этой когорте), но в нем захватывающе воздействует сам материал, который Карпов, видимо, черпал из бездны народного богомильства (уже в переработанном виде), того богомильства, которое с ужасом признает торжество дьявола над миром и необычайное сплетение и становление двух начал: светлого и темного... Но все это переработано и подано в ином виде, и, кроме того, сами бездноносители (то есть персонажи его романа) пугающе огромны.

²³ Секты, как правило, гиперболизируют те или иные стороны религиозного сознания, отбрасывая другие, часто наиболее важные, и, хотя в некоторых своих моментах выражают какую-то истину (вообще учений, которые выражали бы только «ложь», не существует по самой природе реальности), в целом резко порывают с традицией, лежащей в основе той мировой религии, внутри которой они существуют.

Судите сами: у Пимена демоны сходят с ума, «дорога в рай — через ад и тьму», «не будь зла, люди не стали бы искать «Града» (Светлограда)», «чем лютей зло, тем ярче пламень чистых сердец», «черные, без дна, глаза», «смертные плясуны», поиск Солнца и обращение к Немю: «Воскреси! Пошли бездны...» — и тотальный бунт против плоти и зла...

Даже пахарь — не прост: в его сердце — «песен вещей сплав», а в душе — «отрава знахаря», но «солнце пить — его удел».

И к России у Пимена Карпова обращается Голос Бога:

Пройди огонь, изведай бездны,
И неизведанную высь...

Так и лезут в голову слова Ричарда Генслера: «Если бы русские знали свою силу...» Если бы... Ну а некоторые духовидцы действительно повторяли, что русские еще не познали и на одну сотую собственную душу, и это еще впереди...

Что касается стихии, того народного слоя, который вынес на поверхность Карпов, то сразу провидится, что главное в этой «стихии» — стремление к Запредельному и неукротимое желание открывать «бездны».

Русский народ предстоит здесь, прежде всего, как народ-бездноноситель... И это странным образом перекликается с русской литературой в ее самых неожиданных изгибах, литературой, созданной в основном дворянством и интеллигенцией, так, казалось бы, далекой от староверческих скитов и от болот с огоньками, от «сумасшедших» голосов в лесах, от потаенных книг под полом и от бунтарского огня «народа гнева и всепрощения»...

Глава шестая

Невидимое древнее мировоззрение

Теперь вернемся к дохристианскому древнейшему периоду Руси. При всей таинственной «туманности» этого периода можно (особенно в свете последних открытий, раскопок, исследований языка) сделать весьма многозначительные выводы. Интуиция тоже играет не последнюю роль в этом погружении в собственное прошлое, а значит, и в прошлое собственной души, ибо «гены», «сверхиндивидуальная память» — не пустой звук, они хранят то, что скрыто во тьме веков. Из этого невероятного вселенского тумана, которым окутано наше прошлое, некоторые моменты выступают вполне явственно. Наиболее известный из них — так называемое язычество, народная религия²⁴.

С него и начнем. Но сначала необходимо, в свете современных исторических открытий, сравнительных исследований мировых религий и т.д., напомнить следующее. Практически доказано распространение единобожия у многих древних народов, некоторые из которых потом потеряли его. Мы не касаемся здесь Востока и, в частности, его метафизического центра — Индии: это совсем другой мир,

²⁴ Чтобы не было никакой двусмысленности на этот счет, определенно скажем, что «язычество» здесь исследуется как явление народной культуры и истории, как путь души и ее исканий в древний период, а не как «религия». Бесмысленность любой попытки возродить «язычество» как религию вытекает из того, что, во-первых, сейчас потеряна связь с космическими богами, и самое главное возражение — это существование христианства, православия, его мощь как живой религии и возможность осуществления с его помощью личного спасения. Последнее не входит в компетенцию космических богов.

и присутствие единобожия, например, в индуизме совершенно очевидно²⁵, какой бы сложный характер он ни носил. Когда мы говорим о язычестве, речь идет в основном о народах и религиях западного (римско-греческого) мира и ближних к ним регионов. Как писал уже Рене Генон (и другие исследователи мировых религий и их связи с Единой высщеловеческой Традицией, *Perennial Sophia*, Вечной Мудростью), эти языческие религии в той форме, в которой они известны из «школьной» истории, уже представляли собой деградированную или искаженную тень предантичной (или истинно античной) религии, признававшей Единого Бога. Неудивительно поэтому, что многие греческие философы тоже признавали Единого Бога, и их философия (Платон, Аристотель и т.д.), как известно, настолько повлияла на христианское богословие, что создание последней было исторически немыслимо без воздействия эллинской мудрости.

Но нас интересует русское язычество. Здесь, разумеется, огромные проблемы, но, тем не менее, научные искания, пусть и в некоторых аспектах спорные, продолжаются и усиливаются в этом направлении. Огромное значение приобретают последние раскопки (на Кольском полуострове, на Урале, где открыты ведические поселения), археологические открытия, лингвистические и другие исследования (русский язык, кстати, один из наиболее близких к санскриту) и т.д.

Суммируя сейчас все данные, с некоторой осторожностью и оговорками, можно прийти к следующим заключениям в отно-

²⁵ Индуизм настолько глубоко сейчас изучен, что прежние нелепые, невежественные представления о нем (скажем, об отсутствии там «личного» Бога и учения о благодати, о пантеистическом характере индуизма и т.д.) давно отброшены. Единобожие в индуизме очевидно: Единый выступает здесь и как Абсолют, Брахман, Бог в самом себе, и как Бог, Абсолютная Личность, обращенная к миру (Ишвара). Вместе с тем в индуизме (как и в буддизме, в котором, кстати, признается единое трансцендентное начало) дана широчайшая космологическая картина видимых и невидимых миров (не имеющих аналогов), где, как известно, есть место «богам» (с маленькой буквы). Но они, даже высшие, отделены от Первоначала, от Абсолюта, от Бога с большой буквы глубочайшей пропастью, и этим только подчеркивается абсолютность Единого Бога. Совсем иной принцип античной древней западной религии — предполагаемое там единобожие (в ранний, «доантичный» период) не отменяет его последующей деградации и фиксации греко-римского мира на многобожии (в «исторической» античности).

пении нашей так называемой «предыстории» и главным образом русского, славянского язычества.

1. Его основные корни явно ведические. Здесь уже некоторое отличие от греко-римского язычества. Это, конечно, не Упанишады, не Веданта, но сходство с арийским истоком. Не только по этим, но и по некоторым другим причинам (они будут изложены в соответствующей главе) Индия и Россия — духовные сестры.

2. Следующим кардинальным качеством русского, древнеславянского язычества являлась центрально-выраженная вера в бессмертие человеческой души (что отнюдь не было характерным, например, для многих течений язычества, где такая вера была неясной и теневой).

Это подтверждается исследованиями, но также может быть основано на исторической интуиции: внимание, концентрация на «проблеме» души и ее будущего существования — очевидная особенность вневременного русского национального духа, и эта черта проходит через всю русскую культуру. Это далеко не всегда (тем более с такой силой) выражено в некоторых других культурах. Во всяком случае, такая черта — и это станет метафизически ясным при дальнейшем изложении — связана с весьма многозначительными последствиями. Более того, есть основания полагать, что в нашем язычестве явственно проглядывает идея Божественного происхождения человека: по некоторым источникам, славяне называли себя «внуками Бога», «сынами Солнца», то есть, по-видимому, бессмертие человеческой души вытекало из онтологического факта ее Божественного происхождения.

3. Следы единобожия прослеживаются²⁶, но в целом это, конечно, остается под вопросом.

²⁶ По свидетельству Прокопия Кесарийского (середина VI века от Р. Х.), древние славяне верили в Единого Бога, Бога богов. В этом случае речь, видимо, шла не о «главном» Боге среди богов (наподобие, например, Зевса), а именно о Едином Боге, которого от всего другого, от «существ» видимых и невидимых (богов, ангелов, людей и т.д.) отделяет Пропась и пред которым «все равны».

4. Большое значение в древности придавалось культуре Рода, предков и Земли (все это абсолютно согласуется с национальными установками «исторических» русских, с нашей духовной культурой).

Не касаясь здесь религиозного смысла этого культа, имеющего весьма глубинно-широкое, планетарное значение, нельзя не видеть в этом и культ, может быть, подсознательный, родства душ, культ духовной близости (руссов как людей).

Таинственная, почти космическая, но до ужаса реальная связь между Русскими Душами, которая так очевидна и в позднейшей русской культуре и жизни, — была налицо уже в древности, несмотря на всю разность характеров отдельных людей (последняя могла разъединять их психологически и социально, но нечто свыше опять объединяло их). Кроме того, недаром от слова «Род» произошло слово «Родина».

Также и известный «языческий» культ Земли, помимо планетарного значения, имел также и явный национальный аспект, что с необычайной силой проявилось впоследствии («Земля Русская»).

Несомненно, существовала и внешняя стихийная сторона «язычества». Например, как отмечал Г. Федотов, ее черты — широта, вольность, «органическая нелюбовь» ко всякой «законченности формы» (уже тогда. — Ю.М.).

Вспомним, наконец, «Слово о полку Игореве», о великом Святославе, о славянской вольнице²⁷...

...Конечно, все, что нам известно о нашем язычестве, — только поверхностная часть айсберга. Однако если говорить обо всей нашей грандиозной предыстории (начиная, возможно, от Гипербореи, нашей прародины, расположенной на севере Рос-

²⁷ Согласно некоторым источникам, существовали в языческие времена пророчества о судьбе руссов. Говорит Матьер Сва («Сва» — в санскрите «самосущий»): «Было возведено от Матери Сва, что будущее наше славно». Так и оказалось: несмотря на бесконечные кровавые войны, походы, передвижения народов в великом пространстве Евразии, возвышение и гибель империй, исчезновение некогда могущественных народов — «будущее руссов» осуществилось и стало «славно».

сии, о которой писал Геродот), то даже весь айсберг так называемого «язычества» оказывается лишь каплей в море, каплей в нашей предыстории. Ведь огромное пространство, исчисляемое неведомыми тысячелетиями, покрытое как будто бы мраком неизвестности, открыто, тем не менее, как для поиска и исследований, так и для высшей Интуиции, которая может проникать и в тайники нашей собственной Русской Души, где хранится предшествующий опыт.

Наконец, мы имеем — особенно в индуистских источниках — разные свидетельства, как в древних рукописях, так и в современных высказываниях индусских риши (святых мудрецов), о несказанно далеком, нераскрытом, «доязыческом» прошлом Протороссии, о ее метафизическом величии, а также и о великом духовном будущем России в новом тысячелетии.

Видимо (я ссылаюсь еще и на мистические прозрения современных русских духовных искателей, например, на В. Провоторова), в глубоком прошлом нашего протонарода, нашей страны хранится неузнанная тайнореальность, наиболее дальние корни которой ведут, вероятно, в доведический запредельный слой, возможно, связанный с так называемым Невидимым Центром²⁸.

И сейчас мы подходим к важнейшему моменту. Все, о чем было сказано прежде, все наше древнее Неизвестное («языческое», ведическое, гиперборейское, самое Запредельное) образует в нашей душе некую тайнореальность, сокрытое Невидимое (древнее) мировоззрение, глубоко запрятанное в Русской Душе и, следовательно, в русской культуре и истории. Это, конечно, не «религия», а некая глыба исторически Запредельного (сохраняющаяся в нашем «бессознательном», точнее, в тайных глубли-

²⁸ В эзотеризме существует представление о Невидимом Центре, в котором содержится высшая (из «возможного») полнота Знаний о Боге и вселенных, но который скрыт от человеческого взора и периодически исчезает для мира вообще. Всего лишь некоторые, неполные отражения этого Невидимого Центра воплотились в величайших духовных учениях, когда-либо существовавших на земле.

нах души), которую, разумеется, невозможно сейчас к чему-либо свести и определить. Она, несомненно, проявляется сейчас и проявлялась в наших предках, в самой исторической России и в ее культуре, но особым и даже неразгаданно-фантастическим образом. Это Невидимое мировоззрение, очевидно, имело определенные точки выраженности (хотя, может быть, и не связанные между собой, даже противоречивые), под которыми и притаилось это проторусское пространство, незримый океан, который прорывался то там, то здесь.

Это древнее Невидимое мировоззрение, глыба исторически Запредельного, русская тайнореальность, нашло себе выражение и в русском языке с его невиданной мощью. Выразило себя, несомненно, и в особом ходе русской истории, может быть, во втором плане русской жизни, в непостижимом воздействии народной музыки и песен, разрывающих душу и обнажающих некую пропасть в ней; отражалось даже в духовных качествах русской природы и, возможно, перевернуто-фантастическим образом в русских народных сектах.

Для нас важно постоянное Присутствие этой тайнореальности и в России, и в Русской Душе, даже если это Присутствие распознается сейчас только интуитивно, моментами, или даже если оно существует для сознания только потенциально, точнее, как потенциальная или виртуальная инициация в русскость. Благодаря этому мы можем видеть друг в друге не только наш «Род», воспринимать друг друга не только как родные существа, но и как сопутников по исторически Великому Неизвестному, по русским метафизическим просторам. Говорят, что просторы не дают ответа — нет, понемногу дают, и когда-нибудь, возможно, дадут окончательный ответ.

Это движение Невидимого мировоззрения, Великого Неизвестного в нас еще принесет свои плоды, даст о себе знать каким-нибудь с первого взгляда непонятым для нас прорывом, озарением в нашем будущем — и даже если этот духовный взрыв в России будет посреди сияния серо-красного мирового заката,

заката человечества или современной цивилизации, ну что ж, и в этом случае Россия сможет стать Духовной Царицей мира. При одном условии только — если сохранит свою русскую суть.

При этом условии все ее актуальные и потаенные силы (православие, великая культура, неутоленная метафизическая жажда, страсть к самопознанию, стремление к реализации всех своих заложенных от вечности тайных и уже проявляющихся возможностей) могут вдруг заговорить единым высщечеловеческим языком и создать нечто невиданное на этой земле.

Однако здесь следует сказать о совершенно ином, обособленном, автономном, грозно-таинственном явлении русско-го бытия и истории. Имя ему — Хаос. Хаос — это затаившаяся мировая, космическая потенция, где непредсказуемое и нераскрытое находится в состоянии по ту сторону Порядка. Хаос с его неограниченными возможностями врывается и в сам Мировой Порядок, деформируя его, разрушая и в то же время вливая в Космос новые фантастические силы и тенденции.

Совершенно очевидно присутствие Хаоса в русской истории, культуре, душе, кстати, весьма определенно это было отмечено не кем иным, как Чаадаевым, который был одним из тех, кто гностически осознал изначальный хаос в России и в Русской Душе («хмельная безмерность родимого хаоса»). Это, видимо, пугало его, и совершенно напрасно.

«Родимый хаос» у нас чувствуется даже в наших бесконечных просторах, в языке (с его уходом от строго логического построения, с его неожиданными прорывами в сферу метафизически неопределенного), в нашем образе жизни (с его пугающей и привлекающей иностранцев эйфорией и выпадением из обычного рационализма)... Я уже не говорю о социальной сфере, о рождении мирового анархизма в нашей стране.

Но наиболее многозначительное и глобальное проявление Хаоса в нашей жизни случается тогда, когда благодаря ему в нашей истории, в движении мысли, в культуре совершается вдруг неожиданный поворот или выход на арену непредсказуемых

сил, сокрушающих старое или преобразующих его до неузнаваемости и даже превращающих в свою противоположность. Ведь непредсказуемость (наша глубинная черта) как раз и является одним из признаков присутствия или проявления Хаоса, причем в нашем случае эта «непредсказуемость» и ее последствия несут в себе, как правило, глубочайший духовный смысл. Это означает, что наш «родимый хаос» имеет на самом деле величайшее метафизическое измерение.

В связи с этим любопытно, что в античные римские времена жрецы предупреждали императоров и полководцев против вторжения в нашу землю. Они считали, что там их ждет неминуемая гибель, ибо эта страна — страна Сакрального Хаоса. Известно, что Сакральный Хаос означает такой Хаос, из которого выходит все необычное, но предназначенное для Сверхшения самых тайных и фантастических поворотов истории и человеческой мысли.

Поэтому естественно, что Запад, как историческое продолжение Древнего Рима (особенно Германия, а за пределами Запада — Япония) и воплощение разных образцов Мирового Порядка, никогда не сможет сломить (и не сломил) Россию, а, наоборот, находил в ее снегах свою законную кармическую смерть. Ибо Хаос всегда бездонней и необъятней Мирового Порядка, и никогда Порядок не сможет победить Хаос, потому что Порядок — это система, а значит, ограничение, отрицание чего-то другого, и сам Порядок лишь «упорядоченная», организованная маленькая часть Хаоса, намордник, выброшенный на маленькую частицу мирового Хаоса. Намордник всегда может быть скинут. Порядок, как нечто организованное, но малое, не может противостоять бесконечности Хаоса, бесконечности России, ее скрытым Великим Возможностям. Само Провидение поддерживает Сакральный Хаос, ибо эти Великие Возможности должны когда-то проявиться, а не быть раздавленными тупым и ограниченным порядком.

В этом тоже одна из причин нашей тайной радости и веры в нашу непобедимость. «И пусть европейские умы трепещут, как со-

мнамбулы, при приближении русского ума» (Одоевский), ибо в этом уме заложено нечто далеко выходящее за пределы западного.

Но при этом важно осознать всю метафизическую глубину Присутствия Хаоса, его сакральность, его значение для России... Может, здесь необходимо некоторое посвящение в тайны и онтологическую суть Хаоса.

Теперь достаточно о Хаосе — некоем особом моменте русского бытия. Есть еще одна исключительная сфера, но которая опять уходит своими дальними корнями в древнейшее прошлое, в арийское прошлое, в Праиндию, в Невидимое мировоззрение. И вместе с тем эта сфера — налицо, и без нее невозможна жизнь для нас. Речь идет, конечно, о русском языке.

О его мощи и величии достаточно много писалось, но здесь есть, несомненно, простор для глубинно-лингвистического и интуитивного исследования причин его глобального торжества. И это сокровище дано не просто так — оно вручено России и русскому народу для выполнения его высшей Миссии в мире. Это язык, который может выразить почти невыразимое, выразить провал, пропасть, язык, соединяющий несоединимое и проникающий в самые недоступные сферы метафизически Сокрытого — и поэтому индусы с основанием полагают его «санскритом будущего» (то есть священным языком). Одно звучание русской речи имеет в чем-то магическую силу, сочетание звуков и интонации русского голоса представляют уникальное явление в этом мире по своей красоте и, главное, по глубине «подтекста», по глубине того, что стоит за этим звучанием и интонациями. В конце концов, русский голос ведет в поразительную глубину почти невыразимых переживаний и, наконец, даже в пучину молчания, которая сама — за пределом возможностей звука. Все это запечатлевается в глубинах души.

В статье одного из самых глубоких мыслителей современной России Александра Дугина (см. А. Дугин, «Русская вещь») дана панорама некоторых тончайших особенностей русского языка. Там, кстати, отмечается мысль уникального мистическо-

го поэта России Евгения Головина — о «существовании в языке (русском) особого пласта, который находится между речью и молчанием... Это загадочный мир... странных вибраций, предшествующих фразам, предложениям, утверждениям». «Это, таким образом, определенное распространение возможностей языка на сферу, которая находится у порога Безмолвия и Невыразимого, и это, несомненно, ведет в русскую таинственную сферу, точнее, является интонационным выражением ее некоторых черт»²⁹. И далее Дугин продолжает: «Русский язык — сплошная непрерывная мантра. Контекст в нем удушает своей плотностью любое послание, событие растворяется в фоне, зеркальные аналогии подрывают логический дискурс. Русский язык — мать всех языков, потому что это не язык, а возможность языка». И он заканчивает: «Выше разума и паранойи, грязи и непорочности, времени и конца его Россия...»

Наконец, в русском языке есть не менее удивительные возможности особых «сдвигов», «алогизмов», некоторых выходов в «другой» русский язык, который кажется «странным» по сравнению с «нормальным» русским языком, но возникает параллельно ему. Никто не выразил это с такой ясностью и силой, как гениальный Платонов.

²⁹ Дугин А. Русская вещь. М.: Арктогея, 2001.

Глава седьмая

Россия и Восток

Здесь придется перейти совсем к другим реалиям. Сначала о «тайном» влечении к Востоку как одной из сторон Русской Души. Оно, впрочем, общеизвестно, проявлено достаточно очевидно, например, в сфере культуры: на ум сразу же приходят имена К. Леонтьева, Л. Толстого, В. Хлебникова, Н. Гумилева, Н. Клюева, Г. Гурджиева, евразийцев, И. Бунина (к концу жизни) и многих, многих других.

В той или иной степени это тайное влечение коснулось почти всех, и вот удивительно ясное доказательство этому у М. Лермонтова, в творчестве которого вообще как бы сконцентрировались «зародыши» русского будущего, от мистического патриотизма до зерен всей русской прозы XIX века (в «Герое нашего времени») и, наконец, до пророчества о гибели монархии. Вот его слова о Востоке: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны, но там, на Востоке, — тайник богатых откровений».

В конце концов, Россия сама по себе включает в себя Восток, и Западная Сибирь (может быть, таинственное будущее России), согласно некоторым текстам и устным «преданиям», по существу, не что иное, как ее эзотерический центр.

Следовательно, тема Востока является одной из кардинальных для России. Но в центре всей этой мистико-исторической темы первостепенно стоит для России Индия.

По какой причине? Начнем с того, что мы — индоевропейцы, точнее, арии, как и индусы. Когда-то мы были вместе. Индия, таким образом, — это истинная старшая сестра России. Но более глубинной является духовная близость между Россией и Индией. При всей разности воплощенных культур этих стран есть какое-то непрерывное, скрытое, тихое дыхание, поток, навеки соединивший Россию и Индию. Многие русские просто «пьянели» от этого потока и «чувства Индии», когда попадали в эту необыкновенную страну и узнавали там свою старшую сестру. Это внутреннее сходство замечалось и нашими самыми органичными, русско-утробными поэтами, как Клюев, например: «И страна моя белая Индия... Преисполнена тайн и чудес...»

«Белая Индия» — это Россия. Но в самое сердце Индии, в «Индию Духа», по выражению Гумилева, взять билет не так-то просто, многие образованнейшие европейцы, ищущие духовного прибежища в Индии и бежавшие от осатаневшего Запада, становились в тупик перед парадоксальной глубиной и запредельностью Индии Духа. В таком случае индусы пожимали плечами и говорили: «Безнадежно... Надо родиться индусом». Но мы, русские, — другое дело, мы совсем в другой ситуации.

В чем же эта внутренняя близость между Россией и Индией? Действительно, есть какое-то необъяснимое, идущее из тысячелетних пространств дыхание, соединяющее две страны, но, кроме этого, одна капитальная близость совершенно очевидна: это сосредоточение на своей душе, духовный вектор, направленный внутрь, интерес к самопознанию, к безднам собственной души. Выражено это у нас и в Индии по-разному, но направленность одна³⁰.

³⁰ Довольно существенны и наблюдения, связанные с определенной духовной общностью (проявляющейся во внутренней направленности и качестве самого духа, его стремлении к созерцанию) между восточным христианством и Ведантой. Вот что, например, пишет Анри Масси, католик, в книге «Защита Запада» после перечисления не нравящихся ему черт православия: «Все это сближает православие с индуизмом и отдаляет от Запада. Их христианство догматически аморфно, на восточный лад мистично, туманно и социально не заинтересованно». Есть много подобного рода утверждений. Именно по типу своей духовности, по ее «экзистенции» проявляется эта близость.

Огромное значение имеет именно этот поиск внутреннего Я, «внутреннего человека» — такой характерный для Индии и для русской культуры. Весьма многозначительны, например, идеи Бердяева, касающиеся его понимания России: он, как известно, полагал, что будущая религиозная задача России заключается в том, чтобы найти Христа внутри человеческой души (внутреннего Христа). В Индии как раз все усилия и направлены на обнаружение, раскрытие и реализацию Божественного начала в человеческой душе.

...Это влечение России к Индии безответно: если исключить славянские, православные страны, нигде в мире Россию не любят так, как в Индии. Отношение Индии к России несравнимо ни с отношением к ней, например, в Китае или в мусульманских странах, ни особенно с отношением к России на Западе.

Однако ввиду такого интереса к Востоку необходимо вкратце остановиться на самой метафизической сути Востока, наиболее сильно проявленной именно в Индии, прежде всего в Веданте.

Я начну с одного крайне важного момента, ибо он касается «души», сознания, Я, то есть нас самих как «людей».

В Индии принят священный принцип тождества между Брахманом (то есть Абсолютом, Богом в самом себе) и Атманом (высшим Я в человеке). Таким образом, высочайшее Я человека (скрытое и «потенциальное» в обычном случае), по существу, является «частицей» Божества, или просто «Богом внутри человека» (даже не его образом и подобием, а именно Богом). Не все философские течения ведантизма это признают, здесь есть разные «варианты», тем не менее, принцип тождества между Богом и высшим Я в человеке (Атманом) является основой индуистской метафизики, по крайней мере, Адвайта-веданты. В ней, таким образом, преодолевается дуализм между Творцом и человеком, не в плане, конечно, «идентичности» между ними, что было бы абсурдом, а в том смысле, что внутри человека скрыто нечто Божественное и, таким образом, выходящее за пределы человеческого.

Задача заключается в том, чтобы реализовать это Божественное Я внутри человека, перевести его из потенциального состояния в актуальное. Существуют разные «пути» к этому и разные ступени этого, и весь этот «процесс» называется Богореализацией, или реализацией Абсолюта, или еще чаще «Освобождением». Это высшее состояние, которого может достигнуть человек (в редких случаях, конечно), и оно означает такое единство с Богом, в котором нет различия между Богом и высшим Я человека. Разумеется, в этом состоянии человек перестает быть человеком, переходя в наиндивидуальное, надтварное состояние, становится тождественным с Вечностью. Конечно, существуют и многочисленные промежуточные ступени, когда, например, наряду с сознанием уже не человеческим, а относительно высоким сохраняется существование в виде «формы» или «тела», и т.д.

Следует сразу оговориться, что такая задача весьма необычайна и «достигается» (тем более при жизни) редко — исключительный «вариант» полной Богореализации в Индии первой половины XX века осуществил Рамана Махарши, которого теперь почитает вся Индия.

Не следует также путать Богореализацию с Боговоплощением — явление, которое признается в Индии³¹, но в последнем случае «поток» идет «сверху вниз». Наконец абсолютная Богореализация, включая «реализацию» Божественного Ничто, завершается обычно после «смерти», точнее, ухода с физического плана. Кроме того, когда речь идет об Атмане (то есть о Божественном, а на самом деле — истинном, подлинном Я человека), то было бы нелепо путать его с «эго» человека, то есть с его временным, индивидуальным «я», с которым он обычно себя отождествляет (говоря, например: «я — Петр, я — инженер, я — художник, я — человек»). Наоборот, необходимо уничтожить это ложное отождествление (со своим телом, умом, психикой и с «эго») — без этого реализация Аб-

³¹ Индуизм принимает возможность не одного, а нескольких Боговоплощений. Кроме того, допускается возможность «частичного» или «неполного» Боговоплощения.

солюта невозможна. Теоретические «пути» и возможности такого осуществления выходят за рамки данной книги. Лучшее, что здесь можно предложить современному человеку, — книга Рамана Махарши «Будь тем, кто ты есть»³².

Кстати, «феномен» Освобождения, хотя бы в его «частичной реализации», пытались исследовать (!) западные ученые, в частности Ж. Герберт. Однако ознакомление, например, с «чудесами», о которых столько свидетельств, ничего не дает, ибо это не главное, а побочное качество. В Индии «чудеса» совершались на улицах, везде, и эта необычность не укладывается в сознание европейцев. Более того, Богореализация может не сопровождаться никакими «феноменами» (и это, наоборот, признается более адекватным). Считается, что (если говорить, конечно, только о внешнем виде «освобожденного») самым верным признаком в этом плане является особый взгляд, который не может передать никакое описание, но который явно выражает присутствие совершенного иного сознания, чем человеческое (не иной «уровень», а именно «иное», так же как человеческое сознание «иное» по отношению к сознанию животных). Его часто невозможно перенести, особенно западному человеку: по свидетельству того же Герберта, некоторые европейцы падали от этого взгляда в обморок, хотя он не нес в себе, естественно, ничего «угрожающего» (наоборот, часто милосердие, как при встречах, например, с Раманом Махарши). Но именно бездонное присутствие во взгляде иного, высшечеловеческого сознания, действовало таким образом на некоторых людей.

На других, более духовно подготовленных, такой взгляд действовал иначе. Вот что пишет Ф.Х. Хэмфрис, первый европеец, увидевший Рамана Махарши: «В два часа мы взойшли на гору увидеть его. Достигнув пещеры, мы сели перед ним, око-

³² См. Шри Махарши Рамана. Будь тем, кто ты есть. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.

ло его ног, в молчании. Мы сидели так долгое время, и я ощущал какое-то необычайно возвышенное чувство. Полчаса я смотрел в глаза Рамана Махарши, которые все это время не меняли выражения глубокого созерцания. Я начал осознавать, что тело есть Храм Святого Духа, я воспринимал только то, что его тело уже не принадлежит человеку. Мои чувства были неопишуты» (Mahadevan T.M.P., Ramana Maharshi, *The sage of Arunasala, A Mandala Book*, 1977).

Наконец, обратим внимание на следующее. Веданта, высший индуизм и буддизм³³ фактически вступают в контакт не с тварным человеком, а с его несотворенной частью, наличие которой обычно признается на Востоке.

Веданта и высший буддизм не являются, таким образом, религиями ни по характеру своей связи с Абсолютом (акцент на метафизическом знании и практике), ни по целям: состояние Богореализации или Освобождения, как совершенно очевидно, не имеет ничего общего с состоянием «спасения» (в религиозном смысле), которое касается человеческих форм бытия.

Разумеется, индуизм как религия (в отличие от высшей формы «индуизма», например, Веданты, которая является чистой метафизикой, цель которой единение с Богом непосредственным путем высшего знания) признает разрыв, пропасть между Богом и тварной стороной человека: как религия, обращенная к массам, она и стремится помочь «малым силам» обычным религиозным путем (любовь, вера, этика, исполнение ритуалов и заветов). Но на Востоке утверждается, что религия вовсе не является единственной формой «связи» с Божеством, наобо-

³³ Мы сознательно не будем касаться буддизма, так как, по моему глубокому убеждению, Индия Духа (Веданта) к нам, русским, духовно значительно ближе, чем буддизм. При некоторой «спорности» этого вопроса, совершенно очевидно, что предпочтение надо целиком отдать Веданте, а не буддизму. Объясняется это тем, что, в отличие от Веданты, буддизм или отрицает Атман (вечное трансцендентное Я в человеке), или только «подразумевает» его, в то время как русское сознание глубоко связано с реальностью Я. Подробное рассмотрение этой сложной проблемы выходит за пределы данной книги.

рот, она характерна для нашего периода Кали-юги (и крайне необходима в ней), периода упадка.

Таким образом, в индийской метафизике «душа» божественна по своей природе, не сотворена (не создана), обладает качеством «вечности», но божественность души (или ее высшее Я) скрыта за оболочками и занавесью психики, ума, «эго» (которые сами по себе, разумеется, «тварные»). Такой подход к «загадке» происхождения души называется «манifestационным» — то есть душа, ее скрытый Центр, является не «творением» или «созданием» Бога, а сложным «проявлением» («манifestацией») Его собственной природы (при этом Бог остается одновременно полностью трансцендентным миру, но в некоторых своих «аспектах» — имманентным ему). В практической жизни, тем более в наш период, присутствие высшего Я (Атмана) в человеческой душе крайне затемнено дополнительно негативными воздействиями на психику человека всего современного мира с его абсурдом и всеми мыслимыми извращениями.

Но, несмотря на это, даже малейшее (я уже не говорю о постоянном) «временное», «частичное» проникновение хотя бы в наиболее «очевидные» аспекты Атмана, высшего Я³⁴ — путем

³⁴ Наиболее «очевидным», если так можно выразиться, «проявлением» Атмана являются так называемое Chit-Sat-Ananda, то есть состояние Чистого Сознания — Чистого Бытия — Блаженства, данные в их единстве.

Чистое Сознание означает Сознание как таковое, свободное от всякого феноменального содержания и мыслей. Сознание как оно есть для Себя Самого. Сам факт такого Сознания непосредственно «связан» с Чистым Бытием, то есть Бытием как таковым (ибо «быть» значит сознавать, что ты есть). Реализация этого состояния сознания дает неуничтожимое Блаженство по ту сторону, поскольку само это состояние находится за пределами феноменального мира и не связано с ним (тем более движение мысли здесь прекращается, и присутствует не мышление, а его Первоисточник, Молчание, наряду с присутствием чистого Я, которое озаряет Сознание).

«Достигается» это состояние разными способами (при наличии внутренней готовности, предназначенности и Благодати, которая, как правило, появляется, если желание реализации искренне и глубоко).

Таким образом, речь идет о принципиально ином «самосознании» или «состоянии сознания» (называемое «турией»), которым в обычной жизни человек не обладает.

Наконец, отметим также, что Чистое Сознание является лишь самым очевидным (первоочевидным) проявлением Высшего и Вечного Я в нас, ибо последнее включает в себя и сферы, которые выходят за пределы всякого концептуального определения и, тем не менее, реально существуют.

ли специальных медитаций, или путем самоосвобождения, или метафизического самоисследования, как в практике Рамана Махарши, или классическим путем великого Шанкары, или просто «спонтанным» путем, — даже любая «искра» такой реализации, такого проникновения, как правило, несет в себе неуничтожимые последствия для судьбы человека в духовном смысле и, прежде всего, для его посмертной судьбы в плане реализации выхода в высшие сферы. Если даже один раз видишь Божественное Солнце внутри себя, то ведь оно проявляется в своем истинном, неизменяемом, вечном качестве, будь оно проявлено для человека сколь угодно «коротко». «Закрепить» это Присутствие — уже другой вопрос, тем более сделать это Присутствие постоянным. Вот почему приход к своему истинному Я (а не ложному, каким является «эго», ум, психика и тем более тело) есть приход к бессмертию. Отбросить отождествление себя с перечисленным (с «эго» в особенности) и прийти к своему истинному Центру — вот путь к Себе, к своему вечному бессмертному Началу. Все вышесказанное, а также и многие другие данные, которых здесь нет возможности представлять, подводят нас к следующему метафизическому факту: по существу, Восток, если о нем говорить в духовном плане, являет собой несколько «иное» человечество, чем то, которое существует на Западе (мы, Россия, как уже говорилось, скорее не между ними, а «вне»). Дело, видимо, не только в очевидном духовно-метафизическом превосходстве, которое всегда имел Восток по отношению к Западу, но и в том, что Древний Восток (Индия, Китай, Иран) наследовал нечто от предыдущих, гораздо более «просветленных» циклов становления человечества, в то время как Запад и его суть — типичное проявление эпохи Кали-юга, последнего периода, периода падения и метафизического невежества. Все это, естественно, относится также и к миру, в котором воплотился Логос, Иисус Христос. (Кстати, индуисты, в отличие, скажем, от мусульман, в большинстве признают факт Боговоплощения в лице Иисуса Христа.) Более того, сам Христос говорил, что Он пришел «спасти погибших», то есть

речь шла о таком состоянии этой части человечества, ниже которого — в духовном плане — трудно было себе что-то представить (вспомним к тому же о разложении языческого мира), и только современное западное человечество побило этот рекорд...

Безусловно, это была величайшая Жертва в мировой истории (хотя любое нисхождение Духа в этот мир есть жертва с Его стороны), но здесь это превосходило все мыслимое и немислимое. Такой величайший в истории подвиг, такая жертва были, видимо, необходимы — именно в силу состояния «погибели». Греко-римский мир тоже ведь находился тогда, как известно, в крайней степени разложения — разложения, которое коснулось, конечно, и остатков их прежней религии. Однако благодаря терпимости язычников, а также благодаря наличию в сознании их элиты идей и концепций великой греческой философии, особенно платонизма, а также по другим причинам, они все-таки приняли христианство, что спасло тогда западный мир от финального маразма.

Теперь встает вопрос, какое значение имеет это все для нас, русских. Начнем с того, о чем мы уже не раз говорили, — что исповедание традиционной религии (для нас, разумеется, православие, для некоторых россиян, как известно, ислам) совершенно необходимо. По существу, в нашу эпоху традиционные религии (а не искаженные, протестантские или тем более секты) являются единственной надежной защитой человека после смерти от отторжения его души от Бога.

Нам повезло, что именно православие является такой защитой. Весьма опасно современному человеку полагаться только на самого себя. Также бессмысленно менять одну традиционную религию на другую, ибо в современном мире только православие связано исторически своими корнями с русским народом, что и создает ему ту полноценную защиту, о которой говорилось. Суфии, например, всегда говорили, что человеку надо исповедовать ту религию, в среде которой он родился. Поэтому было бы совершенно нелепо, если бы русский человек принял индуизм как религию (хотя его, кстати, и «принять» не индийцу практически невозможно, как известно).

Иная ситуация существует в отношении восточной метафизики и философии, в отношении Веданты в частности, которая, конечно, по определению не является никакой религией.

Сейчас в России, в среде ищущей молодежи, интеллигенции, влияние Востока и восточных учений необычно высоко (достаточно мощно оно и в среде высшей духовной элиты на Западе). Некоторые даже считают, что духовные сокровища Востока должны сейчас быть переданы всему человечеству и в этом его будущее.

Итак, внедрение духовных сокровищ Востока в русское сознание является уже совершившимся фактом. Эти сокровища, однако, могут использоваться по-разному. На наш взгляд, здесь есть два общих направления особого значения. Первое направление — Самопознание (то есть познание собственной души), Самопознание³⁵, которое достигло в Индии своих высших возможностей, включая самопознание нашего Высшего Я.

Второе направление — это наличие грандиозных космологических и метафизических знаний о «природе» Абсолюта, а также обо всех видимых и невидимых мирах Вселенной, которые содержатся, например, в индуизме и в буддизме, включая самые эзотерические уровни таких знаний.

Эти метафизические знания содержатся главным образом на Востоке. Вспомним, что Христос — по Новому Завету — совершал и говорил нечто, что не мог вместить мир, то есть тот мир «погибших», в котором он проповедовал. Многие считают, что на Востоке, в Индии, в «другом человечестве», содержится то, что выходило за пределы возможностей мира «погибших», которых могла спасти только Жертва, совершенная воплощенным Логосом.

Этим мы не хотим сказать, что на Востоке содержится вся полнота метафизических знаний, доступных в принципе высше-

³⁵ Под Самопознанием имеется в виду, конечно, метафизическое познание себя, природы сознания, мышления и безмолвия и так далее, а не познание своего характера, психики, индивидуальных особенностей — это к метафизике не имеет никакого отношения.

му человеческому интеллекту и метафизической интуиции — такая полнота если и может где-то концентрироваться на уровнях планеты, то только в Невидимом Центре. Но все-таки важнейшим для человека является Самопознание.

Однако здесь возможны, по крайней мере, два различных подхода. Первый заключается в том, что, используя проверенные тысячелетиями традиционные методы восточной метафизики, возможно прийти к практическому познанию себя, своей духовной природы, своего микрокосма с выходом на высшее Я.

Этот подход нацелен только на Самопознание, без вхождения в индуистскую метафизику в целом, без касательства, скажем, проблемы, «чем» является это высшее Я в отношении к Богу (тождественно ли оно ему полностью или только частично, или просто является «образом и подобием») и т.д.

Таким образом, это просто объективный приход к своему бессмертному существу, приход, который действительно объективен (поскольку природа нашего Я у всех одинакова, независимо от вероисповедания, расы и т.д.), приход, который фактически осуществляется вне контекста восточной метафизики. При таком подходе сочетание самопознания с любой религиозной конфессией не представляет никаких проблем.

Второй подход связан с принятием пути Самопознания, но уже в контексте всей восточной метафизики в целом. В принципе, поскольку имеется в виду восточная метафизика и философия как таковые, а не восточные религии, такой подход также, по моему мнению, совместим с любой религиозной конфессией, ибо эти духовные реалии (религия и философия) находятся на совершенно иных плоскостях.

Так или иначе, все зависит от конкретной ситуации, но нельзя терять связь с Традицией страны, в которой человек появился на свет. В то же время нельзя отказываться от своей метафизической свободы, свободы мысли, но надо правильно оценивать свои возможности.

Что касается восточных метафизических знаний более общего характера, космологии и так далее, то такое познание соче­таемо, пожалуй, со всем, кроме атеизма и материализма. Свобо­да дана человеку Богом, и все зависит только от уровня того или иного человека, от его возможностей³⁶.

И возвратимся опять к Самопознанию. При всей «трудности» полной реализации высшего Я, Атмана, необходимо еще раз подчер­кнуть, что даже малейшее, пусть временное, частичное проникно­вление в собственную высшую природу имеет совершенно исключи­тельное, тотальное значение для человека и, несомненно, означает огромную духовную победу ради вечной жизни. Поэтому «Самопознание» — ключевое слово, и, поскольку Русская Душа всегда име­ла к этому интерес, нет слов, чтобы описать то значение, ту высшую пользу, которую может принести восточная метафизика русскому человеку (при правильном ее использовании). В Самопознании, мо­жет быть, лежит один из главных ключей к нашему будущему.

Мы стоим на пороге необычайных изменений в судьбе на­шей планеты и человечества. Мы, русские XXI века, должны знать, что мы — законные наследники сокровищ православия, океана предыдущей русской культуры и ее сокровенных тече­ний, а также великих Упанишад и Веданты (от слова «ведать» — «знать»; санскрит близок к русскому языку). И, кроме того, все, что было дано Богом или создано до нас и потом взято нами, пере­рабатывается Россией в ее духе, следовательно, мы можем иметь и свою, «переработанную» нами восточную философию.

Говоря обо всех попытках познания Востока, нельзя обой­ти вниманием евразийство, тем более оно имело и философскую

³⁶ Здесь речь идет, как и во всех предыдущих случаях, о традиционном метафизическом познании, как оно дано в истинной восточной традиции. Все бесчисленные искажения типа современных сект, теософские, оккультные и тому подобные направления должны быть исключены. Восточная Традиция, как и всякая другая, должна быть взята в чистом, истинном виде. Особенно опасны те течения, которые (часто подсознательно) подменяют высшее трансцендентное Я и чисто Духовные Принципы психическими, душевными ка­тегориями, культом «эго» и т.д., что неизбежно ведет к потере высшей (и редкой в мире) человеческой возможности — единения с Богом, со своим Первоисточником.

сторону. Однако евразийская концепция при всей ее практической значимости сейчас хорошо известна в России, и нет необходимости на ней подробно останавливаться. Хотелось бы только подчеркнуть, что сами евразийцы отмечали особый путь России и ее несовместимость с Западом, утверждали, что евразийство не означает нашего слияния с Азией, что русские — не европейцы и не азиаты, и в самом евразийстве должна торжествовать «русскость» (что гораздо глубже просто «славянства», тем более что западное славянство теряет свою самобытность). Индусы говорят, например, что русские не похожи ни на западных людей, ни на тибетцев, то есть восточных представителей. Иными словами, евразийство не должно быть «растворением» русских в Азии, а должно быть рассмотрено как полное сохранение «русскости» при контакте со стихией Евразии и даже включении некоторых ее элементов в «русскость».

И, наконец, мы должны подойти к другому очень существенному моменту: речь идет не только о сходстве, но и о различии между русской духовностью и метафизическим Востоком (в частности, Индией); о различии, которое касается самых глубоких сторон духа, о различии не внешних форм, а самих метафизических потоков. Надо сказать, однако, что эта разница (весьма существенная) будет очевидна в финальной части Русской доктрины.

Прежде всего, напомним, что высший принцип восточной метафизики — необходимость в конечном итоге отказа от индивидуального существования в пользу Божественного, то есть бесконечного, не имеющего «формы», что, безусловно, включает наличие Высшей Личности, Высшего Я (но, разумеется, не индивидуальности, всегда связанной и ограниченной формой, творением, космосом и детерминированной его условиями).

Это выглядит «странным» и «непонятным» только с точки зрения современного западного человека, ибо он не мыслит никакое «существование» вне рамок своей «индивидуальности». На самом деле здесь все понятно и глубоко традиционно — вопрос только в том, насколько это «возможно» для человека. Неужели

кто-то полагает, что у Бога бытия меньше, чем у какого-нибудь существа, «индивидуума», мятущегося между жалким страхом перед неизбежной физической гибелью и своими жизненными аппетитами, кажущимися ему безграничными, а на самом деле на редкость ничтожными и смешными? Тогда о какой «потере», о каком страхе «потерять себя» может идти речь? Надо только перестать отождествлять себя со своим телом, психикой и со своим «эго», воображая, что, кроме этого ничтожного багажа, человек-де ничем не обладает.

Однако и здесь возможен совершенно другой подход.

Мы уже говорили о том, что в Русской Душе необычайно глубока любовь к своей России, во всем ее бытии (а значит, уже к какому-то воплощенному Бытию, не только к Абсолюту), причем на высших уровнях эта мистическая любовь к России совершенно превышает обычную любовь людей к чему-то своему, «земному», «естественному». На высших уровнях эта любовь, как мы уже показали, носит глубоко «сверхъестественный» и даже «необъяснимый» характер, хотя она направлена на «объект» (если так можно выразиться), не являющийся Абсолютом, Богом.

Это создает определенную проблему, «напряжение» в том смысле, что для русского человека переход в совершенно трансцендентное бытие может быть связан с «потерей России», России, которая для него несет в себе особый мистический и трансцендентный смысл, связанный с реализацией его высшей метафизической «судьбы» (точнее, сама Россия является его судьбой такого уровня).

Ясно, что такая любовь не имеет ничего общего с банальной привязанностью и даже любовью к чему-то земному, что обычно препятствует «единению с Богом».

Здесь совсем другое, здесь лежит великая тайна.

Ничего подобного нет на Востоке. Любовь индусов или тибетцев к своей стране носит строго очерченный характер — в том смысле, что эта страна (Индия или Тибет) является для них резервуаром невиданных духовных сокровищ, которые, собствен-

но, и нужны, чтобы уйти от своей страны в высшие сферы бытия, покинуть ее ради Неба. Как видим, такая любовь носит совсем другой характер, чем глубинные аспекты русской любви к России, которая в своем крайнем выражении несет в себе есенинскую формулу:

Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Пусть сущность этого различия (между Россией и Востоком) глубоко войдет в нашу память, но разрешение его — впереди.

Совершенно другой аспект различия между Россией и Востоком (который необходимо пока лишь наметить) возвращает к другому русскому гению — Достоевскому. Однако и в том и в другом случае абсолютно необходим перевод их прозрений с человеческого уровня на метафизический, надчеловеческий. Здесь я имею в виду знаменитую идею Достоевского о том, что не послать ли нам всю эту мировую гармонию к «черту». Это выражено героем «Записок из подполья», но, конечно, это «мучило» и самого Достоевского.

Кроме того, незримое дыхание Великого Хаоса шепчет порой о том же самом. Даже наша анархичность, и в духовной, и в обыденной, и, наконец, в социальной жизни, таит в своей глубине этот шепот, превращающийся иногда в дикую бурю. Ничего подобного нет на Востоке, особенно если иметь в виду метафизическую гармонию.

Но ведь когда Достоевский говорил о «подрыве» мировой гармонии, ясно было, что «мировая гармония» не может не иметь отношения к высшей метафизической гармонии. Да, мы тоже любим гармонию, но иногда вдруг готовы ее «взорвать». Все это страшно, но это есть в нас.

В итоге все это означает, что Россия способна открыть совершенно новую метафизику, тем более «взорвать» или «пересмотреть» старое, что ведет к началу нового.

И, наконец, закончим опять любовью к России, точнее, тем, что в нашей жизни, в нашей культуре и в нашем духе существует искание некоего почти неуловимого таинственного русского метафизического качества, которое совершенно выходит за пределы мира и которое трудно определить. Это качество самой России, и оно (и его искание) только в России есть. Может быть, благодаря присутствию этого частично сокрытого качества и возникает такая ностальгия по России даже в самой России, словно слышится почти неразличимый зов из Бездны, но зов Родины. Этого нет на Востоке.

И конечно, сама по себе Любовь к России, природа этой любви — вот что делает нас сакральными в каком-то необычном еще на земле смысле. Если эта Любовь будет нарушена — не будет и России, но только на этой земле, в этом мире, а он, слава Богу, не единственный.

ЧАСТЬ II

РУССКАЯ ДОКТРИНА

Мы прошли великий путь. Мы узнали, насколько сакральна и важна для нас русская литература, литература пророков, гениев и национальных ясновидцев, почувствовали внутренний трепет Невидимого древнего мировоззрения нашего, ощутили пространство нашей протоистории, которое до сих пор живет в нас; мы познали дыхание Великого Хаоса, из которого исходит многое наше непостижимое и который охраняет нас от сапог мировых порядков; мы можем теперь проникнуть и в таинственную русскую вторую реальность, скрытую за маской повседневности; перед нашими глазами еще раз — уже который! — прошла Святая Русь во всем ее величественном Единении всемирного мессианства и национального начала (ведь православие — это сокровенный оплот и центр христианства); через нашу душу прошла вся непостижимая уму загадочность России, воспетая ее великими поэтами, ее разрывающая сердце противоречивость, ее высшая отстраненность и в то же время любовь к бытию; мы увидели, как наяву, судорогу ее странных сект; и, наконец, предощутили, что даже Окаянная Русь — не какие-то отбросы, а, напротив, даже в греховных проявлениях России есть, пусть и скрытый, аспект выхода, некое тайное, запрятанное «зерно», благодаря которому почти любые формы бытия России становятся парадоксально-драгоценными; мы познали и великую восточную суть России, которая ведет в бездны самопознания; мы

познали, таким образом, восставшую из времени Русь Востока; предощутили сибирскую мощь и дух;...и дальше... дальше... Россия, обращенная в Себя. И через все эти Лики России, то появляющиеся, то исчезающие, чрез всю ее плоть и дух проходит мистерия Любви, Любви к России ее сынов и дочерей; Любви, временами такой же сверхъестественной и непостижимой по своей глубине, как и сама Вечная Россия.

Да, несомненно, мы — и не Восток, и не Запад, не Европа и не Азия, и не их синтез, хотя отдельные черты всего этого у нас есть. Но даже то, что было взято нами, быстро и стихийно, неодолимой творческой силой России преображалось в «другое», в наше, в свое... И неужели не ясно, что мы — особая, самобытная, ни на кого не похожая, уникальная цивилизация, которая еще только начинает свое восхождение, восхождение, которое может вывести ее за пределы того человечества, которое существует сейчас на Земле.

Прежде чем предугадывать видимые кем-то и теперь черты Вечной России, нужно погрузиться в Ее метафизическую суть, ибо все остальное — производное от духовного Центра, от Источка. Сила высщечеловеческой Интуиции, медитации, созерцания и откровения может вести нас туда, где находится наш Исток. «Мы обладаем гениями всех наций и, сверх того, русским гением» (Достоевский).

Этот последний, особенный гений свойствен только нам и нам принадлежит до конца. И пусть он ведет нас в бездну Самораскрытия, в бездну Вечной России... И все-таки, раскрывая постепенно все скрытые и явные Лики России, о глубинах которых еще речь впереди, мы чувствуем, что чего-то самого главного, самого таинственного, самого непостижимого и самого эзотерического нам не хватает. Тем не менее присутствие этого самого эзотерического и закрытого «уровня» чувствуется во многих Ликах России, да и в ней Самой, в ее Вечной сути. Иначе не было бы мистического предвосхищения России как такой реальности, которая выходит далеко за пределы всякой данности.

Необходимо погрузиться в поиск этого неуловимого, но внутренне присутствующего ядра, в поиск уровня, выходящего за пределы нашего среза Вселенной.

Обратим внимание сначала на одну, казалось бы, вполне объяснимую, хотя и противоречивую особенность русского начала — любовь к своей земле и уход от нее в беспредельность, в трансцендентные сферы. Иными словами, любовь к земле и к Духу надмирному одновременно. Как всякое эзотерическое качество, оно многомерно, и наряду с «обычным», «доступным», «философским» значением в нем есть иной смысл, а именно: крайняя любовь к своей земле и в такой же степени любовь к Духу — не просто «гармония антиномий», гармония, казалось бы, несовместимого и т.д., а указание на то, что сама «земля», то есть бытие русской земли, России, имеет провиденциально-трансцендентный смысл, означающий, что эту землю нельзя просто бросать ради Неба, что «русская земля» и Небо вступили между собой в какие-то особые отношения. Эти отношения не означают просто, что «земля» должна быть освящена Духом для жизни на ней (или служить мостом между субстанцией и чистым Духом), — в этом случае земля все равно «вторична» по отношению к Небу и служит лишь для манифестации Духа в природном мире, мире Великой Материи. Такая ситуация вполне нормальна с точки зрения Духовной Традиции, но в данном случае наивысший уровень интерпретации русского отношения между «землей» и «духом» выходит за эти пределы таким образом, что «земля», «Родина», «Россия» оказывается любимой, по крайней мере, в той же степени, что и Небо, но не потому, что «земля» так же дорога, как и Небо, а в трансцендентном, запредельном смысле. «Земля» нужна Небу (или Россия — Духу) для выражения некоей духовной тайны, причем Небо и земля как бы слиты в единой запредельности, в едином трансцендентном отношении, и в этом смысле Небо было бы «неполным» Небом без Земли. Высшей манифестацией этого равнотрансцендентного отношения является равная сила любви, стремления русских одновременно и к зем-

ле, и к небу. Это особенно проявляется и в русской культуре, когда «земля» трансформируется уже в Россию — в полном смысле этого слова. Уход к Духу, любовь к Нему — на одной стороне русской истории, а на другой — любовь к России, и обе эти «полярности» не просто одинаково равноценны, уравнивают друг друга, но они вступают между собой в эзотерические отношения, оказываются связанными силой одинаковой любви в нечто единое. Само Небо в душе русских как бы говорит: не бросай Россию, это тайна, — хотя в обычной традиционной ситуации все должно быть в конечном итоге категорическим образом брошено ради Духа, то есть ради Божества. Если вы что-то на земле любите так, что это «оттесняет» любовь к Духу, — это уже большой грех в обычной традиции, но здесь, в нашей истории, есть, наряду с уровнем «обычной» традиции, какой-то тайный аспект, когда само Небо в Русской Душе говорит: «Не бросай Россию» (в вечном смысле этого слова). Особенно утверждает это язык несоизмеримой любви русских к России, и эта любовь, таким образом, оказывается сопричастной Небу. Любовь к России — при одновременной любви к Богу, к Духу — оказывается знаком того, что Россия необходима, нужна, чтобы выразить Ею то, что можно выразить только Ею.

Совершим еще один мистический круг. Этот круг — русская тоска.

В России есть Бог и есть тоска. Тоска, разумеется, бывает разная, но мы, опять-таки, берем высший метафизический аспект русской тоски. В этом отношении это как раз та знаменитая русская тоска без «объекта», тоска сама по себе (даже тоска при полном благополучии), о которой столько писали. Это не тоска по тому, чего втайне не хватает, скорее ее высший аспект просто в тоске самой по себе, хотя одновременно на другом уровне действительно присутствует какая-то тайная «неутоленность». Одно сосуществует в вечной «русскости» с другим, и, когда мы входим в сферу чистой метафизики, любая ординарная концептуализация, пытающаяся «все объяснить» на рациональном

уровне, — совершенно нелепа; мы видим в этой сфере отдельные метафизические «огни» и реалии, и это предел возможного. Все это выше любых логических концепций.

Тем не менее именно эта тоска (без «объекта» тоски), эта тревога при полноте бытия является указанием на то, что русский ум хочет выйти за пределы реальности, реальности вообще, реальности Абсолюта, Первоначала. Мы не говорим сейчас о тоске религиозной неутоленности, которая тоже, конечно, есть в России, а именно о Чистой Тоске (тоска при вере в бессмертие, в Бога, тоска не по какой-либо видимой причине). Эта тоска имеет фундаментальное метафизическое значение, и она всегда присутствовала в русской реальности. Именно о такой внеонтологической тоске писал один из русских поэтов-пророков, Волошин: «Твоей тоске причаститься», — ибо такая Тоска имеет действительно собственную метафизическую Реальность, отвечает некоей последней тайне. И к ней необходимо быть причастным. Эта Тоска указывает на стремление выйти из тюрьмы Реальности вообще (ибо она не основана на тоске по чему-то «реальному») и не только на это: раз тоска по Внереальности существует, значит, есть и возможность выхода «туда»... Но здесь уже наступает предел возможностей человеческого языка, который не может «ориентироваться» там, где «кончается» мир Реального, мир Абсолюта, и, следовательно, сам Абсолют, из которого миры, видимые и невидимые, «вышли» и который сам является Высшей (и по большому счету «Единственной») Реальностью.

Вся эта в высшей степени парадоксальная Бездна, точнее намек на нее, с редкой силой выражена у другого нашего поэта — Георгия Иванова в знаменитом стихотворении:

Россия — счастье. Россия — свет.

А может быть, России вовсе нет.

Здесь проявлено мистическое переживание России, во-первых, как Света, Счастья (следовательно, и присутствия в ней

Бога), и, во-вторых, России как Отсутствия, России, которая внутренне ушла во Внереальность, и потому ее как бы «нет» (конечно, не в буквальном смысле). Это как раз то сочетание, о котором мы говорили, и неудивительно, что великие русские поэты и писатели метафизически переживали и такое. В этом тайноведческом стихотворении есть еще строчка: «А может быть, Россия — только страх» (и о смысле страха перед Россией мы скажем потом), и, наконец, строчки о «музыке, сводящей с ума». Это действительно так, ибо самые эзотерические «мотивы» русской музыки, включая особенно стихии народных песен с их «подводными» интонациями, вообще весь «подтекст» русской музыки прямо ведут в ту бездну, в которую ведет и беспредметная Русская Тоска («черная музыка» Блока). А это и есть тот тайный уровень, то тайное ядро, которые присутствуют и во второй реальности Русской жизни, и в ее великой и не познанной еще культуре, и в ее будущей метафизике. Указанием на эту крайнюю степень трансцендентности (которую и обычные люди могут носить в себе, не сознавая ее) в России являются и такие сугубо российские мистические переживания, как «лишенность» и «обездоленность». Все это присутствует в России «почти везде»: и в ее природе, отражающей Русскую Душу, и в ее поэзии, и в жизни... «Лишенность» эта в глубине имеет некоторые те же качества, что и Чистая Тоска, то есть она — не лишенность чего-либо (что, разумеется, является другим видом «лишенности», которая есть везде), а «лишенность» сама по себе, «лишенность» как качество самого бытия (как будто бытие хочет перейти в иное) — и в русском изобразительном искусстве это особенно, почти непередаваемо выражено в некоторых пейзажах, картинах русской природы. Самое главное, что такого рода «лишенность», «обездоленность», «тоска» на этом уровне имеют явно выраженный позитивный смысл, и это надо понять. Почему? Потому что они ведут к «реализации» той тайны отношения между Абсолютом и Россией, о которой речь будет впереди. Это просто инструмент тайноискания, в том числе подлинной метафизической русскости.

Несомненно, всем этим реалиям может сопутствовать страдание — но в данном случае это, конечно, метафизическое страдание, то есть страдание, вытекающее из причин не от мира сего, причем это страдание, которое существует не из-за отсутствия метафизической полноты, а, наоборот, именно из-за ее присутствия. В идеале это «страдание», которое присутствует при Взгляде в Бездну, по ту сторону Реальности, или на более скромном уровне — просто страдание, сопутствующее вышеописанным метафизическим переживаниям.

Поэтому совершенно естественно, что русские «любят» страдание, ибо оно связано с их высшей тайной, и все это находит полное подтверждение в особом характере русской культуры.

Вспомним опять слова Достоевского о потребности нашей в страдании: «У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него не полно». Это очень точно сказано — именно наличие «счастья» и «страдания» одновременно, во всем этом чудовищно-русском парадоксе, и есть намек на присутствие «тревоги», «тоски» даже в ситуации наполненного бытия, счастья, благополучия. На высшем уровне это сочетание противостояний может переводиться как сочетание «Бог» и «лишенность», что является центрально-высшим парадоксом, разрешение которого может лежать в той сфере, которой для нас, для человечества, метафизически «нет» и которая, может быть, лежит по ту сторону Абсолюта.

В этом случае страдание должно также пониматься «позитивно», и тогда понятной становится любовь русских к такого рода страданию, к самой чистой субстанции страдания.

Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить, и плакать без тебя! —

эти строки великого поэта прекрасно иллюстрируют суть русской мистической «антиномичности»: для обострения «антиномичности» я сказал бы даже: «Приюти в просторах бес-

приютных» — ибо действительно мы жаждем «уюта», «покоя», «земли», устойчивости, но мы и не можем отделаться от страсти к бесприютству и бескрайнему сиротству (это при нашем-то Боге, Боге Отце — «сиротство»); вот еще пример нашего высшего метафизического «безумия», открывающего то, что совершенно недоступно другим существам, и видимым, и невидимым). Нам действительно остается искать приют в Запредельной Бесконечности, стоять на ногах на нашей родной земле, а сознанием своим уходить в «необъятность», которая тоже дана нам как символ и на физическом уровне: как «необъятность» нашей земли.

Другая наша особенность, тоже подводящая нас к «неуловимому ядру», то есть к «последнему отношению» с Абсолютом, — это та особенность, о которой не раз писалось, но которая представляет собой нечто иное, чем «чистая тоска».

Это то тайное, скрытое желание (в нашей душе) «взорвать» мировую гармонию, о котором мы уже писали. Этот «взрыв» (недаром Волошин писал о культуре «взрыва» в России) фактически направлен на то, чтобы, так сказать, открыть за далью даль, то есть смять, уничтожить «старую» фиксацию на «старом мире» (из которого ушел дух), чтобы прорваться в новую реальность (в стихии знаменитых строчек А. Белого в «пространствах таятся пространства»). Иными словами, отстранение одного мира ведет к открытию другого. Но это — на экзотерическом уровне. На высшетаинном уровне — «отстранение мировой гармонии» может быть связано именно со взглядом в Бездну, в своем пределе в Бездну, которая «по ту сторону Абсолюта» (то есть во Внереальность, которой «нет»).

С этим аспектом «взрыва мировой гармонии», что является также и проявлением Сакрального Хаоса в нашей душе, связан тот уровень, о котором много говорилось, — именно русская «апокалиптичность». Однако, на наш взгляд, эта «апокалиптичность» имеет свои особенности, которые становятся ясными благодаря их сочетанию с другими качествами Русской Души (это вовсе не «ощущение» или тайное желание конца мира). Смысл нашей «апокалиптичности» во взрыве в неизвестное, в желании

открыть, прорыть щель в Иное, оставить пространство, пусть и «бездное», для прорыва в то, что назрело в глубине национальной души и что нуждается в объективизации. Из-за этого стремления к прорыву в наше бесконечное — такая ненависть, отвращение, отмеченное у нас и иностранными наблюдателями, историками, ко всякой фиксации, ко всякой оформленности, которые мешают такому прорыву. Отсюда и отстраненность — оттого, что фиксирование существует.

То, что на каком-то подпольно-тайном, последнем уровне нашего бытия создает в нас скрытую духовную тревогу, может быть выражено как напряжение, контраст между чувством Бога и русской тоской, между Богом и Бездной, между стремлением нашим уйти к Божеству, к Отцу, и желанием остаться с Россией, с ее неприкаянностью и непонятными прорывами в Неизвестное.

И действительно, истина в России носит «фантастический характер», это не просто истина, а «истина с тоской». В безмерности, бесформенности, недоовоплощенности «русского начала» нет «точного» или «ясного» ответа (на «проклятые», или вечные, или глубинно русские вопросы), а есть нечто выходящее за пределы традиционных ответов. Россия — безмерность как знак не только того, что на эти вопросы как будто бы нельзя ответить, а, скорее, как знак, что эти ответы могут содержать в себе большее, чем вопросы, и в то же время они (эти ответы) уводят в сферу, которая выходит за пределы всего духовно известного.

Все это с неизбежностью ведет нас к некоторому метафизическому заключению, вытекающему из предыдущих рассмотрений глубинных качеств России.

Вместе с тем к этому заключению можно прийти и другими путями (если это дано): глубинной медитацией о России или молниеносным интуитивным озарением (откровением), прорывом в высшие сферы... Фактически именно это поставило точку над «i» в нашем русскоискательстве.

Так о чем же идет речь? Речь идет об особом тайном качестве России, не выходящем пока на поверхность ее бытия и исто-

рии, но таком скрытом качестве (или качествах), которое непосредственно связывает ее с началами, о которых человечество не имеет никакого представления.

Эти «силы», если можно условно об этом так антропоморфно говорить, на самом деле выражают ту Внереальность, которая выходит за пределы концепции Абсолюта, Бога в Самом Себе, и которая трансцендентна по отношению к Абсолюту, к Реальности и Божественному Ничто, метафизической Полноте. Эта сфера истинно запредельного, истинно трансцендентного, по ту сторону всего, что есть Реальность и на чем покоится Реальность. Эта сфера (в отличие от Божественной) нам не дана, и ее как бы «нет» (в нашем понимании). Это — Бездна, которая как бы «окружает» Реальность, Истину и Безмолвие, то есть Абсолют, Бога в Самом Себе, не соприкасаясь с Ним или «соприкасаясь» особым образом. Подробнее об этой Бездне сказано в моей работе «Судьба бытия» (см. главу «Последняя доктрина»). Однако необходимы некоторые более пространные объяснения. Что, собственно, означает «выход за пределы Абсолюта»? Это, несомненно, означает выход за пределы того, что является источником Реальности и Бытия, то есть за пределы так называемого Божественного Ничто (которое равносильно Божественной Полноте, содержащей в себе все потенции бытия), которое как таковое хотя и находится по ту сторону Бытия, но является его источником и основанием. Все это вместе составляет Метафизически Единое, образуя одну и ту же «природу» Абсолюта, но говоря о выходе за пределы Абсолюта³⁷, мы говорим об истинно трансцендентном, о «сфере» (важно помнить, что слова здесь уже имеют относительное значение) по ту сторону всего, что есть Реальность, о «сфере», кото-

³⁷ Существует гипотеза, что эта Бездна образует как бы особый Последний уровень Абсолюта, особый в том смысле, что Абсолют вступает в «контакт» с этой своей последней подосновой, отчуждая себя до уровня мира (до уровня Периферии) и человека, и именно через такого рода «манифестацию» может вступить в контакт с этой подосновой, иными словами, для этой цели необходим человек. Однако эта гипотеза является «конформистской» и метафизически недостаточно радикальной.

рой «нет», которую невозможно «реализовать» и в которую невозможно войти (напротив, сфера Божественного открыта и дана нам в реализации Абсолюта, согласно Адвайта-веданте и ее практике), в которой все становится как бы потусторонним самому себе. Но эта недоступность Запредельной Бездны (так наиболее адекватно можно выразить эту сферу), принципиальная невозможность ее «реализации», «вхождения» в нее должна быть понята позитивно, иными словами, вступить в «контакт» с тем, чего «нет», можно только на основании принципа «тоски» и абсолютной лишенности (лишенности не чего-либо, а лишенности как метафизического принципа). Поэтому «обладать» тем, чем «обладать» невозможно, можно только отказавшись от принципа «обладания», который действителен только в мире Абсолюта, в мире Реальности. (Некоторая «бледная» аналогия — по отношению к Запредельной Бездне — может быть проведена с кантовской «вещью в себе», но это весьма «скользкая», относительная и «неполная» аналогия.) Мы не можем выразить, каково есть «содержание» Запредельной Бездны — ибо подход к этому на уровне «мира Абсолюта», на уровне Реальности абсурден и невозможен: «там», в Бездне, все иное и все «ценности» иные. Запредельная Бездна по ту сторону и Реальности, и Нереальности, она — Внереальность по ту сторону Абсолюта. И Абсолют, по существу, является лишь «телом» истинно трансцендентного, а не его «сущностью» и «духом»; он «окружен» Запредельной Бездной, как Океаном, и является лишь «лодкой» в этом Океане («лодкой», в которой находимся и мы)³⁸.

Однако «суть» заключается в том, что, согласно «Последней доктрине», с этим Океаном, с Запредельной Бездной возможен «контакт» — при условии «сотворения» необходимого «ин-

³⁸ Разумеется, эта Бездна, как она трактуется в «Последней доктрине», не имеет отношения ни к «шуньяте», ни к «нирване» буддистов (ни к Ниргуна-Брахману ведантистов), ибо состояние «нирваны», например, нельзя «описать», но можно «достичь». По отношению к Запредельной Бездне ни о какой реализации принципиально не может быть и речи, но «контакт» с Ней может дать «больше», чем любая реализация.

струмента» или «органа» для такого контакта. Но это выходит за пределы нашей работы. Отметим только, что «Последняя доктрина», то есть доктрина Запредельной Бездны, распадается на две части: 1) первая, которая еще может быть выражена в пределах Интеллекта, 2) вторая, основная, которая лежит вне пределов того, что «дано». В первой части, кстати, говорится о том, что «контакт» с Запредельной Бездной предполагает сначала реализацию Абсолюта (то есть достижения бессмертного Бытия), но одновременно предполагается некоторый «отрыв», «отлив» от Центра (при сохранении ключей «бессмертия») на Периферию, в мир, ибо только там — в страдающем мире — возможно перепонимание всех негаций, страданий, лишений (которые концентрируются и символизируются в понятии «смерти») как неких «щелей» в Запредельную Бездну. Во всяком случае, только на Периферии возможно найти определенные «щели», определенные «дыры» в Бездну (что невозможно в сфере полного Блаженства и Покоя). Иными словами, посвящение в Бездну не отменяет традиционное посвящение в Абсолют. С другой стороны, сам мир, где становится возможным «контакт» с Запредельной Бездной, мир, на котором лежит «ответ» Бездны, — такой мир приобретает иные, «необычные» черты.

Спрашивается, неужели Россия при всей ее «необъятности», Сакральном Хаосе, второй реальности, непостижимости ее для ума и т.д. имеет все же отношение к такой невыразимой запредельности и «чудовищности», как Бездна по ту сторону Абсолюта (или даже Бездна как последний уровень Абсолюта)?

На наш взгляд, именно Россия (среди всех иных вселенных, видимых и невидимых) имеет к этому очевидное отношение, но, конечно, в том смысле, что Россия является носителем некоего «тайного качества», в котором «отражается» эта Бездна, ибо, естественно, Она не может быть «выражена» ни в чем, с чем обычно имеет соприкосновение человечество, тем более в том, что заключено в так называемой мировой истории, ибо никакая «мировая история» этого не вместит, да и Она не может

быть выражена на таком низком уровне. Единственное Ее выражение, и оно есть именно в России, — это выражение в форме некоего тайного метафизического «качества» или «качеств», которые при их раскрытии делают возможным «контакт» с Бездной и тем самым превращают Россию в «Иную» страну.

То, о чем мы писали, говоря о некоторых «особенностях» России, как раз и является проявлением этого тайного качества или просто его присутствия, или, точнее, проявлением тайного присутствия «ответа» этой Бездны в России. Но тогда возникает вопрос: каким образом такая запредельность может сказываться на судьбе России? Понятно, например, как может сказываться на судьбе страны ее связь с Богом, или, например, понятно, как может влиять «присутствие» Сакрального Хаоса, но как может влиять на судьбу страны то, что запредельно самому Божеству, самому Абсолюту и тем более Богу, как Он проявляется для человека и как понимается человеком?

Во-первых, есть «мнение», что эта «Запредельность» некоторым образом начинает Себя проявлять во Вселенной (или «антипроявлять» — слова здесь «распадаются», имеют «антизначение» в попытке выразить «Бездну», поэтому все слова здесь надо понимать как «намек»), и поскольку эта Бездна — последний Трансцендентный уровень (если говорить мягко), то Она обладает «силой» («антисилой») этого уровня, ибо в действительности только Трансцендентное «определяет» все (положение, которое принято даже в обычной духовной Традиции, когда говорят о Боге как о трансцендентном начале). То, что эта Бездна начинает себя «отражать»³⁹ (особым образом, конечно), очевидно как раз на примере России как носительницы «тайного качества». Следовательно, эта Бездна как бы «курирует» Россию. Это может означать весьма и весьма многое, но вовсе не только и не обязательно «защиту» в банальном смысле этого слова. Смысл этих

³⁹ Слова ставятся в кавычки, так как выразить такие метафизические реалии на языке мира сего весьма трудно.

отношений (между Россией и Бездной) настолько грандиозен, что выходит за пределы всякой мировой истории, поэтому неизбежно Россия перерастает рамки человеческой истории, и она, следовательно, есть космологическое явление. Иными словами, Россия неизбежно должна существовать и существует на всем необъятном космологическом уровне, а не только в пределах манвантар, то есть человечеств космических циклов, о которых говорится в индуистской космологии. Что это означает конкретно — мы вернемся к этому потом, а сейчас продолжим.

Конечная тайна этого «последнего отношения» между Бездной и Россией как будто бы «непостижима», но это как раз такая «непостижимость», которая может раскрыться, ибо, если Бездна «показывает себя» или «отражается» в мире — значит, что-то кардинально меняется во Вселенной.

Кроме того, поскольку такого рода «отношения» неизбежно могут разворачиваться на метафизическом пространстве Космического и Сверхкосмического, то в самой исторической России заложено зерно ее расширения до «Сверхкосмического уровня».

Следующий, и последний, кардинальный вопрос — о том, почему такая «Запредельность» связывает себя с тем, что существует всего-навсего на манифестационном уровне, на уровне мира, на уровне Периферии (по отношению к Центру, то есть к Богу).

Тот, кто заглянул в текст «Последней доктрины», найдет там некоторый ответ, но если его выразить по-другому, чем там, то можно сказать, что Бездна по ту сторону Абсолюта, при всей Ее «инаковости» по отношению к Центру, с ее принципом Трансцендентной лишенности, только и должна «проявляться» на Периферии, ибо Центр (то есть Бог) — полностью самодостаточен, и только в ситуации удаленности от «самодостаточности», то есть на Периферии, в мире, может быть «понята» Запредельная Бездна.

Иными словами, на Периферии могут быть метафизические качества, которых нет в Центре, то есть на Периферии (в России) «есть» то, чего нет в Центре. Ясно, что это уже выходит за пределы обычной духовной Традиции (которая имеет

дело только с Абсолютом и «Его» мирами), ведь Бездна того, чего «нет», как раз и является Иным по отношению к Абсолюту. Очевидно также, что «смысл» присутствия этого Иного в «мире Абсолюта» (в нашем мире) выходит за пределы познания в обычной всемирной духовной Традиции (включая ее самую богатейшую ветвь — индуистскую). Можно, конечно, понять это таким образом, что в этом случае мы имеем дело с попыткой Абсолюта «познать» то, что выходит за пределы Его «природы», посредством того, что находится на Периферии, ибо на Периферии есть качества (например, страдание), которые полностью отсутствуют в Боге, но которые могут служить неким метафизическим «окном» для «приближения» к Запредельной Бездне.

Тайные качества России и являются таким «окном». Единственное, что может ограничивать Бога, — это Его собственное Совершенство. В Боге нет никакого несовершенства: страдания, смерти, негаций... Обобщая все человеческие негации словом «страдание», можно сказать, что страдание имеет два уровня: один, обычный, связан с ограниченностью человека, с несовершенством его (смерть, болезни и т.д.)... Но, видимо, в страдании есть высший элемент («субстанция страдания»), который имеет метафизическое значение (в частности, как «окно», о котором шла речь)... Бог, чтобы познать то, чего в нем нет, но что имеет тайное метафизическое значение, посылает частицу своей Божественной природы (идеальную человеческую душу) в мир тьмы и греха, чтобы познать через свое таинственное воплощение в человеке «субстанцию чистого страдания», которое есть страдание не из-за чего-либо, а само страдание как таковое — ибо, возможно, именно через это Бог познает то, чего нет в вечности, а может быть только в иллюзорной тварности. И именно в России страдание может приобретать высший смысл и превращаться в то «окно», в щель в Бездну...

И отсюда становится понятной русская любовь к страданию, хотя в силу русской антиномичности не менее глубока в нас любовь к бытию и к жизни. Понятно также из всего изложено-

го, почему историческая Россия появилась в период Кали-юги (период падения и страдания): «золотой век» исключает тайные возможности, о которых мы говорили. К тому же «счастье» оглуляет все «существа», кроме Бога.

Итак, мы сказали достаточно, хотя бы для первоначального понимания, что такое в действительности есть Россия. Тогда становится окончательно понятным внутренне-пророческий, скрытый смысл строчек Есенина:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Интуитивно зов Родины, зов Вечной России оказался в нем сильнее зова рая — тем более что, как известно, рай для посвященного не более чем «тюрьма» (пусть и «счастливая»), в то время как Вечная Россия несравнима с этим состоянием по своей сути. И хотя можно утверждать, что в силу того, что многие русские не познали эту суть и их собственная Родина остается «непознанной» ими, в то же время даже малая частичка русскости в душе каждого из нас потенциально ведет к Вечной России.

Но сами «последние отношения» — эта тайна тайн — лучшим образом могут выразить себя именно потаенным путем, в «потаенной исторической России». И это скрытое, последнее качество делает Россию абсолютно первой. Само присутствие этого тайного уровня и обеспечивает России ее космологическое и вечное существование. Россия становится не только безднотельницей, но и носительницей высшей тайны, тайноносительницей ее. Она связывает Абсолют с Бездной вне Его. «Идея» России (Вечная Россия) возникла в Абсолюте как мир связи, как великий Посредник между Ним и тем, что «вне Его», хотя «вне Его» ничего нет, ибо только таким языком можно пока что-то сказать о Запредельной Бездне. Потому Россия — при всей ее

связи с бытием, во всех его проявлениях — является в то же время на своем тайном, скрытом уровне цивилизацией непостижимой «внереальности».

Россия — счастье. Россия — свет.
А может быть, России вовсе нет, —

писал Георгий Иванов.

Но сиянье выше родного русского бытия в России так же необходимо, как и «поиск» Бездны, тем более, чтобы искать Бездну, надо «быть», и «быть» в предельном значении этого слова.

Сочетание того, что «есть», и того, чего «нет» (но непостижимым образом «присутствует»), — это высшая последняя ступень прославленной русской совместимости несовместимого, ее беспредельной антиномичности. Именно в такого рода антиномичности наиболее выражен тайный отблеск Бездны в самом существе нашей Родины. Напомним и некоторые другие метафизические качества, в той или иной степени связанные с присутствием этой Бездны в России: 1) стремление к Бытию и стремление в то же время к Запредельному. Самоутверждение и самоотрицание; 2) любовь к бесконечному, неутоленность веры; 3) тоска, лишенность (даже при полноте бытия и т.д.); 4) стремление и возможность воплощать в жизнь самые невероятные и «фантастические» идеи; 5) наличие «второй реальности», «Сакрального Хаоса», прорыва в иное и т.д.

Отметим, что, видимо, есть и иные, глубоко скрытые, доступные, пожалуй, только особому мистическому зрению. Необычайная, неожиданная и многозначная совокупность всех этих качеств и показывает «Присутствие» Запредельной Бездны в России. Но это «Присутствие» возможно обнаружить и непосредственно (вне анализа этих качеств) — при наличии прямого метафизического видения или метафизического откровения.

Но дальнейшее раскрытие этого «Присутствия» — дело судьбы будущей исторической России.

Может быть, именно в связи с этим станет окончательно ясным самый затаенный уровень гениального тютчевского: «Умом Россию не понять...» Положение великого Посредника между Абсолютом и Запредельной Бездной означает, что это сочетание Бытия (исходящего от Абсолюта) и Запредельного (исходящего от Бездны) делает Россию «новым», третьим метафизическим Началом (наряду с Абсолютом и Запредельной Бездной), которое обладает своими неповторимыми чертами и новыми качествами. Но «стихия» Запредельного в России парадоксально означает также, что России непременно надо Быть, и Быть в высочайшей степени, ибо только тогда можно вынести это бремя Запредельного. Таким образом, Запредельное лишь усиливает особое качество бездонного и бесконечного Бытия России (и в этом превосходящая, еле переносимая Радость России и радость быть русским). К этой сокровенной теме Великого Посредника, точнее, третьего метафизического Начала, мы еще вернемся (ибо суть Посредника заключается не только в реализации некоей «связи» между Абсолютом и Запредельной Бездной, но и в приобретении, благодаря такой ситуации, иных самостоятельных метафизических качеств, что и делает Вечную Россию третьим метафизическим Началом).

Теперь необходимо подойти к обобщению всех перечисленных ранее метафизических значимых проявлений России. Эти «проявления» (тех или иных сторон Вечной России в России исторической) следующие (мы разбирали их выше, но здесь необходимо окончательно суммировать и обобщить их):

- 1) Святая Русь, православие;
- 2) Русская культура;
- 3) «Вторая реальность» и русское бытие;
- 4) Невидимое мировоззрение;
- 5) Сакральный Хаос;
- 6) Русь Востока, Русь Самопознания;
- 7) «Последние отношения» и все, что с ними связано.

Все эти «проявления» или сущности России существуют на разных уровнях реальности, некоторые из них как будто несовместимы друг с другом, но, тем не менее, они отражают глобальные страницы Вечной России, как она отражена в России исторической, образуя некое непознаваемое на уровне человека Единство. Чтобы прояснить еще более, прибегнем к такого рода глубинной символической: представим себе Вечную Россию как сумму метафизических русских сторон (необязательно все они в очевидной степени проявлены в исторической России, некоторые могут быть настолько «внутренни», что мы о них в данный период не можем знать), Вечную Россию как она «задумана» в Абсолюте. Представим ее в виде Центра, вокруг которого образуются концентрические окружности, или просто концентры, причем каждая концентрическая окружность представляет или символизирует одну из перечисленных «сущностей» исторической России.

Но необходимо одно исключение: православие как религию личного спасения русских людей мы выделяем особым образом (ввиду первостепенной важности религиозного спасения). Поэтому оно должно быть выражено отдельно, и его условным «символом» в данном контексте может быть вертикаль, направленная вверх, в Небо.

Эти концентры (сущности России) являются отражением в мире тех или иных сторон Вечной России; отражением, конечно, не совсем «буквальным», поскольку есть разница, мягко говоря, между воплощением и «идеальным образом», таящимся в Вечности.

В нашей «исторической», воплощенной России мы обнаружили (учитывая выделенность православия) таких «сущностей» пять, не считая «Последние отношения», связанные с Запредельной Бездной. Таким образом, вокруг Центра пять концентрических окружностей, пять концентр (Невидимого мировоззрения, Второй реальности и русского бытия, Сакрального Хаоса, Русской культуры и Руси Востока, или Самопознания). Все эти концентры нужно представить себе не на одной плоскости, а на раз-

ных плоскостях, поскольку каждая из них выражает слишком разные стороны исторической России, и они существуют как бы в несколько разных «измерениях». «Последние отношения» не могут быть, естественно, выражены никакими концентридами, поскольку это «качество», образуя самое скрытое, тайное, «неуловимое» и, вне всякого сомнения, самое эзотерическое измерение России, существует на уровне «ночи», окружающей светоносный Центр, Ночи, или Тьмы, в смысле невозможности объять это качество, выражающее выход за пределы Абсолюта. Поэтому «Последние отношения» (в их связи с Запредельной Бездной) «существуют» как бы по ту сторону концентр, между самими концентридами, тайно «отражаясь», однако, в некоторых из них.

Теперь необходимо ясно и сжато рассмотреть сами «концентры» («нумерации» которых, естественно, не имеют значения). Но мы начнем с рассмотрения выделенного нами православия.

Его величайшее значение понятно, и его трудно переоценить. Благодаря православию русским людям были открыты пути личного спасения, и воистину Бог открылся как Отец человеков — а сыны в принципе не могут быть тотально иной природы, чем Отец. Христианство, борясь с грехом и немощью «падшего» или даже «погибшего» человека, в то же время утверждало его Божественное происхождение и бессмертие его души. Все это было направлено на преодоление оков смерти, и впервые на абсолютно первое место был выдвинут принцип любви — к Богу и человеку. Православие стало религией не только Христа, но и всей Светоносной Троицы, где и Христос, и Святой Дух (при Его вхождении в человека) совершали «обожение» человека и навеки связывали его с Отцом.

Православие остается самым истинным центром христианства, все остальные его ветви и конфессии — уже в той или иной мере отклонения от христианства. Кроме того, русское православие соединило в себе вселенскую духовную высоту с проявлением глубокого милосердия, с пожеланием спасения для всех без исключения — и вот это соответствовало мягкосердечию рус-

ской души и ее стремлению к конечной, высшей справедливости и Царству Божьему. В историческом плане православие породило уникальную реальность Святой Руси — то есть богоизбранного народа, очищенного трезвым самоотречением, полнотой веры, духовной бескомпромиссностью...

Одновременно женственный аспект Руси смягчал суровость отречения от мира. Русские женщины вообще вносили в жизнь спасительную стихию сострадания и жалости к человеку, что и порождало — даже в советское, атеистическое время — высший образ женщины: страдающей и прощающей, в религиозном плане — молитвеннице перед Богом за грехи своих мужей, братьев, сыновей. Святая Русь не могла не породить в историко-политическом смысле идею христианского мессианства, Третьего Рима, и при всей сложности исторических путей такого рода факт остается фактом: на сегодняшний день только православие остается не «падшим», не «деградировавшим» христианством — по крайней мере, в смысле сохранения истинных и древних духовных сокровищ христианства, от которых сейчас отказываются даже многие заказные богословы (не говоря уже о мирянах) на Западе. Мало того, что православие само по себе — Истинный центр христианства, оно еще сохранило себя в век, когда другие ветви христианства стали отпадать от своей же собственной сердцевины, в век, который уже официально называют пост-христианским.

Рассматривая теперь концентры, начнем с русской культуры, особенно с ее высших проявлений: искусство, музыка, литература, философия, сам русский язык и т.д. Было многое сказано об этом выше, поэтому нетрудно сделать нижеследующее заключение. Именно в культуре в самом широчайшем смысле отражена душа нации, ибо культура охватывает всё: все стороны бытия народа и человечества, спасительные, погибельные, скрыто-неразгаданные, метафизические, конкретно жизненные и так далее — все, все, ибо ее смысл — раскрыть, обнажить пред взором человека Целое, включая Космос, во всех его тайнах и противоречиях, ничего не утаивая, а также Божественные измерения. Но русская

культура как независимое выражение русского духа кроме общечеловеческого смысла имеет и свой не просто национальный, а особо национальный смысл, в полном соответствии со словами величайшего нашего писателя («Мы обладаем гениями всех наций и сверх того русским гением»). Этот смысл в некоторых своих аспектах — чисто сакральный, ибо, поскольку культура является наиболее всеохватывающим выражением Души народа и страны, то в русской культуре, особенно в литературе, мы находим те самые глубинные эзотерические бездны или, в некоторых случаях, пока только «зерна», о которых шла речь в этой книге.

По существу, в русской культуре — и в этом уникальность этой концентры — сосредотачиваются проявления почти всех остальных концентр и, кроме того, некоторые «точки выражения» самого тайного и невыразимого — «Последних отношений».

Кроме того, именно русская культура оказалась центром проявления национальной метафизики, национального мировоззрения и мироощущения во всех его сложнейших гранях — и, таким образом, очевидна ее сакральность, ее высочайшее значение для самой России и ее судьбы — как на Небе, так и на земле. Очевидно также ее исключительное значение для сотворения уникального русского Самосознания, в конце концов, самой Русской доктрины.

Отражая в себе русскую духовность, она и «определяет» ее — и тем самым, в свою очередь, не только влияет, но и формирует национальный дух и мировоззрение.

Отсюда ясны судьбоносное значение русской культуры и причины ее мощнейшего влияния на самосознание людей, целых поколений, интеллигенции, всего народа.

Можно сказать: не будет русской культуры — не будет и России. Армия, церковь, культура — вот та сакральная «троица», от судьбы которой зависит и судьба России.

Армия же в России сакральна хотя бы потому, что, не будь ее, — могучей и сильной России не было бы на этой земле уже давно, а историческая Россия, как видно также и из этой книги,

сакральна по своему существу. Кроме того, армия — единственный институт, где люди по своему долгу жертвуют собой, своей кровью и жизнью — «за други своя», ради Родины и ее народа, ради своей семьи, ради потомков. Поэтому армия, и в широком смысле «оборона», в России священна, и это должно быть отражено на официальном, государственном уровне.

И еще один важный момент: русская культура должна быть всегда независима и свободна (ибо только тогда национальный и общечеловеческий дух может полностью выразить в ней себя, как бы ни были необычны его проявления — а они иногда действительно бывают необычны).

Теперь мы переходим к более «тонким», то есть внешне менее выраженным центрам, но которые, тем не менее, имеют глубинное значение для понимания Русской Души во всей ее вечности и исторической протяженности. Их «фундаментальность», пусть сейчас и сокровенно-скрытая, проявляется именно по отношению к самой сути Вечной России и к Русской Душе (которая является отражением в человеке Вечной России). Мы начнем как раз с наиболее скрытой концентры, то есть с так называемой второй реальности. Таким образом, если эта концентра в исторической России выражена относительно затаенно, это только означает, что она имеет глубочайшее значение в плане метафизической России, да и само ее «название» («вторая реальность») говорит о ее затаенном проявлении (но это не означает, что такое «затаенное проявление» будет всегда, во всех формах конкретно-исторической России).

Выше уже было сказано о характере этой «второй реальности». Здесь же надо выразить ее более четко.

Во-первых, ее наличие ощущалось и ощущается при достаточно необходимом для этого видении. Можно привести много примеров, но укажем на некоторых «свидетелей».

«В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжается своя, уже потаенная жизнь...» (Г. Флоровский, богослов и философ).

«Эта вторая жизнь протекает под спудом и не часто прорывается на историческую поверхность» (он же).

«...Тогда в историческом процессе возникают явления и персонажи, сопричастность которым возможна лишь за рамками исторического самосознания... они требуют восприятия... в горизонте «всех времен», в горизонте Вечности. Время историческое соприкасается с временем мира... с тем измерением, откуда приходят боги» (В. Винокуров).

Последний отрывок поражает особенной точностью восприятия исторически «невидимого».

Необходим, однако, не только общий вектор, указывающий на существование этой «второй реальности», но и ее конкретизация — по мере возможности. В сущности, одна такая «конкретизация» может уложиться в целую книгу, если не в тома, тем более что проявления «второй реальности» возможны, видимо, благодаря некоторым специфическим чертам наличного русского бытия, и, по существу, «вторая реальность» и эти черты русского бытия составляют нечто единое или близкое (поэтому русское бытие и «вторая реальность» объединены нами в одну концентру)⁴⁰. Некоторые «примеры» («второй реальности» или ее восприятия) были приведены выше, хотя и в художественной литературе, но, когда «суть» «второй реальности» на «примерах» из классики уяснена, я думаю, тогда не составляет труда увидеть эту «вторую реальность» уже не только в литературе, но и непосредственно в русской жизни. В действительности ее сколько угодно там (хотя и затаенно), надо только иметь глаз.

Поэтому важно «схватить» концепцию (хотя бы относительную) «второй реальности»; ведь если понять ее, тогда этот план бытия можно будет легко увидеть даже в так называемой повседневной жизни. Постараемся ее «определить». Пожалуй,

⁴⁰ Таким образом, «вторая реальность» является одним из качеств русского бытия в целом, которое во всей своей глубинной самобытности, конечно, шире какого-либо одного из своих качеств (или форм), пусть даже самого необычного.

главная черта — некое выпадение из рациональной поверхности жизни. Я имею в виду, конечно, не «мистику» или «прозрения» и т.д. (это совсем другое), а именно выпадение в «пределах обыденной жизни», которое может происходить и с «обычными» людьми, хотя в России нет «обычных» людей, поскольку в каждом есть хотя бы маленький элемент русскости⁴¹.

Это может быть также и некий поток бытия, проходящий в сознании людей или отдельного человека и выраженный, скажем, во внешне как будто «сюрреальном» (скорее просто «многозначимом») поведении и речи. Все же исключительным по силе выражения как «второй реальности», так и всей «специфики» русского бытия, о которой мы говорили, является роман «Котлован», созданный гением Платонова (более того, в этом романе явно проскальзывают и моменты, связанные с «Последними отношениями»). Важно, однако, понять здесь два положения: 1) этот роман должен быть познан не только как роман «социальный», но прежде всего как метафизическая книга, в символизме которой выражены некоторые глубочайшие пласты русского самосознания; 2) эти «пласты», выраженные в этой книге, совершенно очевидным образом присутствуют и проявляются в самой русской жизни. Именно в этом ключе должна быть прочитана эта книга, в которой сконцентрировано платоновское видение. Почти каждая сцена, диалог, описание в этой книге (и, прежде всего, гениальный язык) носят в себе подтекст, который явно ведет в глубины нашей вечной души, в ее, как бы сказали индусы, «вышешу», то есть вечную, неотъемлемую метафизическую особенность той или иной значимой души. Я думаю, что читатель сам может найти и понять все, что мы имеем в виду, при внимательном и медитативном чтении этого романа. Но все же приведу несколько примеров.

⁴¹ Ясно, что это не имеет никакого отношения к «чужачеству», «психическим вывертам», «оригинальничанью», просто к обычным нелепостям. Видимая «сюрреальность» или просто «выход» за «рационализм» являются здесь следствием проявления скрытого, мощного, но «неописуемого» в обычных «категориях» потока второго плана бытия, в основе своей связанного с исконно «метафизическими», запятанными слоями Русской Души.

«— Мне страшна сердечная озадаченность, товарищ Чиклин. Я и сам не знаю что. Мне все кажется, что вдалеке есть что-то особенное, или роскошный несбыточный предмет, и я печально живу.

— А мы его добудем. Ты, Воцев, как говорится, не горюй.

— А ты считай, что уж добыли: видишь, как все стало ничто...»

Здесь речь идет именно о восприятии какого-то момента, вспышки, проблеска этой «второй реальности»: видится «что-то особенное», (хотя «я и сам не знаю что»), оно «вдалеке», и в то же время его уже «добыли», то есть оно уже присутствует, причем присутствует таким метафизически убедительным образом, что «все» (по сравнению с этим) стало «ничто». «Вторая реальность» присутствует здесь как бы параллельно вспышкам осознанности (следовательно, «между» словами, между «выразимым»), и, тем не менее, она явно «чувствуется», и благодаря ее присутствию меняется даже отношение к наличному бытию («все теперь стало ничто...»). Таких примеров достаточно много в романе, и такого рода «улавливанье» некоего потока бытия (как одной из форм «второй реальности») встречается достаточно и в русской литературе вообще.

Все эти своеобразные прорывы (во «вторую реальность») происходят на фоне многочисленных картин, сцен, описаний, которые как раз и связаны уже со спецификой русского наличного бытия, где главными чертами являются, например: 1) «неизвестная тоска»; 2) желание уйти «далеко-далеко отсюда...» (то есть в запредельное); 3) некоторая «озадаченность» перед лицом мира, иногда переходящая в ощущение, что «мы все живем на пустом свете» (то есть феноменальный мир как бы теряет свою «плотность», «устойчивость»); 4) наконец, склонность к некоему «солипсизму»... Таких и другого рода «сторон» много рассыпано в этой книге, и все вместе они образуют специфический аромат русского бытия, безошибочно угадываемый как только русский...

Что еще более важно, в этой книге явно проскальзывают также некоторые моменты, которые являются выражением скрытого присутствия «Последних отношений» или «готовности» к ним в русском самосознании и в русском бытии. Например, символично и грозно в этом отношении звучит текст, что «мужички» «...хотели спастись навеки» в «пропасти котлована». Спасение в «пропасти», в «бездне» — весьма многозначительный намек...

Не менее многозначителен и отрывок, приведенный нами выше, о «мирной тоске» (то есть тоске, когда сняты все противоречия и «тосковать», казалось бы, не о чем), в том же ключе и другие тексты, например, о том, что «неужели внутри всего света тоска»...

Здесь важен символизм, связанный с тем, что в любой ситуации сохраняется «грусть», «неудовлетворенность», «лишенность», что является еще одним скрытым аналогом высшей антиномичности, отражающей трансцендентную Бездну, когда даже владение Истиной парадоксально сосуществует с лишенностью и тоской (которые понимаются здесь «позитивно», то есть как «инструменты», «средства» проникновения в то, чего «нет»).

И, когда Воцев поднимает с земли мертвую Настю, он, поцеловав ее, находит «больше того, чем искал». Иными словами, в «отсутствии» (в смерти), в том, чего «нет» (живой Насти уже нет), — заключено нечто большее, чем в том, что присутствует, чем можно обладать и что можно знать. Высшая гениальность автора и предназначенность этой книги — неоспоримы.

Теперь снова вернемся ко «второй реальности». Это «выпадение» из контекста обычной жизни придает русской повседневной жизни качество, которое можно определить как «фантастичность наличного бытия». Иными словами, самое легкое, самое, казалось бы, незаметное присутствие в обычной жизни этого «второго плана бытия» придает самым обычным реалиям некоторый оттенок не столько «иррациональности», сколько еле заметной «трансформации» обыденной жизни в «иное».

Как будто все идет как обычно, но в то же время с особым «сдвигом» или «привкусом».

Разумеется, приведенные нами «определения» не обнимают все стороны этой льющейся, как река, огромной, трудно выразимой «второй реальности», в содержании которой нет фиксации определенного «мировоззрения», философии, набора идей, а есть именно параллельный, полуописуемый поток бытия, который никоим образом не может быть «концептуализирован» и «понят» обычными средствами.

В нем, в этом «потоке», могут присутствовать некоторые элементы, вроде бы «определяемые» (например, утробно-онтологический «солипсизм», затаенная вневременность, «алогичность», «высшая нелепость», тоска обыденности, некий «обход» реально-обыденного и т.д.), но настолько разнородные, что здесь бессмысленно говорить о попытке обобщения, к тому же этот поток бытия, возможно, и в принципе по ту сторону «человеческих» обобщений. В то же время он вполне конкретен по эффекту, который он производит в сознании.

«Проявляться» он может, конечно, не только в «повседневной» жизни и «отражаться» потом в литературе, в обратном порядке влияя на жизнь, но и в народных сектах или, скажем, даже в каких-то аспектах Окаянной Руси, о которой мы уже писали выше. Однако здесь (в сектах, например) «вторая реальность» проявляется не в «идеологии», «ритуалах» или в «учениях», а опять в некоторых еле зримых трансформациях бытия или в его элементах. Но, видимо, именно она (ибо этот поток бытия течет по ту сторону всякого морализаторства, идеологии, «рацио» и тому подобного) придает, например, даже «великой, темной и пьяной» Окаянной Руси привкус самоценности, той «самоценности», которая есть или может быть в любой форме русской жизни (кстати, и в «обыденной») и которая заставила Блока написать знаменитые строчки:

Да и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Эта особенность реальности, несомненно, имеет глобальное значение, ибо она придает русскому бытию вообще (русской жизни в любой ее форме) скрытый внутренний «замысел».

Я уже не говорю о том, что тайна тайн России, «Последние отношения», которые могут проникать почти во все центры России и в то же время выходить за их пределы, вероятно, незримо присутствуют во «второй реальности» или за ней, образуя третий подпольный поток русской жизни. Но, конечно, «Последние отношения», имея совершенно «определенный» высшеметафизический, то есть выходящий за пределы онтологии «смысл» или, точнее, «за-смысл» (в плане связки: Россия — Абсолют — Бездна по ту сторону Абсолюта), могут лишь входить своими «моментами», «проколами» во «вторую реальность», как, впрочем, она может входить и в другие аспекты России. Ясно, что «вторая реальность», второй план русского бытия образует свою собственную, независимую Вселенную, и ее «за-смысл» — другой, «собственный», уникальный и внеконцептуальный пока, но существенно важный, ибо дает выход русскому бытию в какое-то иное, скрыто-таинственное измерение.

Теперь перейдем к следующей концентре, которую мы называли «Невидимое древнее мировоззрение». Это главным образом наша история, наше глубокое прошлое, еще дохристианское; та история, которая от нас пока еще скрыта, но, во-первых, мы рассматриваем Россию глобально, во всех ее временах, и уходим к ее истокам, в конечном итоге к Протороссии и протославянам, к индоарийскому корню и даже дальше. Невидимое мировоззрение — это и наше еще плохо понятое и плохо узнанное так называемое «язычество», и Веды, ведантизм (недавно подтвержденный раскопками), древнее арийство, Гиперборея, но кроме того — огромное неизвестное пространство древней эры. Что было там, известно только частично или неизвестно вообще (но потаенно существует в нас), однако есть все же некие глубинные точки, по которым можно кое о чем судить.

Эти «точки», например, — интуитивное понимание русского дальнего бытия, нити к великому арийскому прошлому, даже к Гиперборее, обо всем этом рассказано в древних писаниях; наконец, присутствие в нашей душе и в нашей «зафиксированной» истории определенных качеств, импульсов, переключков явно древнего рода, идущих от какой-то бесконечной глыбы исторического прошлого, но живущего в тайниках души. Сейчас гигант молчит, но когда-нибудь в будущем может вдруг заговорить, но уже другим языком, другими реалиями... Мы касались Невидимого древнего мировоззрения выше, но подлинное исследование должно быть весьма объемным и специфическим. Еще в XIX веке это Невидимое мировоззрение формировало персонажей, пусть одиноких, но настолько диковинных, что подлинное их понимание может быть проведено только с учетом великого неизвестного нашей протоистории или скрытого Центра, о котором мы писали выше. Даже сейчас в душе городского жителя может раздаться голос, исходящий из древних пластов... Но, повторяю, гигант может еще заговорить более ясным языком, и, даже спящий, он бродит в нашем космическом «подсознании».

Пятая концентра — Сакральный Хаос. И Сакральный Хаос, и Невидимое древнее мировоззрение — это наши космические и исторические истоки (но не метафизические, ибо метафизика — это не о мире, а о Первоначале, о Духовном Принципе, о Боге, о «Последних отношениях»... о Вечной России, о Метафизическом Центре). Сакральный Хаос — скорее космический источник, но, естественно, с мощным влиянием на нашу историю. Мы говорили о том, как он проявляется в нашей истории, идеологии и жизни... Но это Его (в большинстве случаев) побочные, даже искаженные, часто негативные проявления.

Самое главное: Сакральный Хаос — это убежище всех тайных и высших «тенденций» Вселенной именно потому, что мы имеем дело не просто с Хаосом, в котором «смешано» все, но именно с Сакральным Хаосом, посредством которого реализуются самые тайные «мысли» Божества о Вселенной, самые неожиданные

и неопикуемые повороты человеческой истории и Вселенной, возникает все самое необычное, но предназначенное для свершения...

И теперь другой момент: Сакральный Хаос, видимо, является источником хаоса русской жизни (все имеет свою оборотную сторону), но на самом деле этот Сакральный Хаос не только придает русской истории и динамике русского бытия непредсказуемые черты и повороты, но и защищает Россию. Защищает ее от мирового порядка, идущего извне, или от порядка, который исчерпал себя, или от засилья порядка вообще, который всегда ограничен, ибо он — порядок, «система». И такой порядок никогда не победит Хаос, ибо Хаос больше порядка, да и сам порядок — только жалкая попытка создать золотую иллюзию стабильности, утихомирить бушующий под слабой короной порядка великий Океан Неведомого.

Но именно потому, что Русская Душа склонна к негациям Хаоса, к «анархии», нам необходимо, чтобы «существовать» в истории, порядок, но только свой, не посягающий на наше нутро, порядок, пусть даже по необходимости жесткий, но свой.

Шестая концентра — Восток, Русь Востока.

Здесь необходимо четкое обобщение. Ясно, что здесь идет речь об «Индии Духа», о духовной традиции Востока, о величайшей метафизике... В высших своих вершинах она представлена в Индии и в Тибете. Мы имеем прямое отношение к Индии — и по происхождению, и еще больше — по душе. Надрелигиозная и практическая метафизика и философия Индии достигают полного выражения в Веданте.

Самое лучшее, что мы можем получить из внерелигиозной восточной метафизики⁴² и философии Индии вообще, — это ключ к Самопознанию, но, разумеется, к Самопознанию не просто собственной души (и тем более на внешнем, психологическом уровне), а к Самопознанию Атмана, то есть Божественного «ядра»

⁴² Как уже говорилось, бессмысленно перенимать «индуизм» как религию.

в человеке, высшего Божественного Я, которое и есть истинное Я каждого человека и которое вечно и бессмертно в абсолютном значении этих слов.

Этот ключ состоит из «теории», из понимания, осознания того, что имеется в виду «конкретно» под этим вечным высшим Я, и из практики (медитации, созерцания, различения этого Я⁴³ от тела, ума и т.д. и других, еще более эффективных практик), цель которой (при наличии благодати и внутренних данных) — частичная (что вполне возможно) и полная (встречается при жизни реже) реализация этого высшего Я (Атмана). Даже частичная реализация означает переход, хотя бы временный, в иное, высшее состояние сознания, чем то, в котором обычно находится человек, и такая реализация, ступенька за ступенькой, может привести после смерти к полной реализации высшего Я (то есть к реализации Абсолюта) или к рождению в мирах, где наиболее возможна такая реализация, где она, например, подготавливается.

Второе, что можно извлечь из восточных учений, — это метафизические и философские знания, настолько уникальные и значимые, что полных аналогов этому нигде нет (есть «приближения», а во многом — и вообще нет аналогов нигде).

Европейская, западная философия (включая даже древнегреческую) — подростковая философия по сравнению с этим, в лучшем случае — дальний отблеск. О современной западной философии вообще смешно говорить: она по определению не философия вообще, ибо в ней заключен отказ от познания вечного и внеэмпирического. Нам, думаю, сейчас необходима как базис не западная философия (даже классическая, как было раньше), а индийская, несоизмеримо высшая, именно как основа, как импульс для собственной самобытной философии, влияние на которую западной может резко снизить ее и повести в ложном направлении.

⁴³ «Когда Я сохраняется только как Я, это и есть Атман! Когда оно внезапно отклоняется от себя и говорит «Я — это или то» — это уже «Это...» (Шри Рамана Махарши. Будь тем, кто ты есть. С-Пб.: Андреев и сыновья, 1994.)

Третье, весьма важное положение: весь восточный метафизический и философский опыт желательно и иногда даже необходимо переработать в русском духовном ключе. Отсюда и возникает понятие — «Русь Востока», то есть Русь, познавшая по-своему «восточную мудрость» (и это свойство России как молодой цивилизации: если «взять» (тем более берется близкое по духу), то необходимо переработать это в своем ключе и сделать окончательно духовно своим). На этом можно закончить о Востоке. В нашей метафизической «схеме» остались еще «Последние отношения» и Метафизический Центр, или Вечная Россия.

«Последние отношения» — это принципиально метафизически Иное. Поэтому «Последние отношения» — по ту сторону концентр, но могут проявляться в некоторых из них тем или иным образом. Например — во «второй реальности», в нашем духе, в русской культуре и, наконец, в самой России как в метафизической данности. «Последние отношения», естественно, не могут проявляться в такой концентре, как Восток, ибо они выходят за пределы даже такой всеобъемлющей духовной Традиции, как восточная. Восток слишком «самодостаточен» и погружен в себя. Ее просто нет там ни в теории, ни на практике. Она абсолютно уникальна и выходит за пределы «человеческой» или мировой метафизики. И это — чисто русское состояние, предел русской метафизики и метафизики вообще.

И, наконец, о Метафизическом Центре России, вокруг которого в нашей символике расположены концентры, являющиеся, по сути, определенными отражениями Метафизического Центра.

Метафизический Центр России — это «идеальная» Россия, центр-концентрация ее сути, наконец, более точно, — Россия как она задумана от Вечности, в самом Абсолюте, в самом Боге.

Следовательно, Метафизический Центр идентичен Вечной России. Отражение Вечной России в физическом мире, в космосе, на уровне планет, отражение, разумеется, с поправкой на все негации материального мира, дает воплощенную Россию, историческую Россию и т.д. Однако относительно Метафизического

Центра России здесь есть один необычный нюанс. Суть в том, что «Последние отношения» связаны с «выходом» за пределы Абсолюта, за пределы того, что нам дано и что является нашим Первоисточником. «Последние отношения» выводят нас за этот предел. Поэтому в нашей символике они не изображены вообще, а только подразумевается, что Внереальность, Запредельная Бездна («Последние отношения» — и есть неопишуемая связь России с ней), расположена «между» сгустками реальности, между центрами, и может только косвенно «проявлять»⁴⁴ Себя в них.

Метафизический же Центр — по всем классическим канонам традиционной метафизики — «проявлен» из Абсолюта, является Его первой манифестацией. Однако Запредельная Бездна, Внереальность, — это нечто иное, чем Абсолют.

Вечная Россия, конечно, включает в себя «Последние отношения», ее, собственно говоря, самый эзотерический и тайный аспект. Поэтому понятия Вечной России и Метафизического Центра не совпадают полностью, можно, видимо, утверждать, что Вечная Россия — это Метафизический Центр России плюс «Последние отношения» с Запредельной Бездной.

Наконец, Вечная Россия содержит в себе, в своей утробной метафизической глубине, все потенции сущностных проявлений России. Тот факт, что мы выявили несколько таких сущностных проявлений (в виде «концентр») на протяжении доступного для нас исторического пространства, не означает, что не могут появиться другие, скрытые от нас в пучине Вечной России новые великие сущности. Итак, новые концентры могут появиться в будущем. Это очень важный момент.

Пять уже возникших концентр существуют в разных плоскостях и чаще в разное историческое время; то увеличивает значение одних, то других. В разных формах эти сущности по-разному отражаются в конкретно-исторических реалиях Рос-

⁴⁴ Напоминаем, что, когда мы говорим о Запредельной Бездне, понятия, слова, употребляемые нами, являются достаточно условными.

сии, причем, как все в воплощенном физическом мире, они образуют и свои негации. Кроме того, взятые вместе, эти концентры, несмотря на их разнородность, в то же время фиксируют уникальное, скрытое единство.

Действительно, Святая Русь — это явная вертикаль, направленная к Небу; «вторая реальность» — это особый параллельный русский мир, параллельный «обычному» и, так сказать, «общечеловеческому»; «Древнее мировоззрение» — это горизонталь в великое неразгаданное наше Прошлое, может быть, еще не полностью проявившее себя; Сакральный Хаос — наш русский Предкосмос, хранящий в своих сферах и наше непредсказуемое будущее; «Русь Востока» — вертикаль Самопознания, познания Вечного и Божественного в нашей собственной человеческой душе. Помимо всего — «Последние отношения», связывающие нас с тем, что не дано нам как людям.

До сих пор мы погружались главным образом в «историческую» Россию (то есть в Россию, существующую на этой планете) и в Вечную Россию, Россию метафизических принципов (включая «Последние отношения»), отраженных в «земной», «нашей» России. Сейчас пора перейти к другому ключевому моменту. Имя ему — космологическая Россия.

Вне всякого сомнения, все, что было изложено в этой книге относительно Метафизической и Русской идеи в целом, неизбежно приводит к следующим радикальным выводам:

1) Русская идея (как она здесь изложена) далеко выходит за пределы идеи человечества. Действительно, высшая идея человечества связана с возможностью перехода части его (после конца нашего цикла) в иное состояние, в состояние обожения. Мы не рассматриваем сейчас иные, допустим, сугубо индивидуальные варианты — для отдельных людей или групп. Но в любых случаях — имеется в виду связь с Богом или единство с Абсолютом (Богом в Самом Себе).

В идею России все это, разумеется, тоже входит, ибо в определенной плоскости Россия, естественно, относится к «человече-

ству», но в смысле ее «тайны тайн», то есть «Последних отношений» и Запредельной Бездны, она в этом своем измерении явно выходит за пределы общечеловеческой идеи, за пределы Человечества вообще. Кроме того, если более глубинно вдуматься в суть некоторых наших «концентр» (например, таких, как «вторая реальность» и даже «Хаос»), то можно и в этом случае тоже прийти к заключению о некотором, пусть даже небольшом, нашем расхождении с «человечеством». И мы можем, кстати, утверждать, что существуют, например, согласно высказываниям А. Дугина, животные, демоны, ангелы, люди и русские. Конечно, русские тоже люди, но в своем самом дальнем измерении они именно русские.

2) Русская идея в целом затрагивает настолько глубинные, тайные, бесконечные и парадоксальные по своему существу космологические и метафизические проблемы, что она не может относиться только к уровню бытия одного мира или планеты, даже просто существ одного какого-то «вида». Русская идея не вмещается в эти рамки. Я уже не говорю о «Последних отношениях», затрагивающих «связь» между Абсолютом и Запредельной Бездной.

Все это вместе — одна из причин недовысказанности и загадочности русского бытия, которое создает впечатление чего-то недоговоренного и бесконечного, уходящего в неизмеримую даль, нуждается в космическом времени и пространстве для своего продолжения и реализации. Даже (помимо «Последних отношений») одни несоизмеримые возможности проявления Русского Хаоса и «второй реальности», видимо, до определенной степени могут вести к тому же: к необходимости иных воплощений, иных пространств, иного времени. Наша планета слишком мала для России.

Из всего этого следует закономерное заключение: поскольку все возможности нашего Центра, Вечной России, должны реализовываться (то есть для высше-метафизической сферы нет различия между возможностью и реализацией, нет никаких препятствий), то метафизическая Россия (во всей ее грандиозности) неизбежно должна воплощаться и реализовываться не только на нашей планете (в исторической, земной России), но и в других сферах и уров-

нях Космоса, видимого и невидимого. Следовательно, во Вселенной должны существовать аналоги «земной» России. Обобщая, вот эту Россию мы и будем называть Космологической Россией (или Космологическими Россиями, вариациями Космологической России). Такая Космологическая Россия, несомненно, должна существовать. По всей видимости, существа, которые живут в этих Космологических Россиях, должны быть некоторыми «аналогами» людей⁴⁵. Но, конечно, прежде всего, они, эти существа, должны воплощать «русскую идею» в той форме, которая соответствует их миру. Важно теперь осознать, что национальная идея России есть идея космологическая. Поэтому даже та Россия, которая, например, может возникнуть в немислимых для людей формах и сочетаниях пространства, времени и т.д., — даже такая Россия, далекая от нашей планеты, — это все равно наша родная русопятская Россия, со всеми ее фундаментальными проявлениями (в другой форме, конечно): есенинской тоской, песнями, противоречиями, хаосом, душой нараспашку, второй реальностью, достоевщиной, самопознанием и тем, «чему названья в мире нет...» и т.д.

Ибо источник у нас один и тот же: Метафизическая Россия. Наша земная Россия — это фактически один из вариантов Космологической России. Каждая Россия — это образ Вечности, направленный в Бездну, которая по ту сторону и времени, и Вечности. За занавесью пространств, времен, за преградами иных сочетаний субстанций и духа кроются иные России, которые в то же время такие же близкие, как и наша, земная Россия, такие же безошибочно узнаваемые (на уровне высшей интуиции), такие же бездонно-родные. И в этом метафизическом космологизме России отражено все ее парадоксальное положение и по от-

⁴⁵ Разумеется, не просто «физического», земного человечества, а аналогом человеческого архетипа как ступеньки в мировой духовной иерархии, ибо в силу особого, так называемого «центрального» положения этого архетипа и некоторых других его особенностей именно среди людей или среди их аналогов в других мирах, а не среди так называемых «богов» наиболее вероятно возникновение русских; а уж если среди «богов» — то таких, которые с «надрывом», со «второй реальностью», с «безуминкой».

ношению к Богу, и по отношению к миру. Поэтому совершенно ясно, что национальное, русское в России, связанное с особым метафизическим и космологическим началом, выходит за пределы общечеловеческого. Можно даже без преувеличений сказать (учитывая, например, состояние современного человечества), что самое худшее в русских — это то, что они — люди, а самое лучшее — то, что они русские. И чем скорее мы — на своем высшем уровне, конечно, — вырвемся из оков этого «общечеловеческого» (отказываясь не столько от него, сколько от его «оков»), тем ближе мы будем к осуществлению своих предназначений.

Россия для русских поэтому больше чем Родина (в обычном понимании этого слова), это отражение их Вечной и Космологической Родины. Таким образом, национальное в России равнозначно космологическому и трансцендентному. И наоборот, Вечная Россия как раз и отражается в наиболее наших глубинно-национальных чертах (даже наше так называемое русопятство, во всех его формах, имеет на самом деле свой неожиданный смысл).

Иное дело сохранить в себе высшечеловеческое начало, связанное с Богом, — это, вне всякого сомнения, должна хранить в себе Россия (помимо всех своих парадоксальных уровней). Но совсем другое дело — отношение к современному человечеству, которое в некоторых своих аспектах может составить компанию Князю мира сего, а в некоторых других, более многочисленных и явных, — недотянуть до того, чтоб — при всем своем желании — стать предметом интереса для Сатаны: уж слишком ничтожны, даже для него. Это как антианалог по отношению к Богу: когда-то «не дотягивали» до «единства с Богом», теперь недотягивают до единства с Сатаной. Внимательное практическое изучение современной денежно-технологической цивилизации западного образца, как ни тяжело это признать, не оставляет сомнений в этом плане.

Откровенно говоря, России просто приходится сейчас нести свой крест принадлежности к такому человечеству (этот крест «созительства» с таким человечеством несет еще к тому же

ряд стран Востока, Индия например). Возможно, что на каком-то чисто духовном и экзистенциальном уровне (при неизбежности экономического и тому подобного «общения») России лучше всего уйти от этого человечества внутрь Себя, тем более что в перспективе «человечество» в таком виде подходит к концу.

...Не кто иной, как Бальмонт — по крайней мере, в поэзии, — пророчески провидел космическую суть России, ибо в глубине Вселенной он увидел все ту же свою Родину — древнюю Россию, свою Мать, Невесту, Жену, Няню (см. стихотворение «Моя любовь»):

Из далей запредельных образ отчий
Вернет ли мне мое родное счастье?
Леса, поля, калина, степь, Россия.
На грани лет ты будешь ли мне — няня?
Там где-то между звезд чуть шепчет няня:
«Терпи, терпи — твое придет, желанный!»

Именно «в далях запредельных», «между звезд» где-то и притаилась такая родная, космологическая Россия, — Россия в другой форме, но такая же Мать, Невеста, Жена. И она не одна там, в бесконечности, но все они, вместе с нами, которые на земле, образуют одно мистическое Целое — Вечную Россию.

Что же касается «современного человечества», среди которого мы живем, то не его спасать надо, а, наоборот, от него спасаться.

Поэтому в этом смысле, на самом высшем уровне, мессианство — не главное сейчас для России. Главное — стать Центром для себя самой, абсолютным Центром (не исключая при этом работы и на других уровнях, даже на противоположных, включая и мессианский, но необходимо сознавать иерархию уровней).

На высшем уровне это должен быть нацио-центризм (включая мистическое «подключение» к космологической России). Россия сама должна создать собственное человечество. Это совсем другое, чем быть, скажем, «лидером» человечества, — весь

вопрос в том, какого человечества, «лидером» среди кого? Среди человечества, идущего к концу? К компьютерам? К роботам? К биороботам? В преисподнюю?.. И стоит ли быть лидером идущих в ад? После всего этого необходимо, однако, оглянуться.

Когда шла речь о человечестве, мы имели в виду, конечно, современное человечество, вернее, духовно деградировавшую часть его, человечество монстров. Естественно, совершенно иное — традиционное, или, скажем так, нормальное человечество, связанное с великой духовной вертикалью (например, человечество первых веков христианства, человечество Упанишад, человечество Будды, Святая Русь, Франция первых времен после принятия ею христианства, шиитский Иран и т.д.). И тем более, наконец, сам человеческий архетип, созданный по «образу и подобию Божьему». Напомним, кстати, индусскую космологию в отношении человечества. День Брахмы⁴⁶ (относительно «небольшая» единица бытия мира) — в «человеческих» измерениях — составляет 14 так называемых манвантар (манвантара — космический цикл существования данного человечества, у истока каждого из них стоит свой Ману, то есть свой архетип человека). Сама манвантара состоит из семидесяти одной маха-юги — более «мелких» периодов, каждый из которых образует знаменитые 4 периода, принятые во многих традициях, от «золотого» века до века «падения» (у индусов — Кали-юга), после которого опять начинается следующая маха-юга, восстанавливается духовная вертикаль, разрушается время и его власть; время превращается в пространство, смерть отступает, длительность жизни напоминает «вечность» (с человеческой точки зрения), потом — опять духовная инволюция... Разумеется, все циклическое существование человечества протекает на разных планетарных уровнях, наш «физический» уровень — лишь один из многих, характерный для Кали-юги. Мы живем в период 28-й маха-юги 7-й манвантары, во время конца

⁴⁶ Брахма — Бог как творец. Брахман — Абсолют, Бог в Самом Себе.

28-й маха-юги (то есть в период Кали-юги; Кали — богиня смерти в этом смысле, то есть данная эпоха находится целиком под властью смерти, отсюда короткая жизнь, войны, болезни, упадок духовной сферы и т.д. Но сама Кали-юга тоже делится на «малые кали-юги», после которых в пределах каждой «большой» Кали-юги возможно реальное возрождение на определенный срок).

Наш Ману (то есть архетип нашего человечества) седьмой, его имя по-индусски *Vaiavas-vata* (Вайвасвата), он — сын Солнца, то есть сын Бога. *Savarna* (Саварна) — имя Ману следующей, восьмой манвантары, то есть это архетип уже иного человечества, «люди» которого должны быть «построены» (духовно) по весьма иному прототипу. Имя последнего, 14-го Ману — *Bhantya*. Мы не можем здесь останавливаться на сложнейших и тем более эзотерических аспектах всей космологии человечества как мировой иерархии, смыслах смен «возвышений» и «падений» разных форм человечества и т.д. (из которых «физическое», теперешнее, — лишь малый феномен). Отметим только, что в период «падений» могут быть тайно и частично приоткрыты такие духовно глубинные сферы, которые полностью закрыты в «возвышения», поэтому эпоха «падения» не может описываться исключительно со знаком «минус», в ней, помимо возможностей восстановления духовной вертикали, есть и другие, скрытые и весьма необычные возможности, закрытые в века духовной гармонии. Но для нас здесь важно другое. Поскольку Вечная Россия, в силу своей метафизической уникальности, в силу самой своей сущности, может воплощаться в космологических Россиях, в Россиях всей Вселенной (видимой и невидимой), даже в Россиях иных существ, чем «люди», то тем более она может воплощаться в различных космических периодах человечества, поскольку мы уже имеем налицо одно такое воплощение, то есть нашу историческую Россию.

Следовательно, мы вполне можем утверждать, с весьма большой долей вероятности, например, о России будущей манвантары. Дело в том, что раз такая Россия уже воплотилась «один раз» (говоря на человеческом уровне) в виде нашей исторической

России, то, поскольку «идея» Вечной России явно не вмещается в идею нашего наличного человечества (но она все-таки воплотилась в нем), должно быть и продолжение России на уровне всего человечества в целом, в разных его космических циклах, чтобы попытка воплощения Вечной России на уровне человечества была бы доведена до предела своих возможностей. Следовательно, почти с полной уверенностью можно утверждать, что Россия (на человеческом уровне) найдет свое продолжение в пределах других, как малых (маха-юги), так и глобальных (манвантары) циклов бытия человечества как мировой иерархии. Следует только отметить, что воплощение России может иметь место не столько в самые идеальные периоды «духовной гармонии», сколько в периоды, где наряду с сохранением духовной вертикали действуют и особые силы негаций, «лишенности», которые позволяют открыть «щели» в самые потаенные и скрытые сферы. Это совершенно очевидно, исходя из самой сущности Вечной России.

Возможно, что особое внимание в этом плане следует уделить последней, 14-й, манвантаре (отдаленной, правда, от нас огромным пространством космического «времени») и ее архетипу — Bhantya. Не исключено полностью и то, что один из архетипов человечества, один из Ману, будет воплощением Космической Русской Души (то есть микрокосма Вечной России), и, следовательно, целое человечество этой манвантары будет русским человечеством, то есть Россией как человечеством.

Впрочем, если этого и не произойдет в пределах человечества, то в пределах Вселенной наверняка должно быть определенное чисто русское мироздание (чисто русская галактика), ибо Вечная Россия, испытывая свои метафизические возможности, может проявить себя не только как часть какой-то более общей космической иерархии (например, человечества), но и как самостоятельная реальность, как в пределах нашего Брахмы (его существование — 100 лет Брахмы), то есть в пределах нашего «творения» как целого, так и в пределах принципиально иного «творения», основанного уже не обязательно на «Логосе», а, может быть, на дру-

гом проявлении Абсолюта (Творении, которое наступит, по индуистским космологическим представлениям, после «Великой пралайи», то есть после периода, когда все уходит в свое Первоначало). Более того, поскольку высшая метафизическая суть России заключается в ее посредничестве между Абсолютом и Запредельной Бездной, то, в конце концов, после «многих» «пралай» возможно такое Творение, такая Метавселенная в целом, в которой «связь» Творения (и, следовательно, Абсолюта через это Творение) с Запредельной Бездной станет главным ее «содержанием» и «смыслом» (поскольку Абсолют как «неописуемая самодостаточность» может вступить в «контакт» с Запредельной Бездной, только ограничив свою «самодостаточность» через свое Творение). В этом случае вся такая Метавселенная как таковая будет не чем иным, как наиболее полным воплощением Вечной России. Тогда, возможно, весь итог драмы Творения (или Манифестации Абсолюта) сведется к неописуемому воплощенному бытию Вечной России, которая «окончательно» станет Великим Посредником между Богом в Самом Себе и Запредельной Бездной. Останутся трое: Бог, Россия и Бездна вне Абсолюта. Россия, таким образом, — это метафизически неизбежное звено между Богом и Запредельной Бездной, звено, которое, по существу, также «необходимо», как и те, которые она «связывает».

Но теперь желательно, как говорится на нашем языке, «спуститься на землю» и еще раз осмыслить существо конкретной исторической России, нашей Родины, но уже в ее более ясно вырисовывающейся связи с Вечной Россией. И вспомним о том, что индусы, имея в виду всю временную протяженность на этой планете России, называют Россию страной Риши (Риши — Russia (Раша) — Россия), то есть страной мудрецов.

Прежде всего, однако, возникает следующий вопрос: в какой степени историческая Россия может взять на себя «бремя» Вечной России, выразить и реализовать хотя бы часть его?

Диапазон, надо сказать, здесь очень широкий. И мы начнем с самого негативного отсчета. Здесь есть один весьма «ко-

варный» момент. Та «протекция», идущая из высшего духовного мира, которую может получать историческая Россия, какой бы она ни была мощной, не является абсолютной гарантией. Россия воплощена на этом срезе планеты Земля в очень тяжелый период, и воздействие на нее (как и на всех) разрушительных сил, вплоть до сатанинских, непомерно и огромно. Как говорится, не каждый рожден перенести. Возможна ситуация, когда воздействие такого рода сил на Россию будет настолько глобальным, что она будет на грани внутреннего или внешнего разрушения. «Протекция», которую историческая Россия имеет, например, от своего первоисточника, Вечной России, не может быть абсолютной по той причине, что сама Вечная Россия не прикована к какой-либо одной точке своего воплощения, она может реализовывать себя на разных уровнях Метавселенной, в том числе и в других манвантарах, поэтому ее «привязанность» к исторической России не носит фатально-исключительный характер. Если историческая Россия не сможет сама активно защищать себя, свое высшее предназначение и свою самобытность, свою русскость от ударов истории, судьбы, дьявола, если она не сможет быть той, которая Она есть в своей глубине, возможен крах, катастрофа, но эта катастрофа на Земле не будет крахом русской идеи вообще — как метафизическая реальность Вечная Россия неуничтожима, и неуничтожима реальность ее воплощения на разных уровнях. Эта неуничтожимость вытекает из ее высшей сущности — и совершенно ясно, почему так. Наконец, на высшем уровне Россия неуничтожима так же, как неуничтожим Абсолют и Запредельная Бездна, ибо Россия — реализация их немислимой связи.

Но историческая Россия, как и каждая отдельно взятая воплощенная Россия, — уже в другой ситуации. Историческая Россия может потерпеть крах не только в форме поражения от внешнего врага, но и просто потому, например, что Россия станет «нормальной страной», то есть если она и ее народ потеряют себя и превратятся в метафизически бессмысленное образование

наподобие какой-либо «страны», тем более такой, где доминирует западная профаническая цивилизация⁴⁷.

Однако здесь мы все-таки берем крайний случай. Не для того Россия прошла через невероятные страдания и испытания, чтобы исчезнуть или превратиться в современный скотный двор. Кроме того, Россия уже реализовала многие из тех «потенций и концентр», которые ей были даны, — достаточно, например, обозреть ее великую культуру или даже просто понять русскую жизнь с ее «второй реальностью»... И России, в конце концов, нужно только одно: продолжать быть, раскрывая Себя, со всей силой своей национальной воли сохранять себя, свой народ и свое государство. Отстоять свою самобытность и свое существование — для этого у нее есть все возможности, и при наличии нашей собственной воли высшие силы, надо надеяться, будут охранять Россию. В этом случае, в согласии с пророчествами, судьба ее будет действительно необыкновенной, и хотя миры преходящи, включая наш, но Россия непреходяща, и она принадлежит Вечности.

Теперь необходимо сказать несколько слов о вероятности реализации концентр и предназначений в исторической России. Что касается самих «Последних отношений» — то совершенно очевидно, что эта тема настолько, мягко говоря, эзотерична, что она требует специального и, скорее, устного рассмотрения. Можно, однако, утверждать, что Россия самой сущностью своей подготовлена — на высше-метафизическом уровне — к той или иной степени «реализации» их.

В статьях Георгия Гачева прекрасно выражена эта «подготовленность», когда он пишет о России, что ее «мука — понять непонятное» и «объять необъятное»; далее: русский ум мыслит

⁴⁷ Следует высказать, однако, следующую оговорку: Россия уже в значительной степени реализовала себя. Это относится также и к «Последним отношениям». Хотя они наличествуют в России «скрытым», «тайным» образом (иначе и невозможно в нашем мире), этого достаточно, чтобы предназначение исторической России осуществилось и в этой сфере. Для Вечности нет времени. Явное, открытое (хотя и неизбежно косвенное) «проявление» Запредельной Бездны возможно только в совершенно ином мире и, следовательно, в иной России.

по формуле: «не то... а что?» — в противоположность аристотелевскому «это есть то». Таким образом, русский ум сомневается в возможности что-либо определить и ищет его последнюю подоплеку, выходящую за пределы всяких определений. «Не ответ в России важен, а путь и поиск». Русский космос — «путь-дорога», Россия — тройка.

Другие современные русские исследователи подчеркивают, что Россия не имеет аналогов в мировой истории, и особо обращают внимание на антиномичность, на способность русских сочетать трудно сочетаемое или вовсе не сочетаемое.

Но из всех антиномий России и Русской Души — величайшая по своему значению и наиболее связанная с сутью «Последних отношений» — это русская любовь к бытию (в самом широком смысле, не только к «земле») и страсть к запредельному. (Антиномичность такого сочетания вполне очевидна: запредельное может выйти за пределы всякого бытия или, уж конечно, данного бытия.) Но за-смысл этой антиномии становится еще более выражен (уже с иными тончайшими значениями), если иметь в виду русскую антиномию, которая говорит о сочетании того, что «есть», и того, чего «нет».

Но сейчас обратим внимание, что такого рода антиномичность как раз и предполагает, с одной стороны, бесконечное утверждение русского бытия (при наличии которого только и возможно раскрытие Бездны), а с другой стороны — поиск Запредельного.

Отсюда уже на высше-метафизическом уровне становится понятным утверждение России как Великого Посредника между Абсолютом (как источником Бытия) и Бездной «вне» Его. Более того, сам Посредник (то есть Вечная Россия и ее воплощения) в этой цепи приобретает фундаментальное значение третьего метафизического Начала — Начала основополагающего, как и первые два, ибо, «соединяя несоединимое», Россия приобретает особые качества, которые, отличая ее и от Абсолюта, и от Запредельной Бездны, определяют ее бытие в качестве третьего метафизического Начала.

О тех концентриках, суть которых довольно ясна, — не будем повторять здесь то, что на принципиальном уровне уже было сказано нами о них. Но относительно некоторых концентров — уже в плане исторической России — необходимы некоторые дополнительные разъяснения.

Наибольшие тонкости и сложности могут возникнуть при понимании «второй реальности». Можно сказать о людях в России, которые более или менее воспринимают черту этой «второй реальности» (даже не осознавая ее в качестве таковой), что они наряду с обычной жизнью живут еще «второй жизнью». Разумеется, эта вторая жизнь ни в коем случае не означает жизнь в грезах, мечтах, иллюзиях и т.д., такая банальщина нелепа, и как раз такая жизнь и относится к элементам совершенно заурядной обычной жизни. Вторая жизнь означает восприятие «второй реальности», которая приходит как бы параллельно явлениям и реалиям обычной жизни, но по своей экзистенции и по смыслу отличается от нее и «выпадает» из нее. Необходимо — и это как раз вполне возможно — более конкретно и полно, на примерах из жизни и из культуры, постичь черты и явления русской «второй реальности», в которой — в той или иной степени — мы все живем, независимо от того, насколько мы фиксируем свое внимание на ее отличии от обычной реальности.

Хаос, который по определению «таинственный» в силу того, что он скрывает в себе то, что еще не проявлено, — другая концентрика, значение которой трудно переоценить. У нас «Хаос» (точнее, отражение его в конкретной жизни) больше проявляется в потоке нашей «повседневности» (и это не особо значимое его проявление) — но даже в таком виде он совершенно ошарашивает людей, привычных к стандартам западного образа жизни (по существу, такие люди, за редкими исключениями, просто не в состоянии жить «русским образом жизни», ибо их химерические жизненные «стандарты» мгновенно разрушаются при этом). В этой ситуации у них три пути — или стать русскими (что на 99% невозможно для них), или сойти с ума (весьма неболь-

шого, кстати), или уехать. Правда, некоторые представители западной интеллигенции, особенно художественной, могут быть весьма чувствительны к потоку русской жизни, и именно среди них могут быть даже такие, которые хотя бы временно входят в этот неопишуемый поток с его внутренними прорывами и не «сходят с ума» при этом, а приобретают нечто, что остается как некое сокровище на всю их жизнь. Однако мы уже не раз отмечаем — в смысле присутствия Хаоса — необходимость (ради выживания) баланса: сильного государства в России.

Именно сочетание в России «второй реальности» и Хаоса (и частично, может быть, той концентры, которую мы назвали «Невидимым древним мировоззрением») заставляет сделать еще один вывод: помимо выходящих за все пределы «Последних отношений», сочетания таких концентр с их неразгаданностью, незавершенностью, провалами в Неизвестное, с их невместимостью в рамки истории и т.д. сами по себе являются неизбежными основаниями для выдвигания, как следствия, доктрины о Космологической России, в которой должна продолжаться и реализовываться бесконечность исторической России, разрешаться незавершенное, раскрываться Неизвестное, то есть то, что помимо «Последних отношений» заложено в Вечной и одновременно в исторической России.

Теперь необходимо сказать несколько слов о концентре «Русская культура». Поскольку концентры, по существу, представляют собой глубочайшие проявленные метафизические начала, определяющие историческую Россию, то, спрашивается, при чем здесь культура? Ведь обычно слово «культура» понимается слишком узко, иногда чисто социально. Однако русская культура представляет собой самостоятельную концентру, ибо, во-первых, в ней проходит и «обрабатывается» русским самосознанием все, что сосредоточено в других концентрах, во-вторых, русская культура сама по себе, являясь формой откровения русского самосознания, раскрывает и определяет реальности, скрытые в исторической и Вечной России. Русская культура, следо-

вательно, особая концентрация, высшая цель которой — познание Вечной России в целом и которая по отношению к исторической России играет роль ее свободного духовного светильника, не скованного никакими догмами.

Конечно, русская культура содержит в себе и общечеловеческое начало, так же как и сама Россия. Но параллельно с этим существует и ее высший уровень — познание Вечной России, ибо сама идея России, как теперь уже очевидно, выше идеи человечества, хотя на каком-то уровне Россия включает в себя «общечеловеческое».

Понятно, что русские в космическом плане могут быть как людьми будущих манвантар, так и иными существами, чем люди, но заключающими в себе дух Вечной России. Последние по своей сути ближе нам, чем другие люди, живущие сейчас с нами на этой планете.

Как мы уже подчеркивали, в метафизико-космологическом смысле русские, включая и нас, русских, в исторической России, образуют особую космологическую иерархию наряду с другими (богами, ангелами, асурами, человечеством и т.д.), одна из особенностей которой в том, что русские не выделены, насколько пока известно, в какую-то космологически отдельную группу существ (как, например, боги, люди и т.д.), а существуют как вошедшие в некоторые из этих групп и существующие внутри них. Это объясняется тем, что идея Вечной России, особенно «Последних отношений», нуждается в проявлении на разных космологических уровнях бытия⁴⁸. Это не означает, конечно, что русские имеют только облик тех существ, среди которых они воплощены: вне всякого сомнения, им приходится нести и все бремя, и все взлеты этих иерархий.

⁴⁸ Здесь нет возможности объяснять принятую в мировой Метафизической Традиции картину космологических уровней, отличие их друг от друга (высшие ступени занимают духовные реальности по ту сторону всяких форм). Но и они, конечно, несравнимы принципиально с самим Абсолютом и с «существами», осуществившими реализацию Абсолюта и единство с Ним (Богореализацию). Таким образом, вне познания восточного эзотеризма трудно постичь до конца и идею Вечной России.

Более того, их «русскость» (например, что касается человечества) в определенный период или просто среди тех или иных индивидуумов может быть настолько не проявлена, затемнена, что «общечеловеческое» в них, как это ни печально, может почти полностью вытеснить «русское».

Только в этом (метафизическом ключе) надо понимать известное выражение, что русские как люди еще далеко не познали собственной Души.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что «общечеловеческое» и «русское» могут вполне нормально сосуществовать и «общечеловеческое» необходимо не только как «база» для проявления «русскости», но и как самостоятельное параллельное начало (на определенном уровне).

Эти же начала (общечеловеческое и русское) сохраняет и русская культура. Лучший пример этому — великая русская литература, сочетающая в себе два этих начала. Ведомая гением Достоевского⁴⁹, величайшим мировым писателем, она уходит в сферы общечеловеческие тоже, но не исключено, что в будущем появится литературное течение, для которого общечеловеческое явится только опорой для выхода в чистую «русскость».

В будущем для русской культуры, я думаю, очень важно, наряду с литературой и высшей музыкой, создание глубочайшей метафизики и философии, в которой был бы отражен и конкретизирован поиск Вечной России со всеми невероятными сопутствующими этому поиску течениями и практикой. Нам не

⁴⁹ Небезынтересно, что величайшими мировыми писателями являются именно русские, Достоевский и Толстой, в то время как величайшие драматурги мира — Софокл и Шекспир, поэты — Гомер и Данте. Это связано с тем, что именно в прозе сейчас может быть лучше всего выражено это сочетание «общечеловеческого» и «русского», а также именно в ней лучше всего проявляются все грани философичности и метафизики, что очень важно для русской культуры.

Гений Есенина, наоборот, представляет собой случай, когда «русское» полностью довлеет над «общечеловеческим», поэтому именно в сфере «русскости» Есенин является величайшим поэтом России (и, пожалуй, Блок). Но, несомненно, «русскость» проявлена в нашей литературе и поэзии еще далеко не во всех своих возможностях.

хватает русского самопознания, которое, естественно, может включать в себя и общечеловеческие аспекты. Россия в будущем может быть понята как «страна», непрерывно расширяющаяся духовно, подобно тому, как ранее она расширялась территориально. Она, по словам Валентина Провоторова, как будто все время меняет кожу. Но даже ее старые формы обладают способностью к расширению или углублению.

Понятно теперь, почему внезапно даже у русских людей возникал страх перед Россией, непомерный страх. Это происходило не только по социальным причинам, причины гораздо глубже. Действительно, трудно быть русским (в полном смысле этого слова), ибо трудно человеку вместить то, что вмещает Россия. Отсюда этот страх перед русской нирваной, перед русскими просторами (В. Розанов). Страх перед русской «апокалиптичностью», а ее много в России, ибо эта «апокалиптичность» просто фиксирует «разрывы» в русской истории и в русском сознании, хаос, выход непредсказуемости на арену истории, тайную подготовку к внезапным переменам, «саморазрушение и самоспасение» (Достоевский), русскую литературу как литературу Конца (но не конца России).

Отметим еще страх перед русской «неподвижностью» и «внезапным динамизмом», страх перед страданием. Все это по-человечески понятно, но не по-русски. По-русски любовь (в данном случае к России) побеждает страх (если он есть). Но чаще всего ведь его нет, а есть любовь и тайное влечение к Безднам России, восхищение ими и головокружение от них. И одна из сторон этой любви — влечение к русскому бытию, к бытию вообще. Это означает не только присущую всем любовь к «жизни» (которая всегда есть процесс, изменение, борьба и, как форма бытия, может существовать только во времени), но и любовь к тому, что «я есть», любовь к тому, чтобы «быть» во всей многозначности и постоянстве, во всех внутренних возможностях, во всей потенции к вечности. Бытие, естественно, выше и шире «жизни», которая есть лишь одно из его проявлений.

Но русское бытие отмечено чертами «второй реальности», обращенности на себя, странного нарциссизма (влюбленности в свое бытие), но с «разрывами» и «провалами»; жалости к тому, что «пришло отцвесть и умереть»; лишенности и в то же время веры в свою самоценность, переходящую иногда в солипсизм; интереса и к себе, и к запредельному; незаметного, но повседневного и естественного сюрреализма. Русское бытие есть фактически полное отрицание всего того, что является основным в западной жизни. Оно может быть истолковано на уровне мистического национального экзистенциализма, русского экзистенциализма (без всех этих вывертов обычно-человеческого отчаяния и одиночества, составляющих альфу и омегу западного экзистенциализма) со всеми его видимыми и невидимыми пластами. С гениальной силой один из внутренних пластов этого бытия выражен в «Котловане» Платонова; пласт, который идет там подтекстом, в который можно проникнуть, только осознавая смысл платоновского языка. Платонов — пример невиданной гениальности, основанной целиком на «русскости». Надо понять Россию и в этом измерении как бытие, как поле бытия по ту сторону интеллектуализма, религии, социальных ценностей, борьбы, что влечет за собой понимание бытия, русского бытия как особой автономной ценности. И, исходя из этого, возможно идти дальше в глубь русского бытия, к его целостному познанию, в том числе и к познанию его тайной радости⁵⁰.

Постепенно становится понятным, что историческая Россия является носительницей некоего национально-космического центризма. «Посредник» (Россия) в этом звене (Абсолют — Россия — Бездна вне Абсолюта) выполняет не только функцию «контакта» между Абсолютом и Бездной вне Его, но и становит-

⁵⁰ Совершенно очевидно, что, несмотря на драматизм, страдания, тоску, разрывы и т.д. (а может быть, частично и благодаря им), в русском бытии содержится невероятно мощный заряд утверждения, это некое интегральное и в то же время особое, парадоксальное бытие. Все это вполне объяснимо и метафизически: Россия должна всегда быть, чтобы выполнять свою миссию и раскрывать свою неисчерпаемость.

ся самостоятельным третьим метафизическим Началом, одно из проявлений которого в некотором «объединении» невозможно: в своей крайней форме — того, что «есть», и того, чего «нет».

Поэтому Россию, скорее, можно определить не как «Посредника», а именно как третье метафизическое Начало. И по самому большому счету России действительно необходимо «вечно быть» (в проявленном состоянии), чтобы исполнять весь комплекс своих высших предназначений. В конце концов, если рассмотреть эту ситуацию только «с точки зрения» исторической России, то мы приходим к неизбежному выводу о присутствии в России глубинного и мощного течения — метафизического патриотизма или даже метафизического национализма, который (если не считать самого слова) не имеет ничего общего с обычным национализмом, столь широко распространенным на нашей планете.

Отсюда вытекает и тот русский «сверхъестественный патриотизм», который, часто будучи скрытым, вдруг взрывным путем выходит на поверхность и спасает Россию от смертельных врагов и неожиданных кошмарных обстоятельств, тот «сверхъестественный патриотизм», который в сфере внутренней, духовной является выражением не только ошеломляющей любви к России, но и тайной веры в нее.

Эта тайная вера пока не раскрыта полностью, но причина ее существования лежит именно в предвидении великой сущности России, в конце концов, в предвидении реальности Космологической и Вечной России. Эта вера, конечно, не является религиозной, поскольку это не вера в Бога, но эта «национальная вера» может существовать параллельно религиозной, идеально сосуществуя с ней. Эта «национальная вера» ни в коем случае не может быть «подменной» религиозной: вера в Бога абсолютно необходима для людей и не может быть заменена ничем. (Это должно быть совершенно ясным.) Но «национальная вера» (о которой идет здесь речь) имеет совсем другую направленность, другой «предмет» и другой смысл. Поэтому она может существовать, не «мешая» религиозной вере. Весьма условно это можно сравнить,

скажем, с верой отдельного человека в свое особое предназначение, в свой гений, с его же верой в Бога, что представляет собой совершенно разные, но совместимые «явления».

Вера в Вечную Россию и в сверхназначение исторической России (взятое в их единстве) может вывести «нашу» Россию к необычайному духовному взрыву, а «культура взрыва» — явление, свойственное России. Но такой «взрыв» может только укрепить историческую Россию.

В конечном итоге метафизический «национализм» — это то, что может поставить Россию над миром, и если «мир» идет к гибели, то это не должно быть участью России...

Теперь надо рассмотреть проблему «Русской Души». В ней два аспекта: общечеловеческий и русский. Начнем с первого. Наконец пришло время полной реабилитации понятия «человеческий», которое раньше мы употребляли в несколько презрительном значении, имея в виду «современное человечество» или даже «человечество Кали-юги». Человеческая Душа, ее великий Архетип имеют с этим мало общего. Человеческая Душа, или Трансцендентный Человек, Вечный Человек, — это, по существу, Первообраз Человека как он есть в Боге. Это его идеальная Душа, Вечный Архетип, который нисходит в мир, разделяясь на космологические архетипы человека, и, наконец, «уменьшаясь», воплощается в конкретного человека. Но практически это означает, что каждый человек (включая, естественно, людей Кали-юги, то есть нас), по крайней мере, потенциально обладает такой душой, но именно человек. То, что сейчас представляет собой «душа» человека, — лишь слабый отблеск Души Вечно-го Человека. Однако виртуально эта Душа есть у каждого, но человек в мире просто не знает об этом, не знает, что обладает таким сокровищем, по сравнению с которым весь так называемый «мир» — просто маленький аспект его же собственной Души.

В Метафизической Традиции существует три доктрины о соотношении между Человеческой Душой и Богом: 1) человек — образ и подобие Божие (в большинстве религий, что ка-

сается метафизики, например, в индуистской дуалистической Веданте); 2) человеческая душа почти тождественна Богу (например, учение Романуджи) в Веданте; 3) человеческая душа полностью тождественна Богу (конечно, речь идет только о Божественном, скрытом центре души). Это чистый недуализм Веданты, основанный на Великом Тождестве.

Но понятно, что во всех вышеназванных случаях Человеческая Душа понимается как исключительное, высочайшее состояние, в принципе, гораздо более высокое, чем «ангелическое», например. Однако следует ясно представлять себе, что речь здесь идет об Архетипе Человеческой Души (а не об индивидуальной душе того или иного человека, который этим Архетипом «владеет» только потенциально, если, конечно, он не реализовал Его). Надо четко осознать ту дистанцию, которая лежит между Трансцендентным Человеком и конкретным человеком, между высшим Я и индивидуальным «эго».

Здесь нет возможности далее касаться этой темы⁵¹, отметим только, что такое положение или состояние (как в случае Человеческой Души) по отношению к Богу называется в традиционной метафизике Центральным, и оно предполагает наибольшую (по разным причинам) возможность Богореализации (или реализации Абсолюта) исходя из этого состояния. Потеря такой уникальной возможности, так же как и потеря других, более скромных возможностей (например, так называемого «райского состояния»), заложенных в Архетипе Человеческой Души, — и есть, собственно, то, что в религиозных традициях обозначается как «гибель души».

Но даже крайняя форма такой гибели не означает «вечный конец» или «вечный ад» — такого не существует вообще. Данное

⁵¹ Более подробно см. Мамлеев Ю. «Судьба бытия». Unio Mistica. М.: Terra, 1997 или Рене Генов, «Становление Человека согласно Веданте» — глубочайшая и самая сложная работа одного из величайших метафизиков мира (русского перевода пока нет. См. английское или французское издание).

существо продолжает цепь существований в экстремальных случаях, весьма низших и иногда связанных с очень длительными, «вековыми», до конца космического цикла, страданиями.

Но, в конце концов, после определенных изменений, опять возникает возможность попасть в Центральное положение — уже не связанное с «человечеством»: достаточно взглянуть на бесконечное звездное небо, чтобы понять, что «человек» занимает исключительно центральное положение только в своей системе (и в ее «невидимых» срезах) и что неизбежно существуют иные варианты центрального положения (включая Богореализацию, то есть «возвращение к Истоку») в иных мирах, наряду с вариантом опять «пропустить» эту уникальную возможность и уйти в низшие состояния.

Все, что здесь сказано о человеке, разумеется, относится и к нам, русским людям. Но в нашей душе есть «аспект» (или «состояние») Русской Души. Одно не противоречит другому. Наконец, если угодно, у нас две души: общечеловеческая и русская. Они, конечно, находятся в сочетании, в некоем «единстве» друг с другом. Что здесь имеется в виду под «Русской Душой»?

Русская Душа — это микрокосм Вечной России, вместилище Вечной России на уровне человека (ибо сейчас мы говорим только о нашей «человеческой» Русской Душе, а не о том, как Вечная Россия отражается на уровне других русских существ в иных мирах).

Это означает, что все, что относилось к Вечной России, относится и к Русской Душе при условии перевода метафизических качеств России на уровень так называемого микрокосма.

Разумеется, существует некий Архетип Русской Души, который фактически является «аналогом» или «образом» Вечной России (включая ее «Последние отношения»).

Этот Архетип Русской Души нисходит в мир (как и Архетип Человеческой Души), но имеет при этом возможность воплощаться в разные категории существ — о чем мы уже упоминали, говоря о различных вариантах Космологической России.

Такой Архетип, разделяясь таким образом, образует и наш человеческий архетип Русской Души, которую для краткости мы и будем называть Русской Душой. В более широком смысле понятие «Русская Душа» (в человеке) соотносится не только с нашей исторической Россией, но и с возможными манвантарическими Россиями, то есть с Россией (или Россиями) будущих космических циклов человечества, Россией будущих манвантар, будущих человечеств.

Но сейчас мы остановимся на Русской Душе в нашей «исторической» России. Разумеется, она может в весьма разной степени воплощаться в различных русских людях, может даже в столь малой степени, что такой человек почти перестает быть «русским» в подлинном метафизическом значении этого слова. В то же время могут быть случаи воплощения Русской Души среди «иностранцев», не говоря уже о ее воплощении в людях даже совершенно не русского происхождения, но которые родились в России и живут в ее культуре, любят ее и т.д. Но очевидно, что основным полем воплощения Русской Души является великая русская нация.

Главные метафизические качества Русской Души соответствуют качествам самой России (переведенным на уровень «души», «микрокосма»), поэтому мы не будем здесь повторять то, о чем мы писали выше. Отметим только, что мы оставим здесь в стороне сложнейшую проблему сочетания высших задач человеческой души (единство с Богом) и Русской Души (быть Посредником (или «третьим Началом») между Богом и Запредельной Бездной). Все это и другие сложнейшие вопросы требуют рассмотрения в специальных текстах.

Ясно только, что многое зависит от соотношения между «человеческим» и «русским» началом в той или иной конкретной душе. Сочетание этих двух начал может быть, как это ни странно, вполне гармоничным и совершенным. Так как Русская Душа в своем высшем проявлении — Посредник (или, точнее, третье Начало) между Богом и Запредельной Бездной, то она, прежде

всего, должна обрести «единство» с Богом или «приближение» к Нему. Все это полностью соответствует высшим задачам человеческой души. Разница состоит в том, что в определенный «момент» Русская Душа должна «отойти немного в сторону», образуя «Третье начало». Все это возможно, конечно, только в том случае, если она в состоянии была еще раньше осуществления или реализации своего единства с Богом вступить, выражаясь парадоксальным языком, в некоторый, хотя бы самый отдаленный, «контакт» с Запредельной Бездной. (Только тогда она может быть этим Посредником, или «третьим Началом».) Но возможность такого «контакта» определена метафизической сущностью Вечной России (или Высшего Архетипа Русской Души), ее сутью или «свойствами», о которых мы писали ранее.

Таким образом, существует возможность реализации как высшего уровня Русской Души, так и высшего уровня человеческой души. Различие состоит в том, что человеческая душа не идет «дальше» (если так можно парадоксально выразиться) единства с Богом, дальше Богореализации.

Если высшечеловеческое в том или ином русском человеке «побеждает» высшерусское, то такой человек остается (если он достигает, конечно, такого уровня) в сфере единства с Богом. В другом случае, когда преобладает высшерусское начало, он, обретая единство с Богом (но такое, которое не «абсорбировало» бы его целиком), имеет возможность идти «дальше» (или «в сторону», как угодно), образуя реальность «третьего Начала», или Великого Посредника, между Бездной и Богом. При другом осуществлении, когда человек продолжает свой путь в сансаре (в космосе) — что обычно и происходит, — опять-таки все зависит от преобладания в нем того или иного начала или стремления (общечеловеческого или русского, или равновесия их). Если преобладает все-таки метафизически русское, то он продолжает свой путь как непостижимо и неповторимо русское существо в России будущих человечеств, сохраняя внутри себя и возможности Неба, и возможности Бездны, и все иные возможности таинственной Русской Души и ее

концентр. Если нет — он продолжает существование лишь как человек (в новых манвантарах) — это означает, что для него сохраняются только возможности Неба (речь идет, конечно, о высших вариантах бытия человека). Если же душа данного человека идет вниз, в низшие состояния — то для него теряются как русские, так и человеческие возможности. И здесь мы отметим один важный момент. Русская Душа — в силу самой своей сути — может воплощаться только в действительно высоких существах — таких, например, как люди или боги. Это, впрочем, вполне понятно, так как высшая реализация Русской Души предполагает определенный контакт или единство с Богом в качестве Великого Посредника (а более точно — третьего Начала) между Богом и Запретельной Бездной.

Отсюда очевидно, что Русская Душа не может воплотиться, например, среди демонов — это бы противоречило ее сути, она не смогла бы среди них осуществить Себя. Надо бы при этом ясно представлять, что суть дьявола заключается в абсолютном «консерватизме», то есть в самосохранении себя на уровне достигнутого, на уровне абсолютного и беспощадного «сверхэгоизма» (и нежелании какой-либо жертвы), в ненависти к подлинно Духовному движению вверх, ко всему трансцендентному, к Богу, к Абсолюту, поскольку дьявол рассматривает такое движение вверх как саморазрушение. Он старается таким образом разрушить (и «подменить») все, что имеет отношение к Небу, и сохранить все, что удовлетворяет его абсолютный всепоглощающий эгоизм. Это, следовательно, ложно понятая любовь к себе, происходящая от избытка власти и одностороннего бытия, в отличие от истинной любви к себе, которая определена для человека его связью (как образом и подобием Божьим) со своим естественным Отцом, Богом, от которого исходит Бытие.

Что касается воплощения Русской Души среди так называемых богов — то такое вполне возможно, поскольку для богов (то есть высших духовных иерархий) доступна реализация Абсолюта, Бога в Самом Себе, но препятствие заключается в том, что

они являются слишком самодостаточными существами, с космической продолжительностью жизни (они — «бессмертные», но только относительно) и поэтому хотя их жизнь согласуется с волей Единого Бога (в отличие от демонов), но она сама по себе настолько полна бытия, духовности, наслаждения и счастья, непредставимого для человека, что у них нет стремления какого-либо выхода за свои пределы, в частности, желания той же реализации Абсолюта или дальнейшего приближения к Нему, хотя, в принципе, это в пределах их возможностей. (Тем более маловероятно их стремление к «познанию» Запредельной Бездны.) Поэтому считается, что именно человек, во всей своей парадоксальной ситуации («подобие Божие» и одновременно жалкое тело, смехотворно короткая жизнь, убожество физического существования), обладает наибольшими импульсами и стремлениями покончить с бытием в сансаре и реализовать себя в абсолютной Вечности.

Поэтому если есть русские боги — то тем более они должны нести в себе великое бремя русской бездонной антиномичности. Это должны быть «особые» боги, и вполне вероятно, что они есть. Возможно также, что некоторые русские люди, которым уготована судьба так называемого высшего рождения, воплотятся именно среди этих русских богов. Что касается иных систем и миров, то здесь опять-таки Русская Душа в силу своей сути (познать и Бога, и Запредельную Бездну, и абсолютную Полноту, и абсолютную Лишенность) должна воплощаться среди аналогов (разумеется, в духовном смысле) такой парадоксальной иерархии, как человечество. (Недаром в традиционной метафизике подчеркивается, что на нашей планете, на Земле, испытываются варианты других миров.)

Впрочем, наши знания здесь ограничены, но думаю даже, что вполне возможно воплощение Русской Души в существах, духовная ситуация которых очень отдаленно напоминает человеческую, но которые, тем не менее, в каком-то ином плане воплощают русскую идею.

Но вернемся к нашей исторической России. Не будем, как мы уже говорили, возвращаться к метафизическим качествам Русской Души — поскольку она на уровне микрокосма отражает качества России⁵².

Поэтому начнем с того, что духовно каждому русскому человеку необходимо отождествление себя с Россией, воссоздание великой внутренней России в своей душе. Вместе с тем для конкретного русского человека в России есть то, что еще не воплощено в его душе, то, что, оставаясь родным, пребывает в далекой дали, в неизвестности, и потому тревожит, «как слезы первые любви». Отсюда и гениальное волошинское:

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

Таким образом, для русского человека важно познать и свое бытие, и бытие России «одновременно», и из этих же глубин исходит молниеподобное выражение: «Если будет Россия, значит, буду и я».

Русское Я, такое же, как и сама Россия, — великое, бездонное, выходящее за пределы всех учений, всеохватывающее и несущее тайну в себе. Даже в самом «обычном» человеке существует какой-то «аспект» его воплощения, или неуловимое духовное «ядро», или просто «отблеск» этого Я. Конечно, существуют разные степени воплощения Русской Души в тех или иных русских людях, но на самом деле эта степень не зависит ни от образования, ни от социального класса — дух дышит, где хочет. Ее пол-

⁵² Женственный аспект Русской Души необыкновенно важен и глубинен также. Он заслуживает особого рассмотрения, выходящего за рамки этой книги. Но здесь заметим, что русская женщина, обладая всеми качествами Русской Души, вносит в жизнь такую невиданную стихию сострадания и милосердия, без которой исторической России трудно было бы выдержать все те испытания, которые обрушиваются на нее.

ное воплощение — случай на грани чуда, это равносильно воплощению Трансцендентного человека.

Тем не менее в каком-то смысле действительно можно говорить о том, что русские еще не познали собственной Души. Но даже частичное ее воплощение, причастность хотя бы к одной из концентр России несет в себе зерна непредсказуемых, экстраординарных последствий. Уже это может превратить человека в несколько другое существо, чем «просто человек». И присутствие где-то в крайней глубине непознанной, непроявленной еще Русской Души, пусть и пребывающей в безмолвии, все равно оказывает невольное и сокровенное, скрыто-таинственное воздействие на человека, непостижимое уму.

В сущности, и «капля» Русской Души в человеке превращает его в потенциального адепта России, ибо в капле отражается Целое, если даже эта «капля» не вся познана и скрыта внутри души. Она откроется все равно — ибо впереди Вечность. «Страшный простор» все равно остается и в России, и в Русской Душе. Мистическое единство России и Русской Души, любовь к внутренней России в сознании человека могут привести к неожиданным, но Великим последствиям...

Кроме того, несмотря на все чисто эгоистические человеческие препятствия, русские люди склонны к высшему объединению. Но, на наш взгляд, тайна единства русских людей еще не раскрыта, более того — она не проявлена полностью, даже во многом скрыта. Ее нужно раскрыть в будущем, ибо от этого многое зависит. Это, видимо, особое единство, основанное на внутренней России, мистическое, глубинное единение, благодаря которому тот или иной человек относится к другим русским людям как к частице своей Родины. Та внутренняя Россия, которая есть во мне, есть и в других русских людях. Следовательно, я могу любить их так же, как люблю Россию и себя самого. Именно такая великая любовь между русскими людьми, любовь, преодолевающая злобу и тупость эгоизма и соперничества, может преобразить нашу жизнь.

Любить русского человека — значит видеть в нем свое, собственные бездны, свою Русскую Душу, свое родное «я». Это может породить необыкновенное родство, охватывающее всю нацию, весь народ, это даже больше чем семья. Все человеческие различия, политические убеждения, конфликты рассеиваются при этом, как смертный дым. (Русский «правый» может любить русского «левого», и наоборот, ибо национальное единство и любовь выше всего, и эта любовь может превратить в ничтожество все, что нас разделяет, при условии, что в каждом из противостоящих людей или сил зажжется свет любви к России и в своем «сопернике» он увидит тот же свет, ту же душу, ту же «калитку осеннего сада»).

И не только родство, но и тайна, последняя тайна. Все невероятные стороны, противоречия, концентры, внутренние просторы, изгибы Русской Души заключены не только в тебе, но и в другом и в других. Пусть в разной форме, разными гранями — тем интересней и притягательней. Свою Собственную загадку и тайну ты можешь найти в другом и в других, ибо у вас душа одной природы.

На этом, очевидно, и основана вся «магия» и притягательность русского общения (и так называемого раскрытия душ). Общение в этом случае становится формой самопознания и любви. Ведь каждый русский человек — носитель русской тайны, родной тайны. Общение превращается в мистериальный акт, раскрывающий все невиданные уголки и стороны Русской Души.

Все негативное может быть подавлено радостью невероятного мистического родства, присутствующего в самом русском воздухе, родства, разрывающего все стенки и метастазы индивидуализма и охватывающего самую внутреннюю суть людей.

Загляните в глаза русского человека — и вы увидите там себя, но не только себя, а может, и то, что вы еще не знаете о себе. Русские глаза настолько выразительны, что и во время молчания, в метро, на улице, они могут сказать вам больше, чем пуды диссертаций и трактатов. В них бывает выражение какой-то со-

кровенной русскости, трудно объяснимой умом, но такое выражение, такой взгляд поражает, и он встречается нередко⁵³.

Впрочем, и вид Блока говорил сам за себя: «Лицо, озаренное из глубины светом бледно-зеленоватых, с оттенком северного неба, глаз... Волосы слегка вьющиеся... светло-орехового оттенка... нос прямой, крупный... очертания рта твердые и нежные — и в уголках его едва заметные в то время складки... Взгляд... остро и глубоко западающий в душу» (А. Блок в воспоминаниях современников, Т. 1, М.: Художественная литература, 1980).

Россия — Родина, но и больше чем Родина. Это сочетание родного и запредельного, бесконечного, уносящего человека за предел самого себя образует ту потрясающую музыку родства и священного трепета перед Россией, которая звучит в некоторых русских песнях и русской музыке вообще. И в то же время — в русском человеке можно увидеть хотя бы частицу того «духовного пространства», которое мы называем Космологической Россией. В глубине, в тайне, в открытых еще безднах можно видеть в других русских своих сопутников после смерти, своих родственных по тайне существ, бездноносителей, которые, возможно, будут сопровождать тебя не просто в других мирах, но именно в высшей России, в проекциях космологической России, в таких русских запредельно-метафизических пространствах, в которых разрешается то, что недоступно уму, но то, что составляет твою собственную внутреннюю суть. Или это может быть в более спокойных формах России, где можно очнуться от бесконечного потока вселенского времени с его провалами.

Но способность видеть в русских людях не только своих соотечественников и родных, но и сопутников по мирам Вечной России, сопутников по Вечности, космологических и метафизических

⁵³ Таковы были, например, глаза Есенина и глаза Блока. О глазах Блока, кстати, некоторые современники писали, что «они очень русские», и само это выражение «очень русские» внезапно поражает сердце; при всей его «необъяснимости» (что, собственно, имеется в виду?) оно мгновенно отражает какую-то истину, от которой сжимается сердце и по всему существу проходит неизъяснимый трепет.

братьев и сестер заставляет по-иному взглянуть и на них, и на Россию, и на наше положение в мире, и, в конце концов, на себя...

...Историческая Россия выдерживала все испытания еще и потому, что даже в самые тяжелые годы нашествий и смуты она никогда не теряла своей «русскости», своей сути...

Но в любом случае сама Метафизическая Россия является гарантом вечности России и Россией, в которых могут воплощаться и те души русских людей на этой земле, которые в конечном итоге пойдут по пути сочетания единства с Абсолютом и единства с Россией.

Русскому человеку, таким образом, самим Богом дана возможность идти к невероятным реалиям и целям, и для него чем цель запредельней, тем она реальней и желанней.

Слава России и ее непостижимости!

Великая Россия

М как как учение о России Вечной относится, прежде всего, к духовной реальности, то в каком бы положении ни находилась наша «земная» Россия, эта доктрина всегда действенна в ней, ибо отражает, на наш взгляд, сам дух, саму суть России и ее аналогов во всем мироздании. Но зададим себе более чем актуальный вопрос: что происходит в современной России (2010 года) и каким хотелось бы видеть ее более или менее ближайшее будущее? Относительно ситуации в современной России ответ однозначен: она очень сложная и опасная. Это очевидно. Как же выйти из этого положения? Сейчас, когда пишется эта статья, 2010 год. Впереди — время больших неожиданностей, глобальных перемен и опасностей (во всем мире). Те задачи по выходу из той ловушки, в которую попала Россия, общеизвестны, они поставлены. Время покажет, можно ли их решить наиболее безболезненным путем, но решить их надо. На карту поставлена наша жизнь и наша смерть. Из них, с нашей точки зрения, наиболее важные проблемы следующие (хотя, в конце концов, все они важные): во-первых, демографическая проблема и сохранение здоровья народа, во-вторых, сохранение суверенитета страны (что невозможно без принципа абсолютной обороноспособности, но не только). Надо отметить, что если в многонациональной стране государствообразующий народ оказывается в меньшинстве и упадке, то распад страны, со всеми его последствиями, практически неизбежен. Относительно суве-

ренитета заметим, что это широкое и глобальное понятие включает в себя, естественно, не только гарантированную обороноспособность (без чего, впрочем, никакое будущее для нас невозможно), но и все формы национальной безопасности в иных направлениях (от политической до экономической и т.д.), в том числе и духовно-культурологическую безопасность (если так можно выразиться). Под этим термином имеется в виду сохранение исторической преемственности, культуры, ментальности, духа России. Обобщенно говоря, речь идет о культуре (и о внутренней культуре тоже) — ибо именно через это страна выражает свою душу, свою особенность, свой дух, свою сущность и независимость. Разрушение собственной культуры фактически означает гибель и ассимиляцию любого народа.

Все эти задачи, стоящие перед Россией, настолько огромны (от социальных до духовных), что на руководстве страны лежит огромная ответственность за судьбу России и миллионов людей. Вместе с тем любая попытка смены власти путем «революции» или бунта и т.п. — смертоносна, ибо неизбежно приведет к разрушению государства, и плодами этого воспользуются силы, враждебные России, умеющие ловко манипулировать недовольством масс и использовать это недовольство для закабаления самих этих масс или разрушения страны. Так уже было в 1917 году, когда отречение Николая II привело к развалу государства, страшной Гражданской войне, разрухе и гибели миллионов людей.

Необходимо подчеркнуть, что без сильного государства как такового решение того комплекса задач, которые стоят перед страной, невозможно. Под сильным государством имеется в виду демократическое государство, способное решить те насущные проблемы, которые стоят перед страной. Никто, кроме государства, не может их решить. Государство как таковое не может быть идеальным, оно может быть и плохим, но бессильное государство, безвластие, двоевластие означают смерть.

Поэтому для сохранения хотя бы минимума стабильности необходимо установление контакта и доверия между государством и народом. Государство обязано чувствовать настроение на-

рода, тех или иных слоев его, понимать, в чем причины страхов и недовольства, и идти навстречу своим гражданам, по возможности объяснять им причины того, почему в данный момент невозможно устранение тех или иных трудностей. Короче говоря, необходимо, как воздух, доверие между государством и народом, доверие, которое основано на правде. Тогда народ поймет, что государство защищает его интересы.

Общая ситуация усложняется еще и тем, что, по-видимому, в ближайшее время (а по большому счету в течение этого столетия) могут произойти настолько глобальные перемены в мире (в разных направлениях), что от быстрой и правильной реакции на них и их оценки в значительной мере будет зависеть судьба страны. Но если России удастся выйти из этой исторической западни и решить поставленные задачи, то тогда можно будет говорить о построении того, что мы называем «Великой Россией». Что имеется в виду, каковы ее черты?

1. Россия является миролюбивым демократическим государством, заинтересованным в поддержании стабильности и мира.
2. Россия обладает всеми необходимыми средствами для защиты страны и своих естественных национальных интересов.
3. Экономика страны носит социально ориентированный характер.

Это должна быть мощная, развитая экономика, отвечающая требованиям века и обеспечивающая социально гарантированную защиту населения и достойный уровень жизни. Иными словами, это должно быть общество социальной солидарности и социальной ориентированности.

4. В силу особенностей своего исторического развития Россия образует свою собственную самобытную цивилизацию наряду с такими цивилизациями, как китайская, индийская, западная, исламская.

Это важнейшее положение, образующее суть идеи Великой России, нуждается в подробном изложении, выходящем за пределы этой статьи. Но эта проблема достаточно подробно изложе-

на мной в книге «Россия Вечная» и в других работах, тем более касающихся духовного облика России и русского человека, иерархии ценностей, культуры, религии — всего того, что формирует человека и историческую миссию страны.

Можно иметь практически одинаковый политический строй (сравните современную Индию и западные страны; политические системы там одного плана), но разные цивилизации, ибо различие цивилизаций образует различие культур, религий, формирований человека, его исторической памяти, ментальности народа, исторических устоев, духовных составляющих и т.д. Одним словом, это сложный комплекс причин.

5. Важнейшим признаком Великой России является мощь ее духовной составляющей.

Обратим внимание на то, что именно народы, создавшие великие духовные ценности (или воспринявшие, углубившие их), обретают обычно долгую жизнь, экстраординарное историческое долголетие. С другой стороны, глубокое погружение в духовную жизнь — истинно русская традиция. Вспомним хотя бы то, что мы создали за короткий срок (XIX — начало XX в.), — величайшую мировую литературу. А ведь искусство, литература — это зеркальное отражение состояния души человека. Поэтому духовная составляющая включает в себя потаенный внутренний мир человека, а не только его проявление в сфере религиозной или в мире художественного творчества. Какой бы ни был упадок в то или иное время, духовное возрождение, которое может проходить в самых различных формах, духовная жизнь вообще неразрывно связаны с самой сутью России. Разумеется, это найдет отражение и в социальной жизни. Думаю, что будут коренным образом пересмотрены, например, учебники по истории России — в сторону углубления и отхода от стандартных черных представлений. Само образование значительно изменится — это неизбежно по причине огромных перемен в науке, геополитике, трактовке исторических событий. Большую роль будет играть религиозное обучение. Изменения в мировоззрении приведут к соприкосновению веры и знания. И многие такие

изменения в разных сферах будут совершенно неожиданными, парадоксальными для человека нашего времени.

6. Государство и народ.

Поставленная цель — Великая Россия, — исходящая из развития лучших сторон российской традиции, несомненно, объединяет государство и народ, что само по себе является огромным достижением. Социальная ориентация, несомненно, сгладит классовые противоречия, а характер образования и воспитания, направленный на духовные и нравственные ценности, на человечность и патриотизм, сможет в какой-то мере объединить классы. Естественный патриотизм, если он углублен восприятием русской культуры и истории, становится не только просвещенным патриотизмом, но может превратиться в целостное мировоззрение, корни которого лежат как в разуме, так и в сердце. Любовь к родине, к семье, к людям, к народу, к собственной сущности, наконец, может испепелить все тяжелые стороны земной жизни. Эти стороны — объективны, ибо они связаны с характером и особенностями этого мира, в котором мы живем. Поэтому их нельзя уничтожить полностью, но смягчить, в какой-то мере удалить их вполне реально, хотя и нелегко. Преображение общества и человека в каких-то границах — вещь возможная. Возьмите, покопайтесь в источниках и сравните, например, сколько убийств в год происходило в Российской империи в середине XIX века и сколько в 90-х годах XX века, — разница астрономическая. А что касается самоубийств, то тут разница более чем астрономическая, она не поддается исчислению. И двери в русских деревнях в то время не запирались. Так называемые «высокие технологии» не препятствуют полнейшей деградации личности, и несомненно, что когда человек предстоит после смерти перед Богом, то Его интересует именно личность человека, его дух, а все эти технологии, банки, «достижения» для Него не более чем пыль.

Увы, высокий уровень инноваций и технологий необходим в этом мире отнюдь не для комфорта — ибо это палка о двух концах, — а для выживания страны, иначе ее просто раздавят другие государства и силы. Таков закон этого людоедского мира.

7. Отношения между людьми.

Одно замечание: есть два варианта в человеческой истории, два варианта соотношения между земной жизнью и последующей. Один — эта земная жизнь ничего не стоит, она — только подготовка души к жизни вечной. Второй — проблема жизни после смерти, проблема бессмертия человеческой души оттеснена на задний план, ее даже как бы нет. Есть только эта земная жизнь, пусть жалкая и ограниченная, но «мы» сделаем ее замечательной. И сделали: более жестокого и кровавого века, чем двадцатый, трудно себе представить. Это мировоззрение родилось в адском дыму так называемой эпохи просвещения. И просветили: войны, революции, атомные взрывы, лагеря, а главное — животная тупость, духовное одичание, превращение людей в биороботов, считающих, что надо здесь поглощать, хватать любыми средствами все, что возможно, ибо впереди никаких надежд, смерть — конец всему (хотя формально лучше придерживаться порой какой-либо «религии»). Это общество голого чистогана, где в центре — не человек, а презренный металл. Это современное постчеловеческое общество потребления, доллара и т.д. Иными словами — это прямая дорога в ад, без обратного билета.

Есть, однако, надежда, вполне реальная, что эта просвещенная эпоха закончится (ибо ничто не вечно), причем довольно скоро, так как явно грядут в мире глобальные изменения по многим параметрам. Из всех эпох эта — самая худшая, и понятно, почему: она убивает человека, его суть, она явным образом противоречит замыслу Божьему о человеке, она окарикатурировала и исказила даже религию (до православия, слава Богу, не добрались). Но и возвращение к средневековому воззрению на земную жизнь немислимо, этот исторический путь пройден. Наше тысячелетие открывает другую возможность: сбалансированной совместимости интереса к земной жизни с задачами духовного развития.

Здесь следует отметить, что эпоха третьего тысячелетия — это эпоха знания, причем такого, которое выйдет далеко за пределы примитивных и наивных представлений материализма, ко-

торый в разных, часто завуалированных формах и господствует сейчас. Это будет наподобие мировоззренческого шока. Но необходимо также восстановление духовной сути традиционных религий, которая часто принижается и даже обесмысливается.

Впрочем, все это — тема другой работы, чем эта, ибо фактически это касается становления принципиально новой цивилизации. Но мировые изменения неизбежно коснутся и России, поэтому мы вскользь коснулись этой темы.

Вернемся к отношениям между людьми в проекте «Великая Россия». Именно наличие духовной составляющей может изменить отношения между людьми в лучшую сторону, и, конечно, этому будет способствовать социальная ориентация государства. Девизом общества может стать: «Любовь и мудрость». Любовь к человеку, к себе подобным, не так уж трудно воспитать, ибо это естественное чувство. Следует только оговориться, что, согласно православному вероучению, чрезмерное человеколюбие не совсем состоятельно, ибо оно должно сочетаться с любовью к Богу и к образу и подобию Божьему в человеке (т.е. к его высшей, сокровенной духовной сути, сближающей его с Богом)... Когда разрушатся в массах нелепые материалистические представления о человеке (о его происхождении, о том, что его сознание — продукт мозга и не может существовать вне его, в то время как мозг — только средство для проявления сознания, в том числе индивидуального, в физическом мире), то и отношение к человеку будет иным — тем, которое соответствует истине. А истина состоит не в том, чтобы рассматривать человека как бессмысленное (по большому счету) существо, обреченное навсегда исчезнуть после весьма короткой жизни. К тому же, как можно не любить человека, который говорит на том же языке, на котором говорите вы и ваши родители, который с детства читал те же книги, что и вы, те же стихи и в сердце которого бьется та же нежная суть, те же песни, те же воспоминания о лесах и полях России? Мы образуем одну семью.

В заключение несколько последних соображений. Российский народ находится в стабильном, энергетически мощном (когда

нужно) состоянии обычно в тех случаях, когда наличествует сверхценная идея или великая цель. Это факт, факт нашей истории, — прозябание наступает, когда нет великой национальной идеи. Примером наличия такой идеи в русской истории было, например, объединение русских земель вокруг Москвы и создание единого государства. И, наконец, при царизме: православие, самодержавие и народность (Бог, царь и Отечество). Вероучение о богоизбранности христиан, тем более православных, сохранивших верность ортодоксальному христианству, о царе как о помазаннике Божьем, ответственном перед Богом за весь народ, — эти и другие положения христианской веры хорошо известны. На этом держалась и Святая Русь, и Российская империя. Хочется подчеркнуть, что в этой традиции не было и тени негативного отношения к другим народам. Насильственное обращение в православие, в отличие от католического опыта, было запрещено. В принципе, в другой форме дружественные отношения к иным народам сохранились и в XX веке.

И если бы не чудовищная бойня Первой мировой войны за передел мира, в которую Россия была втянута недостаточно подготовленной, никакой революции в России бы не было⁵⁴ и развитие пошло бы эволюционным путем и быстро превратило бы Россию в одну из самых процветающих и могущественных стран мира, что подтверждалось прогнозами и статистическими данными.

После всех бурь и крови XX века, после изменения мировоззрения в пользу материализма, религия оттеснена в совре-

⁵⁴ При всем том следует отметить, что одно дело — большевистский переворот 1917 года, совершенный вопреки воле народа, ясно выраженной на выборах в Учредительное собрание, где большевики оказались в меньшинстве, и последствия красного террора, разрушение страны, другое дело — Советский Союз как страна с его народом. Победа над фашистским чудовищем, имевшим в своем распоряжении всю континентальную Европу, победа, одержанная вопреки всем негативам коммунистического режима, говорит сама за себя, так же, как и последующие достижения Советской страны и ее народа. Но, наряду с этим, нельзя не видеть очевидность катастрофических провалов, ошибок в политике коммунистической партии, совершившихся из-за полной политической беспомощности и слепоте руководства КПСС развалом и сдачей страны в 90-х годах (притом, что в военно-силовом отношении сохранялся незыблемый паритет США). В 1917 году коммунисты внезапно пришли, разрушив страну, и в 90-х годах внезапно ушли, тоже ее разрушив.

менном мире. Истинная монархия, которая может держаться главным образом на глубокой религиозной основе, невозможна. Большевицкая революция 1917 года тоже выдвинула свою сверхидею. Она известна, и не будем на ней останавливаться. Скажем только, что она носила утопический характер и потому была обречена. Большевики слишком много обещали и потому провалились — быстрее, чем многие ожидали. Главной ошибкой коммунистов в сфере идеологии было их отношение к религии и, следовательно, слом исторической преемственности. Конечно, падению способствовало и крушение надежд на мировую революцию, и экономические причины. Но надо отдать должное: русская революция как необычайное мировое явление повлияла и способствовала национально-освободительному движению в странах третьего мира, их освобождению от западного колониализма. А также эта революция помогла рабочему классу западных стран отстоять свои права и добиться общего социального улучшения жизни на Западе. Буржуазия была вынуждена делиться, и на этом был основан резкий подъем благосостояния народных масс на Западе во второй половине XX века.

Иными словами, Россия сама принесла себя в жертву. Китай, Индия, третий мир, рабочий класс, мелкая буржуазия Запада только выиграли благодаря большевицкой революции. Мы же проиграли, и очень по-крупному. Россия принесла себя в жертву ради других — так не раз говорили мне на Западе.

Но хватит о печальном. Всею душой мы надеемся, что Россия выберется из западни последствий 90-х годов, а она ведь тоже была следствием ошибок советского режима. Одно цепляет другое.

Теперь о доктрине «Великая Россия». Естественно, это идея, которая может претендовать на то, чтобы быть национальной идеей. Рассмотрим ее с этой точки зрения. Прежде всего, все те положения, которые образуют эту доктрину, не являются чем-то необычным; совершенно очевидно, что они коренятся в самой истории и культуре России. Действительно, такой исключитель-

но важный аспект, как духовная составляющая, всегда был историческим признаком России. Периоды упадка в советское время и в 90-е годы легко поддаются объяснению. Это временные явления, причины их — политические и идеологические. Несомненно, что именно России будет под силу восстановить это начало, так свойственное ей по самой ее природе, несмотря на современную мировую деградацию в этом плане. Россия, таким образом, в силу своих особенностей и предназначена быть островом, центром, где духовное начало обретет себя.

Другое важное положение — социальная ориентация, весьма свойственная России, — принимала в разные периоды свойственные им формы (от крестьянской общины до идей социализма). Важно только отметить, что социальная ориентация экономики и общества, по современным понятиям, отнюдь не отменяет частную собственность, капитал и т.д., а придает этой системе человеческое лицо и делает ее способной работать на свою страну и свой народ. Возможно, это некий симбиоз рыночной экономики и демократического социализма.

Даже такое важнейшее определение России как собственной самобытной цивилизации в другой форме и в других словах заявлялось в русской истории, культуре и философии. Какими бы характерными чертами ни отличались эти современные цивилизации (Китай, Индия, Запад, исламский мир), сотрудничество между ними — вполне очевидная вещь, тем более в случае России, когда само ее географическое положение и то предполагает такое тесное сотрудничество в разных сферах. Но само существование этих цивилизаций, включая российскую, основанное на особенностях и различиях в культуре, религии, историческом развитии, психологии народа, его духа и т.д., является очевидным фактом. Определенная глобализация не исключает этого факта, ибо до какой-то степени так называемая глобализация, или некая общность, всегда существовала — к примеру, монархический принцип, частное владение землей и т.д. были распространены везде, от Западной Европы до Китая.

Заключаем: те положения, которые лежат в основе доктрины «Великая Россия», не являются посторонними ей, а коренятся в ее сути. Эта доктрина отсекает только все негативное, что было в истории России, и концентрирует ее лучшие качества. Ее новизна состоит в концентрации и продвижении, развитии этих качеств и их приспособлении к реалиям современного и будущего мира. Естественно, все это отвечает требованиям, предъявляемым к национальной идее как всеобщему принципу. Реализация такой идеи зависит как от воли людей, так и от спонтанного исторического процесса. Это одновременно и процесс, и цель. Как великая цель — это необходимый стимул. Является фактом, что, не имея цели, идеи, великого глубочайшего смысла, русский народ может даже впасть в прострацию.

Что касается процесса, то, прежде всего, как уже говорилось, надо выходить из теперешней западни, из кризиса. Но отдельные черты Великой России могут воплощаться уже сейчас. Зачем ждать? Например, если касаться духовного преображения, культуры. Пусть сначала в это вовлечется меньшинство, потом расширится. Часто именно образованное меньшинство играет решающую роль.

Это одна сторона дела, но с другой стороны, поскольку национальная идея не может быть создана искусственно, а должна вытекать из глубинной сущности данной страны, то она, разумеется, оказывается способной притягивать к себе значительные слои населения, пусть и в несколько облегченной форме. Кроме того, длительность ее воздействия может быть весьма неопределенной и в отдельных случаях длиться тысячелетиями, невзирая на все политические и социальные изменения в стране и обеспечивая тем самым данной стране редкостную стабильность и жизнестойкость. Убедительным примером является учение великого Конфуция, пронизавшее менталитет китайского народа, вне зависимости от всех катаклизмов и перемен. Следует отметить, что для пятитысячелетнего Китая характерно сочетание эзотерической стороны национальной доктрины (даосизм) с экзотери-

ческой, доступной всем (конфуцианство). Благодаря такому сочетанию Китаю удалось достигнуть сохранения своего народа, территории и государства на протяжении тысячелетий. Иметь опору и в Небе, и на земле — это что-то значит. Обратим внимание, что сегодняшний «коммунистический» Китай определяется не марксизмом, а китайским пониманием этого марксизма, которое включает, например, традиционный для Китая отказ от идеи прогресса (при замене его циклической теорией), что полностью, до неузнаваемости, меняет сам марксизм и придает ему китайское имперское содержание. Недаром великий реформатор Китая сказал знаменательную фразу: «Я сначала китаец, а потом уже коммунист».

Наконец, последнее. Когда говорят о возможных глобальных изменениях, катаклизмах (природных, экономических, войнах и т.д.) в более или менее ближайшем будущем, обычно имеется в виду, что все это будет происходить в пределах нашей, современной цивилизации. Но самые кардинальные изменения происходят, когда разрушается одна цивилизация и на смену ей приходит другая, с совершенно иными ценностями и иным духовным и ментальным обликом человека. Так, например, произошло, когда христианство восторжествовало над античной языческой цивилизацией. Или когда возникла современная западная цивилизация, с ее материализмом. Но именно такая радикальная смена цивилизаций, более чем вероятно, осуществится в этом тысячелетии, скорее всего, в его первой половине. Эта смена связана не только с разного рода катаклизмами, но и с неизбежным разрушением тех основ, на которых держится современная, по сути, материалистическая цивилизация голого чистогана. Имеются в виду также и те основы чисто мировоззренческого порядка (представления о человеке и о мире в целом), на которых держится миропонимание в этой цивилизации. Это разрушение господствующих сейчас представлений о мире и человеке будет связано также с неизбежностью глобальных открытий различного порядка в будущем. Но эта тема

выходит за пределы данной статьи, и она изложена в моей работе «Новая цивилизация».

Остается только сказать, что России, конечно, придется столкнуться с этими, мягко говоря, переменами, но по ряду причин это для нее будет только к лучшему, хотя и в этой новой цивилизации, естественно, будут свои минусы. Кроме того, вероятность лучшего для России в этом случае будет определяться выходом из ее теперешнего состояния и таким развитием, которое изложено в доктрине «Великая Россия», по крайней мере, в той ее части, где говорится о духовной составляющей, о суверенитете России и ее самобытности. Тогда глубинная самобытность России и ее духа скоординируется с движением мировой цивилизации, с ее изменением в сторону от этой бездушной цивилизации голого чистогана и бессмысленного материализма, что как раз и соответствует русскому духу и традиции.

И, наконец, «Великая Россия» наиболее подходит (по сравнению с другими вариантами) для проявления и воплощения тех черт и сути России Вечной, которые определены в моей книге «Россия Вечная». При том что Россия Вечная как духовная реальность присутствует и проявляется в той или иной степени в любом варианте существования России, при условии, что эта Россия не потеряет себя, свою собственную суть.

Москва, 2010 год

Россия духа и земли

Желательно все-таки дать некоторые разъяснения, касающиеся определенных моментов в текстах «Россия Вечная» и «Великая Россия». Начнем с того, чем не является доктрина, учение о России Вечной. Оно, это учение, не является:

1. Национализмом, ибо национализм во многих случаях предполагает агрессивное отношение к другим народам, что неприемлемо для нас.

2. Простым патриотизмом, так как доктрина «Россия Вечная» — гораздо более широкое учение (хотя оно и включает в себя патриотизм), в котором исключительно важное значение имеют космологическая и метафизическая составляющие.

3. Религией, что вытекает из самого определения слова «религия».

Тогда как определить это учение в наиболее ясной и доступной терминологии? Пожалуй, наиболее приближенным к истине будет: русская идея как всеобъемлющее мировоззрение, в каких-то аспектах выходящее за пределы земного мира.

Важно отметить, что такое мировоззрение, доктрина России Вечной, проистекает из глубин русской культуры в ее духовном выражении. Чтобы это наглядно показать, достаточно выстроить ряд наиболее значимых в этом отношении стихов великих русских поэтов:

Но люблю тебя, родина кроткая,
А за что — разгадать не могу.

Есенин

И у Лермонтова:

Но я люблю, за что, не знаю сам...
из стихотворения «Родина»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Тютчев

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая.
Дайте родину мою».

Есенин

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

Волошин, «Россия (1915 г.)»

Этот ряд ясно показывает движение русской души, которая открывает в самой себе истину о России. Начинается с констатации глубокой любви к России, носящей немотивированный ха-

ракти. Лермонтов подчеркивает, что он любит Россию не за ее военные победы, например, или за что-либо другое, а без всякой мотивации. Но именно такая любовь наиболее глубинна и постоянна, ибо она не зависит от каких-либо внешних причин. Кроме того, мотивация может лежать настолько глубоко, даже в сфере непознаваемого для человеческого разума, что эту мотивацию невозможно определить или видеть. Знаменитое стихотворение Тютчева дает ключ как к сущности такой мистической любви к России, так и рисует метафизический образ России, России Вечной.

Далее идет по своей сути довольно страшный стих Есенина, философская интерпретация которого может пойти слишком далеко, о чем я и писал в самом тексте «России Вечной». Но, по крайней мере, очевидно, что логическим следствием из этих стихов является то, что в духовной основе России (а следовательно, и русского народа) лежит то, что для нас предстает как некая вселенская, метафизическая тайна. Об этой тайне России писали многие, но в поэзии гениального Александра Блока об этом говорится с потрясающей силой. В конце концов, «и в тайне ты почишь, Русь», то есть Россия, по существу, объята этой тайной, и отсюда вся загадочность ее истории, от самых древнейших, еще не открытых и неведомых времен, до настоящего времени.

Стихи Волошина, написанные в разгар мучительной и роковой Первой мировой войны, сломавшей судьбу России и бросившей ее в революционную бездну, изменившую весь мир, носят уже совершенно драматический характер. В приведенном стихе — беспредельность России, русской души, ее стремление к почти невозможному, неутоленность, отрицание существующего. Последние два четверостишия стихотворения «Россия. 1915 г.» раскрываются так:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

Здесь предельная концентрация важнейших метафизических качеств России и русской души: стремление к запредельному, почти невозможному, неутоленность достигнутым, мистический характер бытия и тоски...

Я привел эти стихи, потому что этот ряд образов и краток, и выразителен. На самом деле огромный океан русскоискательства и русскопознания разлит по всей нашей классике — прозе, поэзии и философии. Отсюда понятны слова Гоголя о неведомой силе, которая притягивает души людей к России, к ее тайне. Я уже не говорю о творчестве Достоевского!

В самом тексте учения о России Вечной подвергаются, конечно, интуитивному и философскому анализу все стороны русской традиции, не только ее литературы. В первооснове этого анализа лежат концепции традиционалистской философии — Веданта, платонизм, древние эзотерические космологии. Здесь важно знать, что расширенное понимание русской идеи и России, по крайней мере до уровня космологического, основано в значительной мере на древнем учении о Слове, творящем миры (или, если говорить о древнекитайской эзотерической традиции, то, согласно Рене Генону, на аналогичном учении о «драконе»).

Таков метод. Дальше он развивается уже в соответствии с собственными выводами (см. Ю. Мамлеев «Судьба бытия», гл. «Последняя доктрина»).

Теперь посмотрим на текст «Великая Россия». Важно отметить, что Великая Россия — это образ, идеал (цель, в конце концов) будущей России на ближайшее историческое время. Вечная Россия, или Россия духа, естественно, в той или иной степени присутствует в любой форме исторической, «земной» России, но воплощение Великой России наиболее отвечает возможно-

сти реализации России Вечной, точнее тех или иных ее аспектов, в ближайшее историческое время и, конечно, в той степени, в какой это вообще достижимо в этом ограниченном мире.

И кроме того, само достижение такой цели, как Великая Россия, концепция которой изложена в этой книге, возможно при условии выхода из того кризисного состояния, в котором находится сейчас Россия, впрочем, как и весь мир.

Все это достаточно ясно изложено в этой книге, в разделе «Великая Россия», где обозначены и раскрыты ее основные черты. Однако хотелось бы подчеркнуть и остановиться на, пожалуй, важнейших ее особенностях, на тех «китах», на которых стоит идея Великой России.

Прежде всего, совершенно очевидно, что если воспринимать доктрину Великой России как цель, то эта цель может быть достигнута, только когда России удастся выйти из того тяжелого и сложного положения, в котором она находится сейчас, в самом начале XXI века. И, наконец, рассматривая эту доктрину, не будем концентрировать внимание на тех ее чертах, которые, в принципе, являются характеристиками любой великой суверенной страны (высокий экономический и технологический уровень, обороноспособность, социальные гарантии, демографический баланс, что особенно важно сейчас для России, продовольственная и лекарственная безопасность, высокий уровень образования и науки)... Мы же остановимся на тех чертах, которые уникальны и образуют особенности этой доктрины.

Начнем с того, что, согласно этой доктрине, Россия является не просто страной, а самостоятельной цивилизацией, в том смысле, в каком являются таковыми, например, китайская, индийская, западная, исламская цивилизации. Первое, что напрашивается, — это то, что Россия образует евразийскую цивилизацию. Но евразийской страной является, например, и Турция, где евразийство принимает уже совершенно иной смысл, чем в России. Если в России идея евразийства основана на центральной и связующей роли русского народа, вокруг которого концентрируются братские евразий-

ские народы, то в Турции, естественно, евразийство принимает отчетливую туранскую направленность. Мы считаем поэтому, что евразийство представляет собой лишь одну из характеристик российской цивилизации, но ее центр лежит не в Евразии как таковой, а в самых глубинах русской истории, религии и культуры, образующих неповторимую уникальность России. Евразийство есть, но оно явно недостаточно. В конце концов, центром любой цивилизации является человек с его отличительными чертами. Нет никаких сомнений в том, что русский человек имеет явные отличительные черты и, особенно в своих глубинах, отличается от человека западной цивилизации (о других и нечего говорить, мы не Запад, и не Восток, и не некая «середина» между ними), тем более сама западная цивилизация сейчас совершенно отошла от своего первоисточника.

Несомненна огромная роль православия в становлении русского человека, и, хотя восточное христианство догматически немногим отличается от западного, — глубочайшее отличие заключается в характере конкретной духовной направленности. Кроме того, сам русский человек в своей первоначальной основе достаточно уникален, и это, как в зеркале, отражено в русской культуре, особенно в литературе. И касается это, естественно, всех людей, независимо от их происхождения, глубоко приобщенных к русской культуре и языку. Русская литература, особенно классика, при всем чисто внешнем сходстве с европейской литературой действительно настолько самобытна, прежде всего, по принципиальным характеристикам ее духовной сути, что ее отличительность именно такая, которая исходит из недр самобытной цивилизации, которой к тому же еще предстоит, если на то будет Божья воля, реализовать себя в полном объеме.

В тексте «Россия Вечная» обо всем этом подробно сказано и раскрыто. Из этого текста, думаю, особенно ясно видно, что Россия образует свой собственный мир, свою «Поднебесную», и не только. Отметим лишь один момент. При всех очевидных различиях есть у нас некое таинственно-глубинное сходство с Индией. Это, конечно, особая тема, но интересно, что многие наши соотечествен-

ники, когда попадают в Индию, чувствуют в ней что-то неуловимо родное, и, во всяком случае, русские встречают в Индии наиболее дружелюбное к себе отношение, по сравнению с другими странами, в том числе по сравнению со многими славянскими странами.

В заключение подчеркнем, что различие цивилизаций, многополярность мира вообще, не означает, разумеется, изоляционизм. Взаимовыгодное сотрудничество при многополярном мире означает мир и благоденствие, вражда — дорогу в ад. Уж на что Поднебесная, при всем ее цивилизационном центрризме, прекрасно и выгодно для себя контактирует со всем миром.

Второй важной отличительной чертой доктрины Великой России является характер и место в ней духовной составляющей. Следовательно, надо начать с религии, а именно с православия. Вообще говоря, без религии, без веры в Бога и в бессмертие человеческой души в особенности (ибо есть религии без веры в бессмертие души, но с верой в Бога и, наоборот, — с верой в это бессмертие, но без веры в Бога), жизнь человека становится реальным абсурдом. Православие России абсолютно необходимо, но и важно, чтобы все его духовные глубины были доступны человеку, а не только, скажем, нравственные основания (любовь к Богу и к человеку).

Следует отметить, что будущее сулит человечеству целый ряд неожиданных и непредсказуемых открытий, в том числе в сфере, относящейся к познанию человека и его связи с невидимыми мирами. Двери в эту сферу были открыты в древности и, несомненно, откроются вновь, что будет означать крушение эры материализма даже в глазах самых обычных людей. Эпоха «просвещения» с ее обезьяньим хвостом неизбежно рухнет. Но все эти открытия таят в себе большие опасности, ибо придется иметь дело с силами, враждебными человеку. Эти открытия, как и открытия другого, более скромного характера, неизбежны, но из этого вытекает, что необходимо осторожное отношение к ним, с позиций высшего духовного уровня.

Проблема бессмертия души (при точном знании, что, собственно говоря, имеется в виду под словом «душа») решается не

только на уровне веры, но и на уровне высшего Знания. Пример Индии и теории и практики такого великого учения, как Адвайта-веданта, подтверждает это. Но реализация такого знания — вещь, скажем мягко, нелегкая. Это как талант — он или есть, или его нет. Но даже и теоретическое владение таким метафизическим знанием абсолютно значимо. Вера же в принципе открыта для всех, и на высшем уровне она тоже сливается со знанием. Но, хотя она открыта, идти истинно религиозным путем, разумеется, непросто, совершенно понятно, почему...

Все это говорится еще и потому, что этот «нерв» бессмертия совершенно необходим человеку при его земной жизни. Крайне важен также другой аспект духовной составляющей России, а именно — сама культура как таковая, прежде всего, русская литература, особенно, конечно, классика. Кстати, она тоже учит бессмертию, но не только. Хотя, конечно, чистое знание о том, что такое душа и дух, возможно только метафизически, так как сама душа и тем более дух выходят за пределы нашего мира. Но дело в том, что метафизика вплетена в литературу, является ее частью. Кроме того, русская литература дает необозримую возможность познания русской души, самопознания ее, и это имеет совершенно исключительное значение. Причем сделано это с потрясающей художественной силой, что выдвинуло русскую классику на особое, недостижимое место в мировой культуре. «Война и мир» теперь считается лучшим романом в мировой литературе, а Достоевский стал величайшим писателем в мире, в том числе по такому признаку, как количество книг, написанных о нем. Но вся тайна этого особого места русской литературы заключается в наличии в ней некоего высшего этажа, некоего скрытого уровня, свойственного только русской литературе, и именно этот уровень придает ей дополнительный тайный смысл и почти магическое воздействие. Например, если у Шекспира все буйство, кровь, мечты и трагедия жизни проявлены с яркой видимостью, то у Чехова на уровне видимости обычная, «обывательская», тихая жизнь, но где-то там слышны отзвуки неведомого землетрясения; там, где-то в тишине, и происходит самое

главное. Этот уровень подтекстовой бездны, или просто подземного шепота, почти не слышен, и создать «это» под силу только гению, такому, как Чехов. И вот в этой великой недосказанности, в скрытом уровне и заключена одна из тайн русской литературы. Вспомним тут Андрея Платонова, гениальный роман «Обломов» Гончарова... С одной стороны, запредельность Толстого и Достоевского, с другой стороны — «подземный шепот», тоска, сдвиг и прочее, прочее, о чем мы уже говорили в тексте «Россия Вечная».

Все это говорится к тому, что в духовной составляющей будущей России непременно должна быть продолжена эта великая традиция русской классики, однако уже в новой ситуации, отражающей реалии грозно наступающего третьего тысячелетия... И вся русская культура будущего тогда может пойти по этому пути, пути манифестации русской души в новом тысячелетии. Необходимо также внимание и открытость этому тысячелетию, желание пусть нервозно, но глубоко, даже с яростью или, наоборот, с мистической отрешенностью реагировать на совершенно непредвиденные, полунемыслимые, лихие события будущего... Традиция в русской культуре тогда может совместиться с уникальностью вечно нового. И жизнь души, и жизнь высшей культуры — это нечто близкое. И в целом состояние духа — действительно то, что определяет жизнь страны и на земле, и в небе.

А теперь о третьем важнейшем явлении, о котором надо сказать. Речь идет как будто бы о простом — об отношении между людьми, но в достаточно глубинном и духовном смысле, касаясь также и всех сопутствующих проблем бытия как такового. Если коротко, то лучший вариант отношений между людьми может быть соотнесен с формулой: «Любовь и мудрость». Поскольку речь здесь идет о России, то эти отношения есть отношения между соотечественниками, а не между людьми вообще, учитывая, что по отношению ко всем людям лучшим является вариант христианской любви. Что касается соотечественников, то поскольку люди одной культуры, языка и страны, по существу, образуют единую семью и, если посмотреть в глубь истории, могут являть-

ся даже отдаленными родственниками друг другу, — в отношениях между соотечественниками неизбежно выявляются дополнительные и существенные моменты. В согласии с нашей темой мы и будем говорить о возможности неких лучших и глубинных отношений внутри России между соотечественниками.

Итак, любовь и мудрость. Что здесь имеется в виду под словом «мудрость»? Это способность видеть в другом человеке себя, отблеск своей собственной сути, и также ту внутреннюю Россию, которая есть в каждом из нас, если даже мы не вполне это осознаем. Это может быть интуитивным, даже молниеносным познанием тех глубин в другом человеке, которые есть и в тебе. Важно только умение это видеть. Разумеется, каждый человек индивидуален, и у каждого могут быть свои аспекты внутренней России. Но общность, основанная на культуре, языке и духовности, настолько сильна, что она может объединять людей прямо противоположных по своим психологическим свойствам и даже социальной идеологии. Название этой объединяющей силы может быть разное — это может быть «Россия», «русская душа», «культура и язык»... Но главное, что это объединяющее начало имеет настолько глубокие корни, что может привлечь к себе даже иностранцев, если они прониклись российской духовностью и культурой.

Таким образом, общение между людьми, между соотечественниками, по существу, может превратиться в путь познания, познания самого себя и внутренней России, которая на самом деле может быть, пусть не полностью, идентична России Вечной, России духа. И это общение становится, следовательно, одной из форм духовной, душевной и бытийной жизни.

Естественно, такому общению между людьми сопутствует любовь. Если вы видите в другом человеке свое, родное, независимо от того, достаточно он образован или нет, каков его социальный статус, богат он или беден, то тогда все покровы различий сбрасываются пред сиянием того, что вполне можно назвать русской душой, даже если она не вполне проявлена. Родство культур, языка и духа неизбежно порождает любовь, подкрепляемую и общече-

ловеческим началом. Нельзя забывать, что, согласно нашему провидцу и пророку Достоевскому, русский человек (добавим: человек русской культуры и духа) является всечеловеком. Но такая семейная, духовно-интимная связь между соотечественниками, любящими свою Родину, культуру ее и дух и, следовательно, самого себя и других, образует целый мир со своими глубинами и радостями, целями и рекой жизни. Сама жизнь становится в этом смысле творчеством, творением любви и познания России. И любящие ее любят друг друга. Практически тогда весь народ становится одной мистической семьей. На социальном и человеческом плане это не только объединяет социально, человечески, но и влечет за собой непостижимую в своей основе близость между людьми.

В заключение можно действительно утверждать, что подобное вышеизложенное отношение между людьми может в корне изменить всю ауру повседневной жизни в России. В зачатке, тоже в небольших группах, это есть уже сейчас, и распространение этого явления будет прорывом и укреплением духовной мощи России.

Другой важнейшей проблемой является концепция русского бытия, которая изложена в доктрине о Вечной России. Здесь, как, впрочем, и в предыдущем случае, влияние самого духа России Вечной неизбежно, ибо ее воздействие может чувствоваться в любое время. С нашей точки зрения, русское бытие как таковое находится под воздействием двух противоположных начал, образующих, тем не менее, парадоксальную гармонию. Эти начала — стремление к запредельности и одновременно определенная устойчивость, закреплённость в земной жизни. Это можно выразить символически: наша правда — самовар и бесконечность. О бесконечном в русской душе достаточно сказано в тексте, посвященном России Вечной, но вот на символическом самоваре надо остановиться.

Во-первых, типически традиционная русская повседневность с ее самоваром, пряниками, чаепитием и душевными разговорами создает ощущение уюта, даже какого-то метафизического уюта, устойчивости и самосохранности. Когда вы стремитесь к бесконечному, запредельному, надо иметь в тылу этот мистиче-

ский уют, причем традиционно национальный, апробированный веками. Во-вторых, и это уже из другой оперы, повседневное русское бытие, имея в виду просто внутреннюю стихийную жизнь человека, имеет некий созерцательный, чуть-чуть отключенный аспект, который особенно хорошо отражен в произведениях Андрея Платонова. Это придает такой жизни, даже при всей тирании бытовой реальности, весьма самоуглубленный оттенок, который иногда может даже не осознаваться. При этом если эта самоуглубленность как явление внутренней жизни получает развитие, т.е. будет еще более углубляться, уходя от чисто стихийного состояния, то неизбежна реализация такого состояния, когда созерцается собственное бытие, вероятней в форме чистого сознания, т.е. созерцается первооснова собственного бытия. Это вполне может переходить в опьянение своим бытием, в благодатное опьянение, что может дать в идеале ощущение непрерывного неразрушимого счастья, точнее, даже мистического счастья. Благостно-динамичным результатом первоначального, стихийного самоуглубления может быть необычная сила воображения, что характерно для русских людей. Последствия подобного очевидны, особенно на примере русского искусства и литературы.

Но чистое, не рефлектирующее бытие, естественно, имеет особую метафизическую ценность. Все это придает особый колорит русской жизни, поскольку эти внутренние качества, по крайней мере многие из них, проявляются вовне.

При всем этом следует помнить — чтобы не впасть в весьма опасные иллюзии, — что человеческая душа является постоянной ареной борьбы между добром и злом, и зло в принципе неискоренимо в человеческой природе, присуще ей, по крайней мере, в данном космологическом цикле, до творения «нового неба» и «новой земли». Все, однако, зависит от степени зла. Одно дело, когда в русских деревнях, хотя бы в XIX веке, двери не закрывались на ночь, другое — когда в любом месте опасно быть при свете дня.

Но все же совершенно очевидно, что и в самом идеальном случае зло будет существовать, пусть и немного затаясь. Ника-

кой социальный строй не в состоянии искоренить зло. Значительно искоренить его может только духовное преображение человека, и такое случалось на протяжении человеческой истории. Поэтому те принципы, особенно это касается духовной составляющей и отношений между людьми, так важны в доктрине Великой России. Разумеется, все это может быть возможным при условии кардинальных изменений в воспитании людей, в системе образования, культуре и ее связи с массами и т.д., что, собственно говоря, неизбежно в будущем, ибо грядущее, видимо, полностью изменит современные представления о человечестве, космосе и о человеке как таковом. В более широком смысле следует сказать не только о «зле», но о страдании, которое неизменно, из века в век сопровождает жизнь людей и которое для этого космологического цикла так же неистребимо, как и зло. Но в страдании может быть заключено не только зло.

В чем причина всего этого? Ответ очевиден: несовершенство этого мира и самого человека в нем. Есть миры, где нет никакого зла. Причиной же самого несовершенства является свобода воли, человек свободен совершать все, что он хочет, в том числе зло, — таков обычный, довольно взвешенный и реалистичный ответ теологов. Не будем углубляться в возможность других, более эзотерических ответов. Раз несовершенен — значит, несовершенен. Примем как факт. Разумеется, возникает вопрос: может ли такое нравственно-духовное преображение охватить подавляющее большинство населения? Никаких гарантий здесь нет. Но можно ответить, что практически и в искусстве, науке, политике и т.д. всегда всё решало меньшинство. Если такое преображение охватит образованные, продвинутые духовно слои общества — это уже во многом определит судьбу страны.

Другим вопросом является следующее: насколько возможно такую доктрину Великой России воплотить в жизнь, учитывая сложное положение, в котором находится сейчас и мир, и Россия. Но эта тема, требующая детального рассмотрения, выходит за рамки этой главы. Но, как уже было сказано, такое возможно при

условии выхода России из того положения, в котором она оказалась, а это возможно, если именно государство, руководство страны сумеет устранить все хорошо известные негативные явления, мешающие полноценному развитию страны. Нет ничего хуже слабого государства и тем более хаоса, безвластия и жутких последствий этого. В современном мире все взаимосвязано, и судьба каждой страны зависит также от правильного или неправильного решения внешнеполитических проблем. А это зависит только от руководства страны. Отстоять свой суверенитет, при этом избегая крайностей неизбежных внешнеполитических конфликтов и противоречий, найти союзников по интересам, обеспечить обороноспособность страны при быстро развивающейся военной технологии и т.д. — все это вместе поистине гигантская задача.

Однако, как писал поэт: «Все на свете относительно, кроме промысла Господнего». Смотреть на мир тупыми материалистическими глазами нелепо. То, что предназначено для России, то будет реализовано, но при условии, если мы сами будем стремиться к этому и сделаем все возможное, чтобы это великое будущее осуществилось. Бог помогает тем, кто сам себе хочет помочь. Воля людей не должна противостоять воле высших сил.

Мир, в котором мы живем, неизбежно подвергнется колоссальным изменениям, новые открытия могут кардинально изменить всю ситуацию и мировоззрение людей, приблизить возникновение новой цивилизации на Земле. Скорее всего, это будет работать на Россию.

Мы подошли к финалу. Так или иначе, доктрина Великой России связана с учением о России Вечной, импульсы которой пронизывают всю историю России в ее духовном проявлении. Какой бы эзотерический или, скажем проще, необычный характер это учение о России Вечной ни имело, оно может стать вполне доступным, по крайней мере, во многих важных своих моментах. Оно, это учение, связано с выходом в космос, не только физический, но и «невидимый» грандиозный космос тонкого и духовного мира, о котором говорят все традиционалистские космологии.

Но оно связано и с теми аспектами, которые помогут и Великой России, нашей конкретной России, на ее трудном историческом пути. Такие явления, например, как духовный патриотизм, неотделимый от концепции Вечной России, такой высший патриотизм может помочь гораздо больше, чем официальный. Весь его сложный комплекс, включая, между прочим, и почитание ушедших в другой мир наших родственников и соотечественников, может образовать в нашем сердце неразрушимую твердыню, опору во всех бедствиях, и в то же время внести в нашу жизнь радость и духовное торжество. Особенно важно также укрепить в человеке веру в его личное бессмертие во всех смыслах этого слова, то, о котором говорит христианство. Без этого человек просто обречен. Он не будет в состоянии увидеть собственную сущность и предназначение. Доктрина России, естественно, включает в себя положение о бессмертии и победе над смертью. Бог дал человеку свободу, но не для того, чтобы он воспользовался этой свободой для своей собственной гибели. Впрочем, дано и такое горькое право... Каждый народ может осуществлять и не осуществлять свою миссию, свое предназначение.

Как уже говорилось, согласно нашему великому пророку Достоевскому, русский человек — всечеловек, поэтому тем более любовь к России и к русскому народу вполне сочетается не только с любовью к человечеству, другим народам, но и ко всему живому, тем более когда в этом «живом» так или иначе проявляет себя Бог. Но величие и сверхгениальность Толстого состоит в том, что он открыл это присутствие Бога в нашем падшем мире, хотя сверхгениальность Достоевского носит более страшный характер. Судьба человечества, подчеркиваю, судьба ЭТОГО человечества, человечества определенного космологического цикла, «нашего» человечества, — весьма проблематична и преисполнена драматизма высшего напряжения. Но доктрина России Вечной далеко выходит за пределы данного космологического цикла и данного человечества. Наша задача — быть достойными этого тайного и великого предназначения во всей его полноте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У зложенная здесь Русская доктрина является по своему существу глубоко эзотерической, иными словами, познание этой доктрины связано со значительной философской и метафизической подготовкой и Интуицией (именно в этом плане и понимается само слово «эзотеризм»).

Но любая духовная доктрина неизбежно имеет и свою экзотерическую сторону, то есть сторону, в более или менее равной степени открытую для всех и в то же время сохраняющую свою связь с самой сущностной и глубинной эзотерической стороной доктрины, с ее центром.

Вот эту экзотерическую, явную сторону необходимо сейчас ясно и определенно подчеркнуть и выразить.

Но прежде отметим: в данный исторический момент восприятие Русской доктрины не всегда может быть полным, тем более что в то время, как наличное историческое бытие некоторых концентр («качеств») России совершенно очевидно, проявление других выражено не так явно, их воздействие может носить, особенно на первый взгляд, скрытый, тайный или «неопределенный» характер (наконец, в будущем могут появиться концентры, о которых мы пока не имеем никакого представления)⁵⁵.

⁵⁵ Видимо, возможно дальнейшее развитие и понимание этой доктрины как в наше время, так и в будущем.

Поэтому многие могут полностью принять или ориентироваться только на такие концентры, которые исторически полностью выражены и проявлены (например православие, русская культура, русское бытие). Но глубокого и искреннего принятия тех или иных сущностей России (в сочетании с любовью к России) уже вполне достаточно, чтобы быть в той или иной степени последователем этой доктрины, включая ее эзотерические аспекты, фактически заключенные в каждой ее концентре.

В чем же тогда заключается эзотерическая сторона доктрины? Она, видимо, заключается в переводе Русской доктрины на более доступный язык (что вполне возможно), и в некотором вполне допустимом (до определенных пределов, конечно) упрощении ее, и в принятии важнейших выводов из этой доктрины.

Например, следующего: Россия представляет для нас (после Бога) высшую и глубочайшую сверхценность, по сравнению с которой все политические, социальные и так называемые общечеловеческие предпочтения отступают на задний план.

Последствия такого рода иерархии ценностей очевидны как в сфере духа, так и в иных сферах.

На духовном плане наше отношение к своей Родине, вытекающее из Русской доктрины, можно конкретизировать таким образом: центральным здесь является любовь к России, а также любовь ее людей друг к другу, объединяющая и сверхрациональная, когда в каждом другом видят себя и свою Россию. Здесь важен момент отождествления себя, своей тайной сути с Россией, Родиной, и отсюда может вытекать глубинная связь с «другими», соединяющая всех, при очевидных индивидуальных отличиях, одной мистической русскостью.

Другими признаками, помимо понимания Самобытности и Самоценности России, является осознание присутствия великой тайны в ней (и, следовательно, в глубинах Русской Души). Таким образом, укрепляется интуитивное и глубокое знание

того, что Россия не укладывается ни в какие внешние догмы или теории. Она имеет тайну в самой себе⁵⁶.

Из всего этого вытекает важность для каждой личности духовного познания России, неистребимой связи с нею, которая выходит, в конце концов, за границы видимого мира.

Кроме того, из самой идеи сверхценности России вытекает жизненная необходимость ее самосохранения во что бы то ни стало, а это уже имеет непосредственное политическое и геополитическое значение. В конце концов, экзотерическая сторона доктрины, сохраняя связь с ее центро-эзотеризмом, плавно переходит, таким образом, в национально-государственную идею или идеологию. Такого рода национально-государственная идея (НГИ), связанная с выводами и заключениями самой Русской доктрины, охватывающей все существо России, является просто переложением ее сторон и глобальных духовных, геополитических и цивилизационных выводов из нее на конкретно государственный уровень. Ее полную формулировку мы предложим чуть ниже, а пока отметим эту связь: Русская доктрина в ее полноте и эзотеризме — Русская доктрина на экзотерическом уровне — национально-государственная идеология (НГИ), вытекающая из этой доктрины.

Но теперь вернемся к судьбоносной необходимости Самосохранения России. Самосохранение это включает не только национально-государственное сохранение, сохранение страны и державы, но и самосохранение на уровне экономики, культуры и духа. Отсюда, например, необходима поддержка православия, при наличии, естественно, принципа свободы совести.

Неизбежно и вытекающее из духа доктрины непримиримое отстаивание национально-государственной и экономической независимости России. Фундаментальное значение имеет

⁵⁶ Даже если не все концентры (сущности) России воспринимаются или «признаются» теми или иными людьми, то и в этом случае возможно сформулировать идею веры в Россию как в метафизическую реальность и в тайну, разрешение которой — впереди.

и сохранение русской культуры (философии, литературы, искусства, языка, народного искусства и т.д.) во всей ее сложности и целостности как свободного (не скованного политической и иной цензурой) выражения всей глубины русского национального самосознания. Нельзя не учитывать также, что через высшие аспекты культуры неизбежно идет проникновение духа Вечной России в Россию историческую. Русская культура как зеркало русского национального самосознания фактически содержит в себе качества и внутреннее существо всех остальных концентр России. Поэтому ее значение необычайно велико. Важна и способность до конца ее понимать, проникать в нее. Естественно, она должна быть свободна, чтобы ее развитие было органичным и ничем не скованным⁵⁷ — тем более тогда ее «отдача» будет наиболее глубокой, проникающей в самые тайники национального сознания.

Тогда русская культура может внести свой существенно-глобальный вклад в становление русского патриотизма, вплоть до раскрытия в нем черт сверхъестественного патриотизма, поскольку русский патриотизм — согласно Русской доктрине — имеет свои корни, обращенные в сферу высшечеловеческую, в сферу Вечной России.

Само духовное раскрытие Вечной России в России исторической, разумеется, может идти без всякого участия государства, ибо такое раскрытие происходит на иных уровнях, но первоважнейшая задача государства — обеспечить само существование и безопасность исторической России в условиях скандальной планетарной неустойчивости (войны, экологические и иные катастрофы, подрывная деятельность и т.д.). А это — по большому счету — нельзя сделать без постепенного формирования такой высокообразованной политической элиты, такого правящего

⁵⁷ В этом должно быть одно из ее отличий от массовой культуры, которая в каждом современном обществе неизбежно контролируется и направляется, особенно если это связано с телевидением.

класса, формулой веры которого является абсолютная бескомпромиссная преданность России, ее народу, идее Самобытности и Сверхценности России и полная неподкупность в этом отношении. В этой политической элите (независимо от ее чисто социально-политических интересов) естественным путем должна концентрироваться вера в Россию, высшегосударственная и даже мистическая воля к ее самосохранению и величию⁵⁸.

Высокий смысл имело бы появление, в конце концов, совершенно новой российской интеллигенции, которая (в ее гуманитарных слоях) в корне отличалась бы как от «гуманитарной советской» интеллигенции с ее ограниченностью и примитивизмом, так и в особенности от фрондирующей или диссидентской с ее, мягко говоря, предательством по отношению к России. Непристойно интеллигенции играть роль марионеток антироссийских (зарубежных) сил, даже если такое положение оплачивается всякими поощрениями.

Черты этой новой, крайне желательной для России интеллигенции нетрудно предугадать: высшая образованность, духовность (в нормальном смысле этого слова), воля к свободному и глубинному творчеству, любовь к России... Патриотизм ее должен быть вполне сочетаем с творческой и духовной свободой, тем более сама Россия настолько глубинна, что ее духовное богатство неисчерпаемо, в том числе для людей творческих.

Отметим также, что поскольку духовное начало в России не является привилегией только «образованных» классов, то объединение духовных, творческих сил из самого народа, из его глубинки, с интеллектуальной элитой, несомненно, даст свои необычайные плоды.

⁵⁸ Воистину сакрально значение армии и обороны (наряду с умелой дипломатией) для России. Армия должна быть сакральным институтом, ибо в этом мире вечной затаенной ненависти и борьбы за мировое господство она является гарантом священного бытия России. Это не означает тенденцию к экспансии (у России и так есть все), это означает только одно: любая агрессия против России должна быть если и мыслима, то только в кошмарных сновидениях ее врагов. В любом случае Россия должна быть технологически мощным государством (особенно на таких глобальных направлениях, как космос и т.п.), с самой передовой и развитой наукой, тем более в жизненно важных для России сферах.

Какова же тогда может быть формула и суть новой национально-государственной⁵⁹ идеологии (НГИ), в которой отражались хотя бы экзотерические, «понятные» каждому, установки Русской доктрины? Такого рода «мировоззрение» не может быть создано «сверху»; чтобы быть жизненным, оно должно корениться в сердцах людей. Сама по себе Русская доктрина отвечает этим требованиям, но она должна быть адекватно переведена на массовый, социально-экономический и политический уровень, и здесь неизбежны весьма специфические нюансы, тонкости и даже затруднения. Не претендуя в этом отношении на «окончателность», можно, тем не менее, начав с чисто социально-исторического, даже психологического аспекта, предложить следующую простую формулу, заключающую в себе, как увидим потом, вполне глубокий смысл.

Эта простая формула такова: Труд — Любовь — Россия.

Но главное заключается в ее расшифровке: попробуем ее раскрыть, но сначала о прямом, непосредственном смысле этой триады.

«Труд» здесь может обозначать в конечном итоге не просто «обычный» труд, без которого невозможно существование страны, тем более «независимое», но и труд в том плане, что, взаимодействуя и сотрудничая со всеми странами, Россия, по крайней мере в каких-то основных направлениях, должна опираться на собственные силы, на труд своего великого народа (в конце концов, на союз, но подлинный, труда и предпринимательства), а не впадать в зависимость от внешних или враждебных государству сил. Таким образом, голый, тем более не контролируемый государством капитализм явно не подходит России. Кроме того, сама идея осмысленного труда предполагает определенную степень социальной справедливости и защищенности (насколько это возможно в человеческом обществе) — и это вполне соответствует российскому (всех народов России) социальному менталитету.

⁵⁹ Или национально-патриотической, если иметь в виду ее общенародный характер.

Возможно, все-таки именно смешанная экономика (полукапиталистическая, полугосударственная, при, естественно, социальном контроле и демократии) и есть лучший экономический вариант для России, учитывая ее современную ситуацию. Далее: «Любовь» в самой простой социальной интерпретации может означать братские, искренние отношения между людьми, взаимную поддержку и выручку, определенное единство, которые так необходимы сейчас и так были характерны для большинства периодов российской истории.

Что касается «России», то в данном контексте имеется в виду Отечество в его самом общепринятом и близком сердцу значении.

Единство Труда, Любви и веры в Родину — это уже конкретная историческая сила.

Однако есть еще один важнейший момент: эта формула (Труд — Любовь — Россия) на самом деле весьма многозначна, точнее, может иметь более глубинные уровни истолкования, что вполне может приблизить ее к экзотерическому уровню Русской доктрины (точнее, к ее социальному аспекту).

Например, концепция «Труда» при более глубоком истолковании может означать: 1. Творчество; 2. Познание (в том числе Самопознание и познание России и т.д.). Таким образом, выстраивается цепочка: Труд — Творчество — Познание. А это уже явное перерастание в сферу весьма радикальную. Ведь творчество (в широком смысле) и познание (не только научное, но и метафизическое, например) — это реалии, которые вполне могут доминировать в будущем тысячелетии в России или, по крайней мере, быть востребованными и актуальными.

Теперь о «Любви». Ее более глубокие интерпретации могут, во-первых, быть религиозно направлены (любовь к Богу и к ближнему), что вполне отвечает православному самосознанию. С другой стороны, «Любовь» может быть понята как та любовь русских и российских людей друг к другу, о которой мы уже говорили при изложении доктрины. Иными словами, такая любовь может озна-

чать не только «общественно-социальное единение» (как на первом уровне ее понимания), но национально-мистическую любовь русских людей (русских в том смысле, о котором мы уже говорили, то есть не только собственно русских, но и всех любящих Россию, ее культуру и считающих ее своей истинной Родиной) друг к другу, что означало бы высочайший уровень единства, выходящий даже за пределы земной жизни. Это такая любовь, которая может преодолевать индивидуальные (ничтожные, по большому счету), «общечеловеческие» различия⁶⁰ между людьми и вести их к видению сверхъестественного единства.

Наконец, сама «Россия». Само собой понятно, насколько понимание России может быть углублено. Если на первом уровне Россия — просто страна, драгоценная Отчизна, то на втором уровне — это не только Родина, но и, по крайней мере, самобытная, уникальная цивилизация, имеющая абсолютную ценность в самой себе. И, наконец, на последнем, третьем уровне — это «страна», выходящая за пределы человеческой истории, проекция Вечной России, метафизическая реальность.

Итак, эта формула Труд — Любовь — Россия значительна именно тем, что, во-первых, охватывает, включает в себя многочисленные грани народной души, ее исторический опыт и менталитет, объединяющий людей, и, во-вторых, несет в себе возможность глубокой духовной, даже эзотерической, интерпретации (на втором и особенно на третьем уровнях). Следовательно, формула Труд — Любовь — Россия может в конечном итоге трансформироваться в триаду: Творческое Познание — Высшая любовь — Вечная Россия.

Теперь обратимся к социально-государственным реалиям. Здесь важен другой язык, другие понятия и формулировки, а не

⁶⁰ Например, «внутри» человека, который, допустим, по многим параметрам характера и т.д. далек от какого-то другого, этот «другой» может видеть за маской индивидуальных различий все то же бездонно-родное, невыразимое, русско-мистическое ядро, как бы глубоко оно ни было запрятано.

только те, которые охватывают «стихийные», внутренние, глубинные силы внутри человека и народа, хотя именно они и являются по большому счету важнейшими. Таким образом, речь идет опять о НГИ (национально-государственной идеологии) и соответствующей социальной системе и т.д.

В широком смысле такой идеологией может быть государственный (или национально-государственный) патриотизм. Но при этом необходимо отметить следующее: Русская идея, Русская доктрина и т.д. — это, естественно, то, что идет из глубин души (или таится в ней). Государственный же патриотизм — это адаптация этих идей к социальной и политической реальности. Но весьма важная адаптация, ибо государство должно иметь осмысленную идеологию, в том числе «защиты» России, а не просто «защищать» ее чисто функционально⁶¹. При этом необходимо иметь в виду, что национально-государственный патриотизм возможен на двух уровнях:

а) на уровне русского патриотизма (что отвечает, по крайней мере в принципе, самосознанию приблизительно 85% населения сегодняшней России);

б) на уровне общероссийского патриотизма (даже, если угодно, евразийского, но с явным российским и русским оттенком), который может объединить вокруг России и включить в ее единство все ее народы и многие народы СНГ.

Оба уровня не противоречат, а дополняют друг друга, и государство не может обойтись только одним из них, но следует напомнить, что, по мировым стандартам, сегодняшняя Россия — мононациональная страна или близка к ней, и без самого духа русского патриотизма, без искренне-активного вовлечения русского народа в строительство экономики и государства говорить о восстановлении страны (во всех отношениях: от экономического до духовного) и сотворении сколько-нибудь эффективной идеологии в России — просто нелепо и бессмысленно.

⁶¹ Разумеется, если будущая российская политическая элита будет иметь эзотерический или близкий к нему подход к России, то это будет иметь весьма знаменательные последствия.

Стоит также напомнить, что русский патриотизм никогда не был направлен против других народов и не имел ничего общего с так называемым национализмом, особенно в его западном исполнении, то есть агрессивным, эксплуататорским по отношению к другим народам, расистским и колониальным по сути. В нем, наоборот, было всегда объединяющее начало, как будто необъяснимое на первый взгляд — собирающее вокруг себя другие народы, причем на равных началах.

Наконец, русский патриотизм неразрывно связан с идеей общеславянского единства (в той или иной форме), тем более восточнославянского, славянства всея Руси (по крайней мере, в том смысле, что от мощи России зависит судьба славянства: разделенное, а тем более противопоставленное, оно легко может стать добычей всяких стервятников и погибнуть).

Что касается самой Русской доктрины, то, во-первых, она во многом относится и к белорусскому народу, и к большинству украинского⁶². Во-вторых, она ни в коем случае не является националистической в том смысле, в каком, собственно говоря, это слово обычно употребляется. Действительно, само понятие «Русская Душа» носит в этой доктрине не только этнический, но и вселенский, и глубоко метафизический смысл. Ею в принципе могут обладать люди любого происхождения и государства (таких случаев в будущем, возможно, будет все больше и больше... может быть, это даже захватит значительные слои, именно в силу метафизического и космологического характера Русской Души), хотя, понятно, центр воплощения Русской Души — сама Россия.

Наконец, изложенная в этой книге Русская доктрина носит духовно-метафизический характер, и необычайное духовное

⁶² Наконец, для принятия Русской доктрины не обязательно «признание» всех концентров (сущностей) России, поэтому она приемлема для людей всех религиозных конфессий, а также для россиян вне конфессий и для так называемых «неверующих» тоже, поскольку для всех нас Россия является Родиной и все россияне поэтому приобщаются ко многим ее качествам и сущностям. Русская доктрина объединяет всех россиян, и не только их.

сокровище, наличие которого выявляется у России и русской нации, не означает, что русский народ должен требовать для себя каких-то особых экономических, социальных и политических привилегий по сравнению с другими народами. А, как известно, суть национализма (кстати, чисто западного явления), особенно убедительно проявившего себя как в отвратительном гитлеровском нацизме, так и в планетарном, охватившем всю землю западном колониализме и экономическом западном вампиризме, заключается как раз в беспощадной социальной, экономической эксплуатации и унижении народов по национальному и расовому признаку или просто по возможности эксплуатировать слабые страны.

Все это глубоко чуждо русскому народу и выраженной здесь Русской доктрине. Национальное духовное богатство, каким бы огромным и необычайным оно ни было, не имеет ничего общего с претензиями на господство над другими народами⁶³.

Закljučая эту тему и возвращаясь к национально-государственному патриотизму (общероссийскому и русскому одновременно), необходимо подчеркнуть, что такая идеология вполне совмещается (что необходимо) с интенсивным сотрудничеством и контактами со всем внешним миром и ни в коем случае не означает ненужной изоляции. При условии самосохранения, сохраняя себя, можно взаимодействовать с кем угодно. Наконец, эта идеология сохранения не означает, конечно, какой-либо тенденции к экспансии. У России, повторяем, есть все, она, разумеется, готова жить в мире с другими странами, но вправе требовать и от других такого же к себе отношения.

Теперь перейдем к следующему положению. Национально-государственный патриотизм должен быть совершенно ясно

⁶³ Нелепо, например, предположить (проведем здесь некоторую аналогию на уровне индивидуального существования), что какой-нибудь гениальный человек (мыслитель, поэт, ученый), каким бы исключительным ни был его дар, вдруг требовал бы по отношению к себе привилегий и «прав», которые бы унижали других людей, затрагивали бы их коренные интересы, шли бы вразрез с их естественными правами. Такое представить невозможно...

конкретизирован уже в социально-экономическом отношении. Мы уже отмечали, что «голый капитализм» неприемлем для России — и не только в силу ее исторической ментальности и эгоистичности, хищности капитализма. «Свободное движение капитала», отсутствие протекции и контроля со стороны государства, зависимость «чистого капитализма» внутри страны от мирового, в основном от американского капитала — неизбежно нанесет непоправимый ущерб национальной безопасности России и в конечном итоге может привести к потере национальной независимости. Одно дело — взаимодействие с миром, другое дело — превращение в колонию. Частный капитал, если ему дать полную волю, почти постоянно будет действовать вопреки национальным интересам страны и в конечном итоге будет стремиться подчинить себе правительство и власть, а значит, и саму страну. А в силу того, что он не сможет выступать на равных с мировым капиталом, неизбежно его подчинение иностранным интересам.

Другая ситуация может сложиться, если частный капитал будет контролироваться государством и действовать в интересах страны. «Смешанная экономика» или новая форма третьего экономического пути, в котором сочетались бы сильные стороны и социализма, и частного предпринимательства, на наш взгляд, — лучшие варианты экономического развития России на сегодняшний день.

Но кроме экономической политики, отвечающей национальным интересам и безопасности страны, государственный патриотизм предполагает и конкретно разработанную в интересах страны и всего народа (а не каких-то привилегированных экономически групп и т.д.) политику по отношению к образованию, культуре, средствам массовой информации и, главное, социальной сфере. Необходима справедливая и сбалансированная социальная политика, обеспечивающая и защищающая население страны. Бессмысленно говорить о патриотизме как доктрине, в том числе и «государственном», если народ страны

социально и демографически не защищен. Эта социальная и демографическая программа должна исходить именно из патриотического мировоззрения (то есть из любви к стране и ее народу), а не из каких-либо социальных утопий, как было раньше. Целью является здесь сама страна, ее благополучие, ее народ, а не социально-политические «измы». Должно быть выработано патриотическое учение, которое, независимо от того, каков будет характер экономического строя в России, обеспечивало бы реальную защищенность населения и его рост (хотя, разумеется, экономический строй должен соответствовать общей направленности, выраженной в национально-государственном патриотизме). Таким образом, по всем важнейшим векторам жизни страны должны быть выработаны конкретные программы, отвечающие этой общей направленности национально-государственного патриотизма и самосохранения страны и народа. Государство здесь средство, а не самоцель, но средство совершенно необходимое.

И, в конце концов, о политическом строе. Если действительно наша цель, наша сверхценная идея — создание новой России как величайшей, самобытной цивилизации, связанной, по крайней мере, с теми или иными аспектами Русской доктрины и т.д., то политическая система явилась бы в этом случае просто средством для достижения именно этой цели, а не какой-либо самоцелью в себе. По существу, Русская доктрина (Русская идея) совместима с любым политическим строем (исключая предательский), имеющим высшую цель не политическую как таковую, а саму Россию.

Демократия, если под ней понимать народовластие, а не власть денежного мешка, власть сверхбогатых и финансовой олигархии (что обычно иезуитски лицемерно обозначается как современная «демократия»), вполне приемлема, особенно если политический и управленческий класс будет верен России и соответственно образован и подготовлен.

Однако отметим, что «свобода» таит в себе определенные опасности: разнузданная, потакающая низшим инстинктам, ни-

чем не ограниченная (а по существу — направляемая), она быстро превращается в свободу для дьявола и тюрьму для человека⁶⁴.

Итак, мы на пороге нового тысячелетия. Новая эра может быть совершенно невиданной, стремительной, и многое в ней будет наверняка непредвиденным и «неузнаваемым» для людей XX века. Тем не менее новая Россия может стать центром для самой себя, и в таком случае она может стать и всемирным центром, по крайней мере, для той части человечества, которая будет в состоянии распознать, хотя бы частично, что такое Россия. Но еще более важно для России — сохранить свое самое высокое предназначение и духовную запредельность.

⁶⁴ Даже «патриотизм», если он не связан с высоким уровнем образования, культуры, духа и понимания, а, наоборот, узколюб, некомпетентен, примитивен, может быть весьма вредным для России во многих отношениях (например, в сфере культуры, политики). По принципу — дурак хуже врага...

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

фрагменты

Григорий Мясоедов. Дорога во ржи. 1881	ОБЛОЖКА
Алексей Саврасов. Ранняя весна. Березы у реки. 1893	18–19
Алексей Боголюбов. Зима в Борисоглебске. 1881	22
Василий Поленов. Старая мельница. 1880	116
Иван Айвазовский. Смотр Черноморского флота. 1849	182
Федор Васильев. Перед грозой. 1869	196
Иван Шишкин. Лесная речка. 1893	212

Юрий Мамлеев

Невиданная
БЫЛЬ

СТИХИ И ПРОЗА

Мир исчезнет... Был он или не был?
Но из уст Кого-не-знал-никто
Потечёт Невиданная Небыль,
И узнает каждый, кто есть кто.

www.traditionpress.ru

Юрий Мамлеев
МОСКОВСКИЙ
ГАМБИТ
РОМАН

Роман «Московский гамбит» –
одновременно блистательное описание тайной,
подспудной жизни в Советском Союзе
в 1960–70-е годы и художественное изложение
метафизических идей. Книга иллюстрирована
живописью и графикой всемирно известных
русских художников-визионеров,
в разное время имевших непосредственное
отношение к эзотерическому салону
Ю.В. Мамлеева на Южинском.

Данное издание является наиболее точной
и полной версией произведения,
с авторским дополнением в эпилоге.

Юрий Мамлеев

Воспоминания

Первое издание ранее не публиковавшейся книги классика современной русской литературы Юрия Витальевича Мамлеева (1931–2015).

Юрий Мамлеев – не только уникально одаренный прозаик, поэт и философ, прозревавший сквозь видимую реальность бездны метафизического бытия, но и человек, который впитал в себя неповторимую атмосферу неконформистской творческой Москвы 1950–1970-х годов и который во многом сам эту атмосферу создавал.

Этим воздухом, этим движением мысли и чувств Юрий Витальевич дышал и в долгие годы эмиграции, и после возвращения в «Россию Вечную», как он называл, чувствовал и понимал нашу Родину.

Его мемуары, охватывающие всю жизнь автора, начиная с самого детства – бесценный памятник русской культурной жизни того времени в Советском Союзе и на Западе, раскрывающий новые тайны творчества этого великого писателя.

Юрий Мамлеев

Статьи и интервью

В настоящий сборник вошли статьи и интервью Юрия Мамлеева, охватывающие период с 1970-х годов и до самых последних дней. Ряд из материалов публиковался в свое время в таких изданиях, как «Новое русское слово», «Русская мысль», «Вопросы философии», «Литературная газета» и других.

Сборник дает прекрасную панораму мысли и безусловно способствует более глубокому прочтению художественных и философских произведений Юрия Мамлеева, расширению понимания русской и мировой культуры и лучшему предвидению возможного будущего России. Кроме того, Юрий Витальевич дает некоторые практические советы.

Книга «Статьи и интервью» продолжает «мамлеевскую» серию издательской группы «Традиция».

Юрий Мамлеев
Россия Вечная

ТРАДИЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

www.traditionpress.ru

ИЗДАТЕЛЬ

Андрей Суворов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Андрей Степанов

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

Евгения Бубер

ISBN 978-5-9905747-9-3

Тираж 200 экземпляров

Отпечатано в типографии
ПАО «Т8 Издательские Технологии»,
Москва

ТРАДИЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА